

Александр Комаров

Люди vs Боты

Назад в 2006 год! Когда мир еще не познал айфона! Ностальгировать разрешается!

Два русских студента, приехавшие на летние заработки, странствующий художник из Питера, модная телеведущая... Все они, оказавшись в таинственном американском городке, затерянном среди гор и лесов, сталкиваются с сектой людей-ботов, лишенных самосознания и свободы воли.

Люди vs Боты

Глава 1. Художник и колдун

Не рекомендуется к прочтению ботам

Теперь который день он просыпался под открытым небом. Зеленый спальный мешок с дыркой, в которую он свободно просовывал большой палец левой ноги, выцветший на солнце рюкзак, служащий вместилищем для пары футболок и нижнего белья, лэптопа и периодически появляющихся у него вещей, сумка через плечо с буквами "DP", еще три года назад он носил в ней тетрадки с лекциями, а теперь там хранится его скудный запас продуктов — вот все имущество, которое он мог гордо назвать "своим".

Окончательно переместившись из сна в реальный мир, парень глубоко зевнул и начал выбираться из мешка. Рядом, прямо на земле, аккуратной стопочкой лежали футболка, шорты и небольшая шляпа. Как всегда, они были немного сырыми от росы, но это его не смущало. Чуть подоль стояли удобные непромокаемые сандалии, а сверху лежали темные очки в позолоченной оправе. Оставаясь в одних трусах с изображениями героев мультика "South Park", он сделал несколько приседаний, потом принял упор лежа и отжался сорок раз. Поднявшись на ноги, открыл рюкзак, достал оттуда полотенце, зубную пасту, щетку и направился к шумящему недалеко ручью, по дороге стряхивая кусочки земли с кулаков. Окунувшись и почистив зубы, парень насухо вытерся и вернулся к месту своего ночлега. Там он натянул на себя одежду, обулся, повесил с помощью специального шнурка очки на шею, скатал спальный мешок, запихал его в рюкзак и уселся на получившийся пуфик. Затем подтянул к себе поближе сумку с продуктами и открыл ее. Внутри была пачка овсяных печенек, он всегда имел их при себе. Во-первых, он любил макать их в молоко с детства, а во-вторых, ему казалось, что внешне они похожи на Толкиеновские путлибы (эльфийские лепешки) из "Властелина Колец". Кроме этого, в сумке лежала бутылка с клубничным морсом. Раздобыть в Штатах варенье каждый раз было не очень просто, оно, естественно, продавалось, но выбор был не богат и чаще оно встречалось в виде повидла, а его с водой не очень-то и размешаешь. Употреблять же содовую он категорически не хотел. Дело было не в ходивших о ней слухах, будто бы она за ночь ложку алюминиевую разъедает и прочее, на такие доводы ему было плевать, как Мадонне на Нижнепередрючинский ДК. Просто от лимонада его долго пучило. А путешествовать с больным желудком удовольствие не большее, чем смотреть концерт той же Мадонны в Нижнепередрючинском ДК на двухдюймовом экранчике цифрового фотоаппарата фирмы "Hui Nya" в солнечный день.

Еще в сумке валялся сэндвич из забегаловки с названием Нью Йоркского метро... бутерброд был вчерашний и с ветчиной, поэтому парень осторожно достал его из полиэтиленового пакетика, понюхал и брезгливо выкинул подальше. Глядишь с голоду не помрет, а вот останавливаться и серить через очень короткие промежутки времени не хотелось бы, тем более, запасы туалетной бумаги подходили к концу. Позавтракав, он встал, удобно разместил у себя за спиной рюкзак, повесил сумку через плечо и медленно пошел в сторону пролегающей метрах в двухстах дороги. Через несколько шагов парень свернул к дереву с мясистой лиственной шевелюрой, названия которого он не знал. Под ним стоял его байк. Так тут называли велосипед. Он был хорош: три передних звездочки, семь задних, тормоза, удобное седло и большие колеса, но вот только крылья к нему были не

предусмотрены... ну и что, что это горный велосипед? Неужели все, кто ездит в дождь по горам должны иметь забрызганную спину и грудь? Но в солнечные дни этот незатейливый, как карманные детективы, транспорт уверенно и достаточно быстро нес его по хайвэям и проселочным дорогам штата Северная Каролина.

Этим утром он ехал по семьдесят четвертом шоссе на север к городу Эшвил. Почему туда? Просто так получилось. Он объездил целую кучу таких городков и названия смешались в его голове, но не так давно ему рассказали историю, которая и заставил в качестве следующего пункта назначения выбрать именно Эшвил.

Сейчас он просто крутил педали, уставившись в одну точку где-то на границе асфальта и зелени окрестных холмов. До города было еще очень прилично, а минут через сорок начнет так парить, что колеса будут оставлять за собой траншеи в плавящемся асфальте. Уже сейчас, проехав всего две-три мили, он чувствовал, как темнеет футболка у него подмышками и под рюкзаком.

В темных солнцезащитных очках мир, как всегда, казался ненастоящим, будто бы он смотрел на него через кинескоп телевизора. Казалось, возьми он сейчас влево, выйди на соседнюю полосу, а несущиеся навстречу машины будто бы проедут сквозь него или, другими словами, исчезнут за границей кадра. Но он был еще не конченным придурком и проверять это не хотел.

Ему до приятной истомы нравились эти тягучие от солнца, липкие от пота и слегка нереальные от близости сна, утренние поездки. Иногда он закрывал глаза на пару секунд и закусывал верхнюю губу от удовольствия. В это время для него не существовало никаких проблем, все, что надо было делать — машинально работать ногами. И все-равно, при кажущемся бездействии через некоторое время что-то произойдет, вот новый город, новые люди, новые впечатления, новые мгновения.

Потихоньку, мыслишка за мыслишкой, фраза за фразой, образ за образом, содержимое головы приходило в порядок. Характерный утренний сюрреализм сдавал позиции сухомытке обыденности. Парень чувствовал, что еще минут десять и он запоем какую-нибудь песенку.

Сзади, пробиваясь сквозь звуки поглотившей весь хайвэй скорости, слышалась музыка. Ее громкость все увеличивалась и увеличивалась, будто кто-то крутил колесико на магнитофоне. Парень обернулся — его нагоняли три мотоциклиста. Их Harley Davidson'ы выглядели очень по-американски и даже шлем с изображением национального флага Соединенных Штатов не делал бородатого мужчину идиотом, ведь это был его флаг, а мотоцикл был не просто попсой, а в какой-то мере, символом его страны. Упор тут нужно сделать именно на слове "его". Другое дело, когда такие персонажи встречались в России.

Иногда бывает, что ситуация складывается таким образом, будто кто-то нарочно подтасовывает обстоятельства, например, если ты полгода уламывал девушку заняться с тобой тантрическим сексом, то, когда она согласилась, астральный портал накроется тазиком. А вот если ты солнечным утром катишься на велосипеде по дороге, проложенной среди ярко зеленых холмов, весь мир улыбается тебе бамперами едущих впереди машин, то обязательно должны появиться странные байкеры, которые в этот пейзаж добавят еще и твою любимую музыку.

Из проезжающего мимо Харлея звучала знаковая для парня группа "Dereche Mode", долгое время он не мог объяснить даже себе все те чувства, которые вызывала в нем их музыка. Обычно его сердце подскакивало до зуба мудрости и мешало сглатывать слюну. Несколько раз за песню кожа на спине превращалась в сплошное эрогенное ухо и начинало

оргазмивать посредством онемения пяток. А еще, он соглашался со всеми словами, произнесенными Дэвидом или Мартином и по-другому ему жить уже не хотелось. И если случалась какая-нибудь холи крап (Holy Crap — англ. святая какашка, ругательство), то стоило включить любую песню этой группы, как в мире не оставалось ничего, кроме музыки. Иногда он плакал от нее, иногда она его, наоборот, ободряла, в любом случае, в такие моменты он начинал осознавать себя очень четко и ясно. Первые свои картины он рисовал только под *Depeche Mode*, потом он открыл для себя и другие группы, но Дешпи остались с ним навсегда. Он даже пытался повторить духовный — или лучше сказать порочный — путь их солиста. Упасть, встать и идти дальше, какое-то время ему казалось это актуальным. Теперь он совсем другой, но их музыка по-прежнему превращает его в оголенный нерв и частенько заставляет браться за работу. Чего ему действительно не хватало с того момента, как он покинул Нью Йорк, так это музыки. Которую неделю он подумывал о плеере, но достать его не было возможности. Конечно, он слушал музыку на ноутбуке, но в дороге это было практически не возможным — батарейку приходилось беречь для работы.

Байкеры совсем поравнялись с ним, но не спешили вперед, все дружно скинули скорость и поехали рядом с велосипедистом. А парень не был удивлен, его восторг и получаемое от музыки удовольствие можно было прочесть даже на затылке, где вставшие дыбом волосы сложились в заветные буквы "DM". Он оторвал левую руку от руля и сжал в кулак, оставив снаружи только большой палец, образуя значок "отлично". Бородатый мужчина в ответ улыбнулся, направил указательный палец в сторону парня, потом поднес руку в кожаной "рокерской" перчатке к очкам на глазах и показал "ок". Парню тоже нравились эти *sun glasses*.

Так они дослушали звучащую песню до конца, а потом каждый мотоциклист отмахнул двумя пальцами от виска и прибавил газу. Улыбнувшись вслед, парень опять вернулся к созерцанию дороги. Вдруг, из-за ветвей дерева вынырнула табличка: "Wi-Fi зона в 1 миле", через семьсот метров табличка повторилась, только расстояние было соответствующее, а еще метров через четыреста была третья табличка, уверенно показывавшая на узенькую тропинку, ведущую с шоссе в лес.

Скинув скорость до «звуковой», парень съехал с дороги. Метрах в десяти, за невысокими кустами находилась полянка. Четыре деревянных кресла-качалки, три скамейки, парочка табуреток и маленькие столики размером с шахматную доску. За одним из них сидел мужчина лет сорока, в белых шортах и желтой футболке. Перед ним стоял маленький ноутбук с четырнадцатидюймовым экраном, в руках он держал закрытую бумажную кружку с кофе и периодически потягивал его через соломинку. Рядом с ноутбуком лежали несколько сэндвичей, завернутых в фольгу.

— Привет, как поживаешь? — спросил мужчина по-английски.

— Привет, поживаю отлично, как у тебя дела? — ответил стандартной любезностью парень.

Вся эта манера общения сначала очень удивляла его, первый месяц пребывания в Штатах он никак не мог к этому привыкнуть. Брошенное проходим "Привет, че как?" повергало его в легкий ступор, он не понимал, что нужно отвечать. Конечно, он слышал и читал об этом, и теоретически знал все варианты ответа, но язык отказывался произносить нужные и ничего не значащие фразы по сто двадцать пять тысяч раз на дню. Потом он привык.

Говорят, что особо общительные в этом плане люди живут в южных штатах, а чем ближе к Канаде, тем люди более замкнуты и больше напоминают россиян. Если подойти к кому-то и заговорить, все будет отлично, но там не здороваются с тобой из каждой проезжающей машины.

— Все хорошо, — ответил мужчина. — Жарко сегодня будет.

— Парит, может быть, к дождю, — парень уселся на кресло-качалку и стал доставать лэптоп из рюкзака. Ненароком он бросил взгляд на сэндвичи, а мужчина поймал его.

— Хочешь один?

Парень подумал несколько секунд и кивнул. Мужчина поднялся со стула, подошел и протянул сэндвич, а затем и руку.

— Дэн.

— Ищущий Художник, — по-русски ответил парень.

— Как?

Он повторил по слогам. А потом еще раз.

— Откуда ты, Исусий Худозник? — с трудом выговорил Дэн.

— Из России.

— О! Россия, там очень холодно. Правда?

— Иногда очень, иногда нормально, — парень откусил от сэндвича.

— А из какой ты провинции?

— В смысле? — прожевывая пищу, спросил парень.

— Ну из какого города? Из Москвы?

— Нет, из Санкт-Петербурга.

— А чем ты занимаешься тут? — мужчина вернулся на свое место и сложил ноги по-турецки.

— Работаю.

— Хорошо, — Дэн несколько раз кивнул головой. — Я тоже работаю. В нашем ОСБ.

— Это какая-то спецслужба?

— Что?

— Ну это что-то типа Ми7, ФБР, ЦРУ?

— Нет, ты что, это переводится как Общество Служителей Богу. Это очень известная здесь секта. Неужели ты никогда не слышал о нас?

Парень напрягся. Потом прожевал остатки бутерброда и помотал головой, нет, мол, не слышал.

— Странно, мы очень много делаем в этом штате, да и вообще, в стране в целом, помогаем людям, наставляем их на путь служения Господу нашему, ибо только так человек может обрести покой и умиротворение.

Лэптоп Художника уже подключился к интернету, о чем радостно сообщал хозяину в левом нижнем углу экрана.

— Ты не против, если я немного поработаю, а потом мы побеседуем, просто мне надо проверить электронную почту, там должно быть очень важное письмо.

— Нет проблем, брат мой, я тоже займусь своими делами.

Таким образом, два человека все внимание сконцентрировали на своих компьютерах, такой небольшой с виду ящик содержит в себе много невероятных, бесконечных и неповторяющихся миров.

Парню действительно пришло важное письмо по поводу работы. Его последней работы,

сделанной в Нью-Йорке. Наконец за нее перевели деньги, теперь он мог не спешить с выполнением следующей картины.

Он тут же проверил состояние своего счета — все было в полном порядке, он получил именно столько, на сколько рассчитывал. Художник обычно был особенно горд собой, когда заканчивал очередную картину и когда получал положенные деньги. Хотя сами материальные блага были для него не очень важны, он любил ощущать свою востребованность. В такие моменты его самолюбие делало еще один шагок вверх по лестнице гордыни, приближая талант к абсолютному интеллектуальному и художественному господству в этом мире.

Он закрыл почтовый клиент, нашел свою последнюю Нью-Йоркскую картину и, запустив ее просмотр, начал неторопливо раскачиваться в кресле. Провод, тянувшийся от ноутбука к розетке, встроенной в дерево, напоминал детскую скакалку, только через нее никто не прыгал.

На экране появился странный пейзаж. Жирная вертикальная полоса черного цвета разделяла экран на две части ровно посередине. Левая его часть была похожа на изображение в старом не цветном телевизоре, на правой же, преобладали яркие краски, нанесенные жирными мазками. Картина была не цельной. Слева располагалось кирпичное здание в два этажа с зарешеченными окнами и пожарной лестницей, на одном из проемов которой стояли два человека: парень и девушка. В руках у кавалера была пузатая бутылка с длинным горлышком и стаканчик, у девушки — стаканчик и пакет с надписью "Milk". Оба смотрят в другой конец картины, там тоже самое, только в цвете. Агрессивный красный кирпич, толстая черная лестница, со ступенек которой свисают капли краски размером с головы персонажей. А парень с девушкой все так же стоят с бутылкой, стаканчиками и молоком... но смотрят не влево, а вниз... в открытый люк... из которого к ним тянется черная рука. Каждую минуту рука поднимается до верхней границы картины и сдергивает пленку с соответствующей половинки, а потом прячется в люк и вылезает из симметричного люка на другой части экрана, быстренько накидывает пленку, завершая превращение не цветного в цветное и наоборот.

Вся работа выполнена в графических пакетах на компьютере, от клякс на лестнице невозможно оторвать глаз, хотя они абсолютно не анимированные, кажется, будто бы весь дом прогибается под их тяжестью и вот-вот обрушится, рука выглядит не просто черной рукой, а чем-то зловещим, угрожающим.

Но при этом, говоря по-чесноку, Художнику никогда особо не нравилась эта картина... она казалась ему слишком надуманной... залепленной смыслом. Но это был сложный период в его жизни... к тому времени он провел в Большом Яблоке уже полгода, не самых спокойных полгода. Еще только приступая к ее созданию, он знал, что уедет из города, слишком невыносимо становилось творить в нем. Все свои чувства он выплеснул еще два месяца назад и долгое время совсем не брался за любимое дело, но деньги стали кончаться и пришлось тянуть из себя творчество, как козявку из носа. Таким оно и получилось, хотя с точки зрения техники исполнения все было на уровне, к которому привыкли его аниматоры-покупатели. По счастливой (или же нет) случайности, он покорила их мгновенно и сам того не желая.

Приехав почти три года назад с другом в Штаты по студенческой программе, они приступили к работе в одном из ресторанов Нью-Йорка. В их обязанности входило мыть посуду на машине и держать два туалета в чистоте. Съемная комната вскладчину стоила

четверть месячной зарплаты, едой их обеспечивали на работе. Непосредственным начальником был эквадорец, обосновавшийся тут пятнадцать лет назад. Он приехал на заработки, но устроился так хорошо, что решил не возвращаться домой. Когда президент Клинтон уходил с поста, появилась возможность получить Грин Карту через работу, и мужчина воспользовался этим. И в скором времени вся его семья стала настоящей ячейкой капиталистических США.

Его должность называлась кухонный "супервайзер". Надо было следить, чтобы все были накормлены, уважены, обслужены, все приборы функционировали, все служащие работали. Делал он это с неисчерпаемым энтузиазмом и казалось, что только вчера ему поступило судьбоносное предложение остаться работать в Штатах навсегда.

Проработав под его началом три месяца, парни решили последовать примеру боса и не возвращаться в Россию... Другу по ошибке открыли визу не на пять месяцев, как положено, а на семнадцать. Дома у него с родителями осталась младшая сестра, значит со скуки они не помрут. У Художника на Родине осталась только мама. Последний год перед отъездом его особенно грызло отчаяние. Кто-то будто напоил его из чаши, отравленной общественным мнением, его стали волновать присущие его поколению проблемы, которые раньше его мало интересовали. Он стал понимать, что теряет индивидуальность. Каждым нервом он чувствовал, что надо вытаскивать себя из окутавшей его рутины. Институт, приятели, образ жизни... все это не устраивало его, поэтому он и уехал.

Они проработали еще год, за который они научились многим полезным в жизни вещам, например: любое говно, встречающееся в унитазе — смывается, иначе — используй вантуз; сколько туалет не мой, все равно засрут и зассут; тоже касательно посуды; если засунуть руку в засоренный писсуар, полный мочи, всего на три секунды, то микробы не успеют тебя съесть.

Жизнь казалась совершенно прекрасной, не слишком напряжная работа, нормальные деньги, жилье в самом популярном городе Мира. Но оба они скучали: друг — по Родине, Художник — по Людям. Товарищи американцы не умели как следует кутить, американизированные братья славяне — тоже. Но все-таки единственными, с кем они проводили время, была компашка украинцев, живущих на Брайтон Бич. Некоторые были привезены сюда в младенчестве и говорили на характерном для этих мест миксе трех языков. По началу Художнику было очень трудно их понимать: первое слово в предложении говорилось по-украински, второе и третье — по-русски, а остальные по-английски, опять же, перемежаясь «родными» словечками. Чтобы уловить смысл такой речи, мозгу приходилось переключаться между «внутренними словарями» с мгновенной скоростью.

В конце концов, друг вернулся назад, а он остался.

С картинами дело обстояло тоже очень интересно. Однажды Художник пошел в Музей Современного искусства. Взял недавно приобретенный лэптоп и пошел. Делая, как и положено, передышки между просмотром выставленных там работ, он уселся в кресло и начал рисовать... стену напротив... только вместо висящих там шедевров он оставил пустоту. Просидев за этим делом полтора часа, так как технически картина была не сложная, он уже засобирался было домой, но тут к нему подошел мужчина. Высокий и с черной густой бородой.

— Хорошая картина, — кивнул он в сторону экрана лэптопа.

— Да, — согласился тогда Художник.

— Сам нарисовал?

- Снова да.
- А рамы так и останутся пустыми?
- Да.
- А почему?
- Не знаю.

— Бесподобно... мне нравится, я хочу купить ее.

— Но как? И что вы имеете ввиду под словом "купить"?

Так состоялось его знакомство со своим нынешним работодателем. Но его гонорары не росли от картины к картине, а искать вдохновение в таком крупном оплоте цивилизации становилось все сложнее и сложнее. Сабвэй уже не заставлял глаза блеснуть от интереса, скайскрабберы — задирать голову и падать на асфальт Таймс Сквэа. Художник все свободное время слушал музыку. И смотрел внутрь себя. Часто он видел там картины, а затем рисовал их. Часто он принимал что-нибудь. А когда картины кончились и даже алкоголь перестал помогать, он нарисовал седого мужчину с вытянутыми в разные стороны руками, на одной ладони он держал тарелку, а на другой — сердце. Продать ее так и не удалось, как ни странно, не отказывавший ни разу покупатель вдруг не стал платить за эту работу. Деньги кончались, кутеж продолжался... поэтому он срочно сел писать кирпичный дом и парня с девушкой. Но когда картина была готова лишь наполовину, он бросил работу в ресторане и ни с кем не попрощавшись, уехал из Нью Йорка.

"Уехал искать людей и свою жизнь" — оставил он немного позерскую записку. С людьми ему всегда не везло. Насколько хорош бы ни был встретившийся ему человек, Художник все равно находил в нем колоссальные недостатки... а ему нужен был кто-то сильнее его.

— Ну как, пришло письмо? — спросил Дэн.

— Да, — сказал Художник.

— А что это за картина была, которую ты рассматривал?

— Просто картина.

— Она темная.

— Она плохая.

— Кто автор.

— Я.

— Ты художник?

— Да, я же представился.

— Я же не понимаю по-русски.

— Я не виноват.

— А ты можешь нарисовать что-нибудь для нашей секты?

— Могу нарисовать вашего Бога в крутой тачке и с крутой телкой.

— Что? О мой Бог, как ты можешь говорить так?

— А почему бы мне не говорить так, ведь ваша секта это очередная компашка хитрожопых мужичков, которые хотят впарить простым обывателям всякой чуши с единственной целью наварить побольше денег.

— Нет! Мы же помогаем людям!

— Рассказывай!

— Но ты же никогда не слышал о нас, почему ты такого плохого мнения о нашем обществе?

— Я понял это по тебе.

Мужчина соскочил со стула.

— У тебя есть сканер? Кто ты?

Художник продолжал сидеть в кресле и равномерно раскачиваться.

— Представься, кто ты?

Художник слегка повернулся в сторону кричащего мужчины и прищурил глаза.

— Ты агент? Ты за них? Ты ищешь Людей!

— Успокойся, я вообще не знаю, о чем ты говоришь, — ответил парень, хотя и напрягся от последнего слова.

Мужчина сложил руки в замок и наклонил к ним голову.

— Драгоценный Боже, я благодарю тебя за прекрасное утро, благодарю тебя, что я до сих пор жив. Призываю тебя помочь мне обратить этого врага всех поданных твоих.

— Святая Какашка, я не верю в твоего Бога! — закричал Художник.

Мужчина чуть снизил громкость, но усердно продолжал бормотать себе под нос.

— Я не верю в твоего Бога, который призывает посвятить всю жизнь служению ему!

Художник уже начал ощущать действие гипнотической молитвы. Никто не знал, как она работала, но на самом деле он очень много слышал про ОСБ, их боевики захватывали людей прямо на улицах.

— Не нужен мне твой треклятый Бог, у меня есть СВОЙ! — закричал парень.

Но мужчина продолжал колдовать.

Художник попробовал заткнуть уши руками, но он и так не слышал слов молитвы, тогда он решил убежать, но ноги отказались слушать его.

— Я НЕ МОЛЮСЬ ПЕРЕД ЕДОЙ! — выкрикнул он последний аргумент.

Молитвенника будто в Голливуд пригласили сниматься, он весь выгнулся, глаза вылупились. Несколько секунд его всего выкручивало, а потом он упал на землю и рассыпался на атомы.

Художник выдохнул с облегчением. Потом аккуратно встал на ноги и подошел к месту, где только что стоял боевик секты ОСБ. На земле лежал узелок из коричневого материала. Парень нагнулся и поднял его. Внутри оказалось несколько сто долларовых банкнот, записная книжка и диск. Вытащив все это, он посмотрел на лэптоп колдуна — тот мирно стоял на прежнем месте. Но как только Художник прикоснулся пальцами к его тачпаду, чтобы подвинуть курсор, на экране возникла надпись: "Отпечатки пальцев не опознаны, уничтожение через 5 секунд". Три секунды он смотрел в экран, не веря, что такая киношная чушь может случиться на самом деле, а потом, на всякий случай отскочил подальше.

Лэптоп чихнул и разлетелся на кусочки, оцарапав ему ногу.

— Святая какашка! — выругался он. — Он еще и бутерброды с собой прихватил, сволочь буржуйская.

Успокоившись после взрыва, Художник вернулся в свое кресло вместе с трофеями. Деньги он сразу положил к себе в портмоне, записную книжку пролистал и кинул в рюкзак, там были рекомендации к действию на все случаи жизни для боевиков ОСБ. Больше всего парню был интересен диск. Упоминание "сканера" заставляло его ладони потеть. За эту программку он был готов отдать очень многое. С ее помощью можно было просканировать любого человека и за пять-десять минут определить кто перед тобой. Он не знал всех подробностей, но в свое время, еще в Нью Йорке, он познакомился с одним человеком, который обнюхавшись кокаина, начал рассказывать ему, что дескать не все так просто в

этом мире. Люди — это не совсем люди, некоторые из них бездушные роботы... или, как их принято называть в узких кругах — боты. Тогда Художник тоже был не в адеквате и всех подробностей уже не помнил, но услышанные от колдуна ОСБ слова заставили его ВСПОМНИТЬ ВСЕ, с Арнольдом Шварценеггером и Шерон Стоун в главных ролях.

Вставив диск в свой лэптоп, он закусил губу от напряжения и вцепился в клавиатуру... автозапуск, энтер, папки, папки, Scanner_Setup.exe. Он не сдержался и крикнул во все горло "Йес"! Достал припрятанную в рюкзаке фляжку и отглотнул из нее водки. После того, как он покинул Нью Йорк он пил очень мало, точнее, он пытался пить очень мало, но прикладывался к фляжке почти каждый день. Как ни надоела ему разгульная жизнь, кое-что ему было просто необходимо. Периодически в его организме скапливалось слишком много какого-то вещества, можно называть его печалью, грустью, да хоть мировой скорбью, все равно. И тогда это вещество надо было излить куда-нибудь... например, в бутылку... но бутылка должна быть пустой, и не остается другого пути, кроме как выпить все ее содержимое, чтобы потом снова заполнить. Чаще всего, ему попадались бутылки с каким-нибудь алкоголем.

Программа установилась за несколько секунд, но при запуске попросила ввод серийного номера, Художник со всех сторон осмотрел диск, но нужного номера не нашел, обойти запрос тоже никак не удалось. От досады он вскочил с кресла и плюнул на оставшуюся от колдуна пыль. Делать было нечего, собрав все вещи, он вернулся на шоссе и продолжил путь.

Глава 2. Александр. Начало дневника

Фууу, только вернулся с магазина, весь мокрый... такая жара тут стоит, градусов 35 по нашему, точнее не скажу, потому что они в фаренгейтах считают, а я не знаю, как переводить в Цельсии, а учиться лень. Наконец-то купил себе лэптоп, это ноутбук по-русски, хотя тоже не совсем по-русски, но так или иначе... Сегодня 4-ое июля, вся страна празднует День Независимости, в магазинах большие скидки, ну вот грех было не воспользоваться, купил, значит, компьютер, теперь наконец смогу изложить все, что со мной приключилось за последний месяц. Надеюсь, что смогу описать дальнейшие события, которые обещают быть очень интересными. Блин, кто бы мог подумать, что этим летом я столкнусь с таким нереальным замесом, перестрелки, трупы, какие-то мистические дела, полный крантец!!! Но начать все-таки хотелось бы с моих первых дней в Соединенных Штатах Америки, иначе вам будет не так понятна вся проблематика происходящего.

Ах да, условные обозначения. Так как жизнь для меня протекает тут на двух языках, то всю русскую речь я буду писать обычным шрифтом (вот как сейчас), а перевод с английского буду помечать курсивом.

Самолет.

Этот текст я написал над океаном, попивая коньяк и разглядывая облака внизу. (Написано карандашом в тетрадке). (Не забыть вставить!)

На этом мои тетрадные записи заканчиваются.

Вы спросите меня, зачем я полетел в Америку? Мне стало скучно. Даже не так, мне было скучно уже очень давно, наверное, класса эдак с седьмого-восьмого... особых интересов у меня не было, и я просто убивал свое свободное время из года в год. Закончил школу с золотой медалью, не спрашивайте, как это у меня получилось, просто взял и закончил, никогда не запаривался насчет учебы, как некоторые, и все.

Институт, приятели, иногда бездумные гулянки, все настолько осточертело, что просто захотелось взять и улететь на другой конец планеты. Мне осенью друг школьный, Ваня, говорит, поехали, мол, в штаты на все лето, батрачить. Там, говорит, программа такая студенческая, называется «Лучшее лето вашей жизни». Ну я и согласился...

Сессии мы досрочно сдали, он свою, я — свою, сели в самолет и полетели. Часов 10 летели и что вы думаете? Прилетели... ждем трапа... я плююсь в этот, иллюминатор. Как-то не верится, что, просидев с десятков часов на этом сиденье можно оказаться в другом мире.... Солнце заходит и все вокруг желтоватого оттенка, такое я и в России видел. Кажется, тот же асфальт в трех метрах внизу, то же небо, тот же воздух, но хренушки! Это Нью-Йоркский асфальт, Нью-Йоркское небо, Нью-Йоркский воздух, и сам я человек в Нью-Йорке! С такими мыслями мы вылезли из самолета и по подвесному траппу-тоннелю прошли в здание аэропорта. Оглянувшись, я увидел, как целая группа черных женщин с тряпками и швабрами в руках зашла в салон сразу после нас. Пройдя по коридору, другая черная женщина

объявила, что Граждане США и обладатели зеленых карт могут пройти без очереди. Нам-то было все равно кто без очереди попрется, мы и так в самом конце были.

Вся эта кутерьма продолжалась целых два часа... прибывали новые рейсы, а Граждане США и обладатели зеленых карт все время проходили вне очереди. Наконец, и мы добрались непосредственно до финальной линии (очереди) к таможеннику... или пограничнику... кто там в международных аэропортах сидит? Провели в ней еще часик или около того, но тут было интереснее, все собравшиеся пялились в висевший под потолком телевизор. Там шел баскетбол. Мы от нечего делать с Ваней даже пари заключили, кто победит в матче... в баскетболе мы разбираемся не лучше, чем баскетболисты в лазерных технологиях или целлюлозно-бумажной промышленности. Но так или иначе, свой доллар я выиграл.

Весь персонал аэропорта, выполняющий подсобную работу, был сплошняком черный, это бросалось в глаза сразу, а вот непосредственно на таможне нас ожидал приятный сюрприз.

— Вы женаты? — спросили нас на чистом русском.

— Нет, — ответил я, глядя на Ваню.

— А чего вы тогда вместе ко мне подходите? Один сюда, а второй вон за ту желтую линию ждать своей очереди, — скомандовал молодой парень, одетый в форму явно не своей страны. Только если на Украине не ввели американское обмундирование.

Ну я первый пошел, а Ваня за мной. Украинец веселый до чего был.

— Запомните, — говорит, — что виза у вас на один въезд, так что, если захотите с девчонками в Мексику или в Канаду на денек махнуть, десять раз подумайте, обратно вернуться не сможете.

Я кивнул.

— А я тебя могу арестовать, — сказал парень.

— Зачем?

— Просто так!

— Не надо, — улыбнулся я.

— Ну хорошо, не буду. А ты где учишься?

— В универе.

— А чего изучаешь?

— Лазеры.

— Да?

— Ну, — я посмотрел по сторонам. Между мной и таможенником стоял прибор по считыванию отпечатков пальцев. — Вон, — показываю я на него, — я такую хрень могу сделать. Ну не сейчас, а вообще.

— А это-то причем?

— Ну лазеры.

— Хочешь сказать, отпечатки пальцев лазером считывают?

— Конечно. Полупроводниковым лазером... ну или возможно там светодиоды стоят... я ж только учусь.

— Да ладно! Лазеры же опасны, они палец бы прожгли.

Я говорю ему, что ничего подобного, а он спорить начал, не верит. Со своего места даже встал, подошел ко мне и давай всматриваться в этот прибор. Короче, чуть ли не язык туда внутрь засунул. Но потом успокоился, пожелал удачи и мы, наконец, официально очутились в Соединенных Штатах Америки, а точнее в Нью-Йорке. К тому времени былс

уже около полуночи, а нам надо было встретиться с кем-то из фирмы, услугами которой мы пользуемся во время этой поездки.

В указанном в брошюре месте никого не оказалось, и мы поспешили найти таксофон. Позвонив на бесплатный номер, мы не смогли выяснить ничего мало-мальски полезного. Не могу сказать, что нас охватила паника, но Ваня признался мне, что слегка нервничает... еще бы, оказаться в чужой стране на расстоянии океана и всей Европы от дома, а куда ехать и чего делать — не совсем ясно. Эх... дети.

За окнами аэропорта имени Д. Ф. Кеннеди было черным-черно, прямо как в квадрате Малевича (напрашивается другая метафора: "как у негра в жопе", но из соображений политкорректности, ее лучше не использовать). Ночевать мы по идее должны были в Колумбийском Университете, значит, если мы никого не найдем, нам надо брать такси и пилить туда. В голове сразу всплывала сцена из фильма «Брат-2», где героя Бодрова братья-славяне пытались облапошить на каждом углу... то есть брать такси было не охота... да и денег жалко. В брошюре было указано, что нужный нам человек будет находиться около книжного магазина, уже не помню название. В каком-то углу аэропорта мы-таки отыскивали это место. Но никого нужного нам там не было. Я решился спросить у продавщицы: "Извините, — говорю, — не подскажете ли, дело в том, что нас должны были встретить рядом с вашим магазином". Она смотрит на меня непонимающе и мне приходится все повторить.

— Хм... каким магазином? — спрашивает она, справедливо имея в виду ЖУРНАЛ. Я от усталости спутал слово shop — магазин, со словом magazine — журнал.

— Этим, — в ус не дую, отвечаю я, имея в виду их шарашку.

Черная женщина идет к полке с журналами и начинает их разглядывать, кивая мне головой, выбирай мол.

Тут до меня, наконец, доходит вся конфузность происходящего. Сразу вспоминается моя пятерка по английскому в одиннадцатом классе. А только к чему она вспоминается, не пойму)))

Не зная, что ответить я просто разворачиваюсь и выхожу из магазина, в смысле магазина, а не журнала. Ну вы поняли. (Перечитал, пожалуй, как-то много повторов слова "магазин", надо будет потом подправить). (Перечитал еще раз, подправлять лень).

— Нам не сюда, — кидаю я Ване на ходу, и мы идем дальше.

Кроме обилия черных мужчин и разных женщин (первые, причем, абсолютно не стесняются в наглую разглядывать вторых, независимо от цвета кожи и возраста), в глаза бросаются еще такие специальные хреновины, типа раковины... к ним подходишь и паховой областью нажимаешь на кнопку, тут же из краника начинает брызгать питьевая вода. Стоит этот стаф повсюду (stuff — англ. — хреновина, штуковина, вещь... и так далее... называется по-научному "универсальный гипероним", а вот очень смешное выражение the staff of life — хлеб насущный). Еще удивило, хоть мы и были наслышаны об этом, что американцы особо не церемонятся с местом, где можно было бы присесть. Идет человек в костюме, с кейсом и хоп, сел на пол, достал лэптоп и начал что-то печатать, а скорее всего, залез в интернет. Везде полно Wi-Fi точек доступа.

Мы проехали на монорельсовой тележке из нашего сектора поближе к выходу, там наткнулись еще на один магазин с нужным нам названием, но и возле него не было ни одного человека, желающего определить нашу судьбу на следующие несколько часов.

В конце концов, добравшись до многочисленных водителей таксишек и устав говорить,

что, дескать, тачка нам не нужна, по крайней мере пока... мы увидели своих... худенькая девочка сидела за столиком, вокруг которого были навалены рюкзаки, сумки и прочий стаф. Тут же стояло несколько парней.

— А мы вас ищем, — поспешили сообщить мы.

— А мы вас ждем, — был нам ответ.

— А вы кто вообще?

— А вы?

Уже через пять минут под предводительством этой худенькой, но как оказалось, толстозадой девочки, мы шлепали к машине, с любопытством озираясь по сторонам. Все, кроме нас с Ваней, были англоговорящими... то есть носителями языка, парни оказались англичанами, ехали они в другое место и поэтому мы с ними даже не начинали общаться.

Пройдя мимо все тех же водителей такси, мы подцепили одного. И вот уже он возглавил наше интернациональное шествие.

Оставив позади себя две стоянки мы, наконец, подошли к нужному автомобилю. Это был белый лимузин. Конечно же, никто не поверил, что мы поедем на нем, пока водитель не предложил закинуть наши сумки в багажник.

— Охренеть можно, во страна, — вздохнул Ваня. — Не удивлюсь если внутри нас ждут бесплатные телки.

Усталость, конечно, мешала наслаждаться жизнью... разница во времени, перелеты, переезды, еще всякие "пере"... я расположился на боковом сиденье и лениво смотрел в окно. Что же там было мною замечено? Да то, что в Нью-Йорке нет исполинских реклам сотовых операторов, которые ночью видны даже из соседней страны. Честно говоря, я вообще ни одной рекламы не заметил... конечно потом, на Таймс Сквеа... но все-таки в России их в миллионы раз больше...

В колумбийском университете нас поместили в общежитие... "так жить нельзя" — подумали мы, как только вошли в комнаты... двухэтажные апартаменты, две душевые, телевизор, отдельная кухня... все это человек на 10–12... но у каждого при этом своя! комната... отдельная! с кроватью, кондиционером, стол, шкаф... по правде сказать, не хуже, чем у меня дома... и почти в самом центре Манхэттена... Хотя стоит оговорить, что обучение в университете исключительно платное и очень дорогое.

Конечно же, мы не могли сразу лечь спать! Мы решили прогуляться, не смотря на все предостережения американцев, дескать, опасно ночью по Гарлему гулять... пусть детям своим расскажут, мы из России... деньги оставили в номере и пошли.

Ничего, идем с горочки, машин уже не много... прошлись по Бродвею, потом свернули на какую-то улицу... они все прямые такие и длинные, не так как у нас в Питере... у нас тоже прямые, но не такие длинные... а тут все как целый проспект... или просто нам так показалось. Каждые десять метров стоят одинаковые компании черных, человек по пять. Когда проходишь мимо них, они обязательно что-то спрашивают. Мы их не очень понимали, но кажется они все время денег просят, но мирно так. Идешь себе дальше и все, они не бегут за тобой. У нас в Питере гопники зачастую молчат, но если уж спросят что-нибудь, то придется ответить.

Так мы прошли несколько блоков, кварталов то бишь, смотрим, а компашки стали все больше и больше, машин все меньше и меньше... наверное, это мы совсем в Гарлем углубились. Пришлось остановиться, осмотреться и повернуть назад, стоявшая вокруг шпана шумно ругалась и тыкала в нас пальцем, но ни один не подошел и не попробовал чего-

нибудь от нас добиться.

— Вот тебе и Нью-Йорк, — сказал я на обратной дороге Ване.

— Круто, а чего я тут шлюх не вижу?

— Не знаю.

— Почему черных много, а шлюх нету?

— А тебе какого цвета надо?

— Ну, — замялся он, — я вообще-то не думал, но черная должна быть интереснее.

Мы вернулись в свои комнаты и стали готовиться ко сну. А чего к нему готовится? Зубы начистили, душ приняли и все. За выполнением этих процедур я заметил, что все наши соседи говорят по-русски или почти по-русски, но знакомиться мне ни с кем не хотелось, поэтому я поспешил уединиться у себя в "номере". (Кстати, тут можно еще кое-что про душ добавить).

Там я достал тетрадку и написал следующее:

(Вставить впечатления, написанные в номере).

С утра нас ждал прелестный завтрак в университетской столовой. Как сейчас помню, я тащил две тарелки, до верху забитых едой, бумажный стакан с горячим кофе и одноразовые столовые приборы — было чересчур неудобно. Я не мог даже представить себе, что на завтрак будет такой шикарный выбор бесплатной еды. Столовая Колумбийского Университета поражала сильнее, чем его общежитие. Потолки, значится, у них под десять метров, деревянная резьба, огромные окна. А если учесть, что все это происходит на Манхэттене. "Я завтракаю в Нью-Йорке, — думал я, — Круто!"

— Ты еду выбираешь, как невесту, — оторвался от своей тарелки Ваня.

— Да потому, что там много всяких ништяков.

Так мы с ним и поели: три раза бегали за добавками, ладно, вру, два раза, но могли бы и еще съесть, просто я, например, побоялся... до аэропорта добираться надо будет на автобусе, а потом вообще лететь на самолете, вдруг еще укачает на полный желудок-то или в туалет захочется. Короче, покушали мы нормальненько: оладьи, яйца с беконом, фрукты... и пошли.

После завтрака мы собрали все вещи, сдали белье, ключи от номеров и двинули на ориентацию — так тут называют что-то вроде установочной встречи — в соседнее здание. Там нас усадили в просторном зале с кондиционером (это у них, вообще, отдельная тема, уж не знаю, как легче жить, при плюс тридцать или плюс двенадцать, это примерные температуры "без" и "с" кондиционером, золотую середину им не найти). Так вот, усадили нас, значит, в такой морозильник и давай рассказывать то, что мы и так увидим через какие-то пару-тройку часов. Билеты на самолет у нас с Ваней уже на руках, перед завтраком выдали, он улетает в полден, а я в три, но из университета надо выехать за два с половиной часа минимум. А на тот момент было уже девять утра.

Нам рассказывали, что в лагере, куда вы едете, нельзя пить алкоголь, а кое-где и курить нельзя... ничего нельзя курить (ну-ну), еще нельзя спать и обниматься с девочками (мальчиками) на глазах у всех, а когда никто не видит, то лучше тоже не обниматься, у них там всякие реалити-шоу еще популярнее, чем у нас, так что никогда не знаешь, за каким занятием тебя запалит скрытая камера. Нельзя носить короткие плавки, подумают, что ты педик, нельзя говорить на своем языке в присутствии того, кто его не понимает... а то он будет чувствовать себя полнейшим отстоем, кроме того, у человека может начаться жесткий

приступ паранойи, он может подумать, что на неизвестном ему языке вы сговариваетесь, как бы его лучше опоить валерьянкой, а затем, воспользовавшись его абсолютно невменяемым состоянием, приклеить ему бороду и сдать в ФБР, как самого известного террориста в мире. По каждому из этих пунктов некрасивая девушка из Южной Африки с красным шелушащимся лицом, приводила по примеру из прошлых годов. Мол, вот несколько лет назад проработали парень и девушка все лето в лагере, а лишь потом сказали, что обручились за это время, а никто не знал. Даже Большой Брат.

Мы сидим, мерзнем и перешептываемся, шли бы вы, мол, на хер со своими историями, я что, летел через всю Европу и океан, чтобы байки послушать? Так они что вы думаете предприняли дальше? Давайте, говорят, поиграем. Всем пришлось встать со своих мест в круг и прыгать, бегать, суетиться, ладно бы только это — мы хоть согрелись, так нет же, главная цель этой забавы была в том, чтобы мы поскорее все перезнакомились. Прыгать и бегать нужно было не просто так, а выкрикивая свое имя, страну, место работы родителей и кличку своей последней подружки. Спрашивается зачем? Через пару часов мы все разведемся по разным штатам и никогда друг друга уже не увидим, а если увидим, то вот тогда и познакомимся! Короче, энтузиазм этой страшной девочки и ее австралийского помощника в коротких шортах, обнажающих белые, волосатые ноги, не знал ни предела, ни смысла. Потом, наконец, начали отпускать тех, у кого время уже поджигает, я хотел было с Ваней уйти, а мне говорят, нет, мол, сиди тут, это очень важно. Ну я чуть не вломил этой роже южноафриканской, даром что девушка была.

Через час такой кутерьмы наконец нам объявили, чего мы ждем, оказывается должны прийти люди и оформить нам Social Security Card, это типа нашего ИНН, для работы очень полезная вещь, с ней ты почти на четверть американец. Ну, думаю, ладно, не зря ждали.

В итоге я за два с половиной часа до самолета вышел из университета. Прямо на Бродвей вышел, надо отметить. По городу гулять времени, само собой, уже не оставалось, еще до аэропорта добраться надо было. На такси не охота, хотелось метро тамошнее посмотреть. В него и направился. Вход, значит, два бакса стоит, турникеты как у нас, только карточку не прикладываешь, а проводишь ею по специальной щели, срабатывает раз с третьего-четвертого: то слишком быстро проведешь, то слишком медленно, вот страна рукожопых, блин. Есть еще крутящиеся двери, через них можно и входить, и выходить. А вообще, вся подземка поменьше нашей, в смысле, что размах не тот, практически нет эскалаторов, вместо них небольшие узкие лестницы — хоп, и ты на перроне. А там все течет, все капает, если дождь на улице, то совсем труба, вода прямо ручьями льется на платформу... между соседними, прямо на путях, вообще лужи, но блин, как-то все-равно уютно... богемно что-ли... или я такой имбецил, что мне рухлядь нравится.

Но Нью-Йорк, конечно, да... поражает, хотя может и раздуто это все в фильмах всяческих... короче, непонятно, город и город. Ладно, на чем я остановился... а... ну электричка подъехала, я залез, уселся, по карте-схеме посмотрел на какой мне выходить, и стал по сторонам зырить. Народу, прямо скажем, мало, напротив сидели два латиноса и попивали что-то из баночек. Слева, почти в другом конце вагона сидел мужчина в костюме и с кейсом. Что он делал в сабвэе, я до сих пор не понимаю, такие должны на такси кататься, или нехер одеваться так, что всем кажется, что ты должен на такси кататься.

Автобусный вокзал находится в Нью-Йорке на остановке "Times Square", мне было от этого чрезвычайно радостно. Хоть что-то известное я успевал посмотреть. Но все оказалось не так просто. Купив билет на автобус до аэропорта, я вышел из здания автовокзала и

оказался на какой-то авеню, посреди небоскребов с тяжелыми сумками на руках. Было очень жарко, душно, потно. Я смекнул, что через полтора часа полечу в штат, который находится на широте юга Испании, значит что? Значит надо купить темные очки. За этим дело не стало, я подошел к первому попавшемуся лотку, торгующему товаром, продавщица-азиатка сразу стала советовать мне разные модельки. В общем-то, самое главное — чтобы очки были из Нью-Йорка и стоили бы как можно дешевле, но там все было по десять баксов, так что я купил что-то в стиле Лени Кравитса. Расплатившись, я напялил покупку себе на глаза и город сразу же потемнел. Осмотревшись, я решил, что выйдя на станции метро, то есть сабвэя "Times Square", просто катастрофически стыдно не найти эту самую площадь за сорок минут. Именно столько времени я выделил себе на прогулку.

Почему-то мне было неловко просить помощи у прохожих, то ли я еще не привык тогда к чужому языку, то ли какие-то другие обстоятельства мешали мне сделать это, но я решил найти место сам. Перешел одну авеню, прошелся куда-то, потом развернулся, обратно, влево, вправо, китаец, индус, русский, еврей, разные языки, английский только каждый третий, воняет канализацией, очень горячей канализацией, DVD диски за три бакса, бизнес-ланч за четыре, жрущие пиццу прямо около мусорки арабы, сидящие на земле америкосы, экскурсии, желтые такси, многолюдно, все извиняются за десять метров до того, как садануть тебя в плечо, будто знают, что пересекутся ваши дорожки. Вывеска театра, где играет чувак, который часто снимается в голливудских фильмах и похож на одного нашего актера, но я совершенно не помню, как его зовут.

В конце концов, я определился с направлением, в котором буду идти. На каждом перекрестке я оглядывался и искал что-то, напоминающее начало фильма "Vanilla Sky" с Томом Крузом. Но как-то все было очень похоже, но, что называется, то, да не совсем.

Если писать правду, то было примерно так: я уже совсем отчаялся и начал поглядывать на часы и на дорогу назад, как вдруг моим глазам предстал большой рекламный плакат одной известной компании. Потом еще один и еще, а потом я углядел зелененькую табличку с нужной мне надписью. Только вот написать так, было бы очень банально, так что придется написать по-другому... например:

Я поднял руку, чтобы остановить такси, тут же передо мной появилась желтая машина: "Куда едем, шеф?", — спросил меня водитель очень похожий на Брюса Виллиса. "Times Square", — ответил я, бодро запрыгивая на заднее сиденье. "ОК, только Милу Йовович подберем", — ответил Брюс и мы помчались.

Ну и в таком духе..., а еще можно было бы так:

Шел я шел... и пришел на Та ймс Сквеа.

Ну, короче, вы поняли...

Все-таки, я очутился в нужном месте, постоял пару минут, попялился на все вокруг, галочку в голове поставил, мол, Нью-Йорк видел, ну и пошел обратно, времени оставалось совсем ничего. Как раз хватило чтобы найти свой автобус, добраться до аэропорта, найти самолет, залезть в него и... и через сорок минут с одной пересадкой я был уже на месте. Причем, до чего интересно было: сутки назад я летел на чем-то среднем из Питера до Франкфурта, потом через океан на Боинге — здоровая машина, сиденья в три ряда стоят, потом из Нью-Йорка до Шарлоты опять самолет был небольшой, а уж до моего Эшвиле самолетик был такой доходяжный, что, зуб даю, самолет, на котором Траволта свою семью катает, побольше будет. Короче, интересная получилась цепочка летательных средств.

В Эшвиле меня дожидался Ваня и наш русско-американский босс. Он довез нас из

крохотного, как машина "ока" аэропорта (в переносном смысле, конечно) до нашего пункта назначения — Летнего Лагеря, где нам и предстояло провести следующие девять недель. Не знаю, стоит ли в красках описывать наш щенячий восторг по поводу того домика, куда нас поселили, по поводу все той чистоты и комфорта, которые были вокруг, мы ожидали картонные бараки и железные кровати, вместо этого Америка предоставила нам шикарный дом с супервысокоскоростным интернетом, раскладывающимися кожаными креслами, из которых невозможно встать, душем, собственной маленькой кухней (которой мы впоследствии почти и не пользовались, разве чтобы разогреть что-нибудь, принесенное с основной кухни), короче, как только босс оставил нас одних, мы как дети начали бегать по своим новым апартаментам и фотографироваться на всем, что попадалось под руку или под ногу. Надо отметить, вид из окна — отдельный разговор — лес, горы вдалеке, синее днем и пурпурное вечером небо, легкая дымка по утрам над ближайшей вершиной. Сперва казалось, что жизнь однозначно удалась. Упомянутый накануне на ориентации "Culture Crisis", дескать вы первое время будете скучать по дому, казался настолько неактуальным, что мы переиначили его в другую сторону, конечно, мол, кризис, когда ты понимаешь, что до этого жил в стране, где найти бумагу в общественном туалете до сих пор кажется такой же вселенской удачей, как всем грекам видится победа собственной сборной на Чемпионате Европы по футболу.

Все, пора бежать на ужин, а потом работать, надеюсь ночью смогу написать больше.

Глава 3. Сонное царство. Часть первая. “Музыка лучше всего”

— Интересная штука, ты никогда не замечала... вот бывает спишь, спишь и снится тебе какой-нибудь сон... и там происходит что-то такое динамичное, сюжет наблюдается, в общем, почти что кино смотришь, и тут, например, по сюжету кто-то подбегает к двери и начинает в нее стучать, или кто-нибудь говорит, мол, сейчас нам должны позвонить.... ну или что-нибудь такое... и действительно, раздается стук в дверь, или телефонный звонок... и он будит тебя.... вроде бы ничего такого, но неужели твой мозг так быстро может обыграть раздавшийся в комнате, где ты спишь, шум и перенести его в твой сон?

— Это на самом деле очень интересное явление... Я об этом тоже иногда думаю, но не могу понять, почему так происходит.

— А может быть интуиция, или что там отвечает за легкие предостережения в будущем, знает, что нас разбудят, и знает каким образом это сделают... и она говорит мозгу, а тот типа, хоп, и вписывает это в сценарий сна... вот у меня сегодня так и было... мы чего-то делали с другом, где-то ходили, а потом подошли к двери, он говорит, мол надо постучать... тук-тук... а это он мне в кровать снизу стучит, хочет сказать, что интернет не работает и я могу отключить будильник на 2 часа ночи.

— У меня такое тоже иногда бывает. Забавно так.

— А еще мне нравится слушать музыку во сне, засыпаешь, например, а радио оставляешь включенным, но тихо-тихо. И вот когда в твое невесомое сознание проникают звуки, особенно тех композиций, которые тебе очень нравятся, то инстинктивно ты пытаешься их засмаковать, остановить мгновения, прочувствовать его, но это не получается... все происходящее очень эфемерно... так же и с хорошими снами, иногда в течение ночи ты понимаешь, что все что видишь — это сон, но он настолько хорош, что ты не хочешь будить себя, вместо этого, ты аккуратненько пытаешься направить его в еще более приятное тебе русло... но по полной насладиться моментом все равно не удастся.

— А разве бывает по-другому?

— Бывает. Иногда... это чаще происходит непроизвольно, но отпечатывается в памяти на всю жизнь. Счастливые моменты, грустные... я могу вспомнить много, во всех подробностях, даже если я был пьян.

— Ты любишь выпить?

— Иногда это помогает "схватить жизнь".

— Ты это так называешь?

— Как ни называй, все не схватишь.

— Хорошо идет с музыкой.

— Да, с музыкой действительно легче. Только песня должна быть новая, еще чистая от ассоциаций, тогда все получится наилучшим образом.

— Мне тоже так кажется.

— Да, с музыкой лучше всего, еще, как ни странно, с человеком хорошо ассоциируются моменты. И получается, вспомнил человека — вспомнил момент, и наоборот. Но человек тоже должен быть незнакомый. У меня так бывало, к какому-то человеку прикреплялся момент и уже потом, после долгого времени знакомства, все равно вспоминается та, первая

ассоциация... там парк какой-нибудь, или весенний день в центре города... а может зимний.

— Но лучше всего подходит музыка.

— Да, музыка лучше всего.

— А книги?

— Книги слишком большие для момента, но иногда и они сойдут. Но музыка лучше всего.

— А почему мы повторили это так много раз? Настолько ли хороша в этом деле музыка, насколько часто мы ее тут упоминаем?

— Просто так мы похожи на героев Хемингуэя. Они разговаривают в похожей манере. Особенно те, кто любят друг друга, они будто хотят "схватить момент", записав его на фразу. Вот и повторяют ее много раз.

— А мы хотим записать этот момент на фразу "музыка лучше всего"?

— Да, "музыка лучше всего", — подходящая фраза, раз уж настоящей музыки у нас под рукой нет.

— Значит, теперь каждый раз, когда я буду говорить или слышать где-нибудь фразу "музыка лучше всего", я буду вспоминать наш разговор?

— Лучше вспоминай эту ночь.

— Но у меня день.

— Тогда вспоминай его.

— Хорошо. Улыбаюсь.

— Я тоже.

— А чем же так хорош этот мой день и твоя ночь?

— А тебе разве не нравится? Мне кажется, и моя ночь и твой день очень хороши. Мы вместе.

— Но так далеко.

— Не важно, можно быть ближе, но дальше. А мы — близко. Я даже слышу, как ты касаешься клавиатуры.

— Улыбаюсь.

— Хорошо, что мы отказались от смайликов.

— Правда, хорошо. Мне так больше нравится.

— Меня как-то коробит выражать свою радость от общения с тобой посредством двоеточия и скобки.

— Очень улыбаюсь.

— А разве можно очень улыбаться?

— Мне кажется, можно, почему бы и нет.

— Значит, когда ты услышишь фразу "музыка лучше всего", ты вспомнишь все это и очень улыбнешься. Надеюсь, я смогу это увидеть.

— Я тоже.

— Но путешествовать по памяти тоже очень интересно. Я тут часто этим развлекаюсь.

— Но это же грустно.

— Да.

— А мне кажется, что пока есть время сделать что-нибудь хорошее и важное, не стоит смотреть назад.

— Время... тоже интересная тема для беседы. Иногда его очень много, а иногда не очень... улыбаюсь.

— Разве его может быть много?

— Смотря как видеть свои цели... точнее, какими их видеть... да и вообще, если видеть свои цели.

— У тебя их разве нет?

— Значит, от метафоризации переходим к конкретизации? Тогда позволь оговорочку, иметь цель, не значит видеть ее. И наоборот. Как тебе кажется?

— ...

— А?

— ...

— Занята, наверное, да?

— ...

— Ладно, я спать пойду, а тебе удачно доработать. И помни, (очень улыбаюсь) "музыка лучше всего".

— Ой, ты уже ушел (не улыбаюсь), а мне тут по работе много заданий было... ну ладно, пошла я домой, до завтра, пока! Целую!

— А теперь нет тебя. Спишь, наверное, уже, а я вот только проснулся. Выспался просто замечательно. Вот сейчас перечитал все, о чем мы вчера говорили, ну или писали, точнее. Так вот, все кажется таким забавным, немного притянутым, вычурным... а самое интересное, что девять часов назад я чувствовал именно то, что писал. Я, да и, наверное, все люди, совершенно разные в зависимости от времени суток. Особенно отличается утро и ночь, наверное, это какие-то биологические особенности сказываются.

Глава 4. Пери́на Надоро́жку пытается убежать от себя и преследующего ее глюка

Пошел ты на хрен! Трахнутый тупоголовый бараноовца! — завернула Пери́на, выбегая из кабинета босса.

— Надоро́жку, ну последний раз! — крикнули ей из кабинета. — Без тебя не получится.

— Я не хочу больше заниматься этой порнографией! Сплошная фигня! — девушка чуть сбавила шаг, но все же продолжала двигаться по узкому коридору.

Из только что захлопнувшейся двери выбежал невысокий мужчина в белой рубашке с тонкими голубыми полосками в черных брюках и туфлях.

— Инна, стой! Последний раз! Я тебя прошу! Это не на долго.

— Сам! Все сам!

— Инна!

— Найди себе другую дуру, которая станет за твои идиотские идеи браться.

— Ну тебе же нравилось?

— Я симулировала, думала, что потом будет лучше, я думала, что ты придумаешь что-нибудь специально для меня.

Навстречу кричащей девушке попадались люди, неторопливо плетущиеся по своим делам, но от такого раскаленного темперамента все жались по бесцветным стенам и торопились спрятаться в своих кабинетах.

— Но не я за это отвечаю, — не унимался мужчинка. — Мне самому все это не нравится.

— Тогда найди в себе силы и прекрати это. Не хочешь срать, не мучай жопу.

Девушка скрылась за поворотом.

"Или это не подходит к данной ситуации? — спросила она сама у себя. — Вечно ты, Надоро́жка, ляпнешь что-нибудь, а потом думаешь."

Спускаясь по лестнице, она уже не слышала кричащего в след программного директора. Ее рыжие волосы красиво летели позади, стараясь не отставать от хозяйки.

Только она вышла из здания, где располагался музыкальный телеканал, на котором она проработала последние шесть лет, как зазвонил телефон.

Не глядя на экран, девушка со стройными ногами приняла вызов.

— Инн, привет, как дела?

— Привет, не спрашивай.

— А чего? Что случилось?

— Да послала я все в... в объект вожелений послала, в общем.

— И как он отреагировал?

— Кричал, уговаривал остаться.

— Долго?

— Ну на улицу не вышел.

— Вот нахал, мог бы ради приличия.

— Думает, что я вернусь.

— А ты?

— Не дождется.

— Вот и молодец.

— Задолбало. Когда на нашем телевидении такая низкая моральная планка, что под ней даже карликовый пудель не проползет, какого лешего я должна там карячиться и душу марать?

— Угу.

— Так что, я улетаю в Штаты где-нибудь послезавтра.

— Ну ты и так бы улетела, разве нет?

— Кто знает, ладно, подруга, извини, я тебе потом позвоню.

Надорожку вернула телефон обратно в сумочку, а вместо него извлекла ключи, рядом с которыми болтался маленький серебряный брелок в виде кружка со стрелочкой — мужское начало. Оранжевый мерседес пикнул и мигнул фарами хозяйке.

Запрыгнув внутрь, Инна еще раз глянула на здание, потом на конкретное окно, наконец, завела мотор, включила музыку и тронулась с места. С первых же секунд звучания джазовой радиостанции, девушка слегка успокоилась и даже улыбнулась собственной решительности, хотя ее аккуратные коленки до сих пор легонько дрожали.

Несмотря на то, что день был непогожий, с неба вот-вот собирался закапать дождик, у Надорожки перед машиной звуки музыки нарисовали совершенно другую картину:

Утро душного дня. Солнце припекает все попавшиеся под луч поверхности. Пока еще по пустым улицам на служебном транспорте катаются водители поливальных машин, от их работы над дорогой стоит блестящий туман. Каждая утренняя капелька сначала вбирает доставшийся ей пучок света, а потом отражает кому-нибудь в глаза. И вот оранжевый мерседес медленно катит по проспекту, периодически играясь дворниками. По трамвайным рельсам от него убегает вперед желто-белый зайчик. Неожиданно из динамиков вылетает испанский мотив и на дороге тут же появляется тучный бык, он озирается по сторонам, испуганно отскакивает от струек воды и бьет копытом.

Иннина машина ехала прямо на него, еще несколько мгновений и животное было бы сбито, но тут девушка протерла глаза и серый день вытеснил грезы. Вместо быка на дороге стояли жигули девяносто девятой модели, а перед ними горел красный зрачок светофора. Девушка тронул педаль и плавно притормозила.

— Интересно, у многих людей бывают утренние галлюцинации? — спросила она сама себя.

— Успокойся, Инночка, просто мы с тобой очень устали сегодня. Мы приняли серьезное решение, теперь в нашей жизни грядут большие изменения. Пора начинать делать то, что хочешь, а не то, что получается. Получается — не в смысле, что хорошо выходит, а в смысле — получается, что ты делаешь это... ну типа, почему ты работаешь телеведущей? Да так получилось... да... вот, — ответила она сама себе.

— А тебя не смущает, что ты разговариваешь сама с собой?

— Ни капельки, хотя от такой игры на камеру надо избавляться, ведь никто сейчас меня не видит.

— Но ты же решила теперь жить для себя и по-своему.

— Ну и что?

— А то, что почему бы тебе не говорить с собой просто так, ради самовеселения. Разве это плохо? Тебе же нравится.

— Я чувствую себя душой.

— Тогда давай молча слушаем музыку.

Через полчаса, ведущая, известная под сценическим именем Пери́на Надоро́жку, была уже дома. Переодевшись в коротенькие домашние шортики и серенькую футболочку, она плюхнулась на кресло и подтянула к себе ноутбук.

Хотелось писать. Для этого как нельзя лучше подходила ее рубрика "АвтоЗаписки" на собственном официальном сайте.

Девушка встала с кресла и улеглась на диван, положила ноутбук на голые ноги и начала печатать.

Мне видятся камни, а точнее, чувствуются. Все они очень большие, необъятные. Кто-то столкнул их на меня и теперь они падают откуда-то сверху. А я внизу и не знаю, что они вот-вот расплющат меня о землю. Я лишь тревожусь.

Разогревшийся вместе с ее воображением ноутбук начал обжигать ляжки.

Глава 5. Сонное царство. Часть вторая. Мама

Женщина опять видела сына. Сон был совсем коротким, и, к сожалению, она не смогла как следует пообщаться со своим ребенком. Как бы она хотела не просыпаться, а подольше побыть там... но мучающая ее болезнь не дает покоя даже ночью, превращая эту часть суток в мучительное ожидание рассвета или хотя бы короткого забытья. Но, как ни странно, они приходят вместе.

Хорошо, что теперь ей не надо на работу, можно и с утра, если что, поспать. Хотя, какое это "хорошо"! Она серьезно больна, а ее единственный сын очень далеко. Он уехал уже целых три года назад, бросив институт в который они с таким трудом поступали, выложив за репетиторство почти все сбережения. Она не хотела его отпускать в первый раз, какое-то чувство необъяснимой опасности сжимало ей виски и сердце, но он упрямился. Вспомнил, что она сама рано покинула родителей, уехала учиться в другую часть страны, а работать стала еще дальше от дома. В первый раз он вернулся, но оказалось лишь для того, чтобы улететь навсегда.

Институт сразу стал ему не интересен, специальность, к которой он никогда не питал особой любви, окончательно перестала его интересовать. Легкие деньги, комфорт, новые впечатления, так нужное ему вдохновение — вот что привлекало его за океаном. "Я смогу рисовать и там, — говорил он, — не пройдет и пять лет как мои картины будут висеть в Музее Современного Искусства в Нью-Йорке, Мадонна приехала туда всего лишь с парой баксов и посмотри, чего она добилась! Неужели я хуже?"

Он не хотел слушать ни про что другое. А она его понимала, ведь тридцать лет назад она закончила школу и поняла, что не хочет оставаться в своем городе. Ни один из трех институтов ее не привлекал, ни один из двадцати тысяч возможных женихов не казался ей подходящим, ни одна из сотни улиц не вызвала больше желания пройти. Тогда она улетела за кучу километров, одна, в 17 лет. Сыну было больше, он был почти мужчина, он был талантлив и целеустремлен, она верила в него. А он не давал повода усомниться в себе.

"Я сгнию здесь, — говорил он. — Я умру в этой стране, никто не узнает меня, пока я рисую тут. Нашему народу нужны только реалити-шоу и дешевые поп-группы, никому больше ничего не надо". Она пыталась противопоставить ему различные факты, но те были либо слишком жалкими, либо, наоборот, подтверждали его слова. Она очень хотела, чтобы он получил образование, чтобы он не стоял на улицах, продавая портреты прохожих, а мог заниматься живописью в свободное от хорошо оплачиваемой работы время. "У нас нет хорошо оплачиваемых работ! — возражал он. — Зачем здесь становиться доктором наук, чтобы получать денег, как посудомойщик там?" "Разве ты хочешь всю жизнь мыть посуду? — спрашивала она." "Но я и наукой заниматься не хочу, я хочу рисовать, рисовать и больше ничего!"

В конце концов он улетел. С большой неохотой взял академический отпуск и улетел. "Если будет плохо, я вернусь и продолжу учебу". Но ей казалось, что плохо там не будет. Конечно, она хотела, чтобы он был счастлив, но ведь так тяжело позволить самому дорогому тебе человеку быть счастливым, когда ты к этому счастью не имеешь никакого отношения.

Неделю назад она написала ему письмо, в котором просила приехать, если будет возможность. А какая у него может быть возможность, если он там на нелегальном

положении? В такой ситуации билет может быть только в один конец.

Глава 6. Художник и одиночество

Он продолжал ехать. Возбуждение прошедшей битвы проходило и его мысли опять возвращались в привычное русло. Было обидно, что сокровенный "Сканер" хоть и был им получен, но заставить его работать сейчас не представлялось никакой возможности, надо было искать ключ. А программа была ему очень нужна. Скорее ради поиска Личностей, а не ради творчества, он и покинул страну, маму, потом он по этой же причине уехал из Нью-Йорка, но у него так и не получалось найти кого-нибудь очень близкого ему по мироощущению. Иногда ему попадались интересные персонажи, но им было не по пути, в большинстве же своем, окружающие его люди были попросту глупы. Иногда от этого хотелось плакать, иногда становилось страшно, иногда смешно, иногда он действительно плакал, бывало, что смеялся, но всегда ему было одиноко. Особенно с тех пор, как он лишился своего единственного настоящего друга — в России осталась его мама.

Он опять ехал вперед, в городок Эшвил, а точнее, в его пригород. Там находился летний лагерь. С виду совершенно обычный летний лагерь для мальчиков, таких в Америке, да и во всем мире, тысячи, но здесь дело было совсем в другом... примерно месяц назад он познакомился с одним Человеком, несомненно с большой буквы. Он пригласил его к себе в дом, накормил, открыл свой бар, наливая в стаканы топливо чувственности, они завели беседу. Стали рассказывать друг другу о своих мыслях, соображениях, представлениях...

— Я ищу Людей, — сказал Художник.

— Знакомое дело, — ответил Человек.

— Правда?

— Знаешь что, я тебя понимаю... скажу по секрету, я тоже искал их.

— И как?

— Дело гиблое.

— Почему?

— Нас очень мало.

— Я знаю.

— А иногда, бывает, тратишь очень много времени на кого-то, а оказывается, что ошибся.

— Надо продолжать искать.

— А зачем?

— Чтобы не чувствовать себя одиноким.

— Одиночество — это не тогда, когда рядом с тобой никого нет.

— Я знаю.

— Ну вот найдешь ты кого-нибудь и что?

— Как что?

— Ну так, что дальше, вот к примеру, встретились мы с тобой и что?

— Ну сидим вот, — Художник осушил стакан с незнакомым ему до этого миксом виски, водки и Ice tea.

— Это все понятно, но так дело далеко не уйдет... Люди, которых ты ищешь, они ведь тоже все разные и не каждый тебе подойдет.

— Ну да.

— Тут надо мыслить глобальнее. Сам подумай, зачем тебе хороший баскетболист, если у тебя нет команды? Зачем тебе редкий цветок, если у тебя нет сада, зачем тебе...

— Я понял, — прервал Художник, — но с хорошим баскетболистом можно играть на заднем дворе в свое удовольствие, редким цветком можно любоваться и так далее.

— Тупик.

— Ну хорошо, а кто-нибудь пробовал мыслить глобально?

— Были люди. Я бы даже сказал, — Человек отхлебнул из своего стакана и смачно выпустил изо рта дым дешевой сигары, — люди есть!

— Покажешь?

— Есть в одном штате лагерь, с виду обычный детский летний лагерь, но на самом деле... хотя, может тебе это и не интересно...

Художник схватил Человека за руку.

— Ты что, не смей замолкать, расскажи мне!

— Ну..., - Человек затаился, потом сморщился, выдохнул дым и снова отхлебнул из стакана, — сперва налей себе.

Художник поднялся с кресла, подошел к находящемуся неподалеку кухонному столу буквой "Г" и смешал себе еще один микс.

— Был такой мужчина, — продолжил Человек, когда он вернулся на место, — он, впрочем, и сейчас есть, так вот, он задавался такими же вопросами, как и мы с тобой. И в один прекрасный день, поскольку финансовых проблем он не испытывал благодаря своим родителям, он решил искать Людей оптом. Для начала выкупил летний лагерь для детей и начал там все перекраивать. В структурном смысле... ну или как-бы тебе сказать, стал придумывать особый подход, позволяющий определить, кем является отдельно взятый индивид.

— И?

— Ну, для начала он нанял персонал, старался выбирать из проверенных, тех, кто казался ему достойным быть Личностью.

— В смысле?

— Ну, он называл их так...

Художник заметил, что его собеседник уже начал испытывать некоторые проблемы в выражении мыслей. Он очень испугался, что не успеет узнать все интересующее его.

— У него получилось? — поторопил он повествование.

— Спокойно, не торопись, не торопись! — Человек снова отхлебнул. — Вместе они разработали специальную программу по выявлению Личностей, сделать это было не просто, они не были уверены в ее работоспособности, но... но летом к ним приехали дети и дополнительный обслуживающий персонал.

— Результаты?

— Были. По крайней мере, им так показалось, кроме того, они нашли несколько Личностей и среди прибывших работников.

— Обслуживающего персонала?

— Ну да, — Человек перестал помахивать остатками сигары и запил дым алкоголем.

— И?

— Что и?

— Ну, к чему ты все это рассказываешь?

— Не торопи, сейчас дойдем до самого интересного момента.

Художник начал ерзать в кресле.

— Они решили создать некое общество. Чтобы проще было поддерживать контакт между собой. НЕ ЛИЧНОСТИ туда не допускались.

— Общество существует сейчас?

Человек хотел затянуться еще раз, но обнаружил, что сигара догорела почти до его пальцев. Он затушил ее в отрезанную половинку банки из-под содовой.

— Через некоторое время стало выясняться, что кое в ком они ошиблись. Причем процент ошибки был колоссален.

— Что же они так?

— Так а кто же знает параметры, по которым можно отличить Личность от Не Личности?

— А разве это так сложно, я вот как-то умудряюсь.

— И никогда не ошибался?

Художник откинулся в кресле и сделал несколько медленных глотков.

— Ну тогда и не задавай глупых вопросов, — продолжил Человек. — На следующее лето они попытались усовершенствовать свою методику, но несколько Личностей покинуло их к этому времени.

— Личностей или лже-Личностей?

— Личностей.

— Не поверили в затею?

— Кто знает.

— А в чем заключалась методика?

— Да тут в трех словах не объяснишь. Они просто собрали все свои представления о Личностях и попытались придумать тесты, которые помогли бы оценить подопытных.

— Психологические?

— Ну а какие еще.

— Хоть один можешь сказать?

— По одному они могут показаться чушью, там была целая система отсева... ведь все Личности разные, у кого-то будут одни выдающиеся качества, у другого — другие.

— Ну хоть что-нибудь скажи, для примера.

— Ааа... вот пристал-то... музыкой они их проверяли для начала.

— Молодцы, — кивнул Художник. — А еще?

— Главное — это четкое наличие самосознания!

— Наличие четкого самосознания? Понятно дело, а еще-то чем проверяли?

— Ну, еще литературой пробовали, потом простые вопросы на жизненные интересы задавали, потом уровень интеллекта пытались оценить, хотя я и говорил им, что это не всегда показатель...

Возникшая пауза сказала больше, чем можно было бы выразить в словах. Мужчина закусил нижнюю губу и исподлобья посмотрел на Художника.

— А почему ты ушел от них?

— Усомнился в здравости подобных исследований, а следовательно, усомнился, что мои коллеги сами являются Личностями.

— А теперь?

— А теперь мне насрать... свою жизнь я почти прожил, теперь ваши дела меня мало касаются.

— Хорошо прожил?

— Смотря с чем сравнивать.

— Не говори, как НЕ ЛИЧНОСТЬ.

— Ну, а что ты имеешь виду?

— Успехи, достижения, отношение к жизни в конце концов.

— Успехами и достижениями я хвастаться не намерен, да может и нечем похвастаться, а вот насчет отношения... тут в чем дело, к жизни, я считаю, можно относиться двумя способами: легко и сложно. И то и то верно, но нельзя быть посередине. Не все могут проживать все просто и красиво, те, кого напрягают какие-то вопросы и они считают, что рождены для их разрешения, им стоит этим заниматься, но в то же время, можно просто *don't give a fuck*, это тоже хороший вариант, но опять же повторяюсь, надо делать это красиво.

— А ты себя к кому относишь?

— Так я и там и там был. Теперь очень рад, что могу просто жить.

— И тебя это устраивает?

— Ну, я много работал над собой прежде, чем это начало меня устраивать.

— А разве стоит работать над собой, чтобы занять неверную позицию?

— Ха, — рассмеялся Человек, — а кто тебе сказал, что она не верная? Оно все понятно, ты молодой, у тебя свои представления обо всем, так оно и должно быть, но, поверь мне, у единиц, у единиц из Личностей, хватает сил довести все до конца, довести все свои планы, мысли, цели.

— А в чем главная сложность?

— Опять же, самосознание и понимание, мне кажется, это самая главная проблема.

Художник взял паузу на полминуты.

— Знаешь какую картину я однажды нарисовал?

— Какую?

— Длинный параллелепипед, на стенках которого изображены знаки вопроса, а рядом с ним открытый рот, даже не рот, а такой недоконченный кружок, как *Ras Man*, знаешь?

— Да, я понимаю о чем ты.

— Ну так вот, этот вот кружочек, недоделанный, покрыт мозговыми извилинами, но он в диаметре чуть-чуть меньше, чем диагональ параллелепипеда, и он пытается этот параллелепипед вогнать в себя, но никак не может, размеры не те...

— Красиво.

— Вот мне и кажется, что Люди не могут охватить то, что им предлагает жизнь, кажется, что всего чуть-чуть не хватает, однако в этом-то вся и загвоздка. И те, кто это "чуть-чуть" преодолевает, у кого получается раздвинуть сознание, те и есть, самые что ни на есть, гении.

— Раздвинуть сознание — ты же не имеешь в виду наркотики?

— Да не о том, хотя... просто ими раздвигай не раздвигай, ничего не изменится в итоге. Они опять замолчали.

— А знаешь, почему уехал? — спросил Человек.

— Ну.

— Вот сидишь, бывает, вечером на кресле-качалке, а перед тобой лишь две сопки и непонятно, то ли они слишком большие, то ли ты маленький, а может все нормально, просто они очень близко к тебе находятся и лишь поэтому перекрывают половину неба. Днем они еще кажутся объемными, но в сумерках они будто стена, плоская серо-зеленая стена,

вырезанная из картона, даже не вырезанная, а вырванная, знаешь, когда ножниц нет, то прямо руками рвешь и края получаются такими неровными. Даже молнии сверкают где-то по ту сторону. А ты тут, и лишь черный плешивый кот пытается тереться об твои ноги, потому что и ему как-то не по себе, он тут один среди белок, а какие друзья из белок? Но ты гонишь его ногой — лучше уж до конца наслаждаться одиночеством, чем пытаться найти компанию в этом животном. А когда совсем припрет и твоя сигарета уже обжигает пальцы задаешь один простой вопрос: зачем?

Художник слушал.

— Жизнь или поиск истины? Каждый решает для себя. А когда решать трудно, люди начинают выражать себя. Я вот рэп пробовал писать, но как только добирался до блокнота, все куда-то исчезало... как выразить чувства в словах, даже если в какой-то момент у тебя и была хорошая рифма, ее трудно воспроизвести. А если влезть в это дальше, то начинается паранойя. Каждую мысль пытаешься обработать и куда-нибудь записать, вдруг получилось что-то гениальное. Просыпается честолюбие. А если под рукой нет ручки, то так и ходишь целый день, повторяя про себя одни и те же слова. А кому это надо? Все время этот чертов дискомфорт. У тебя, я думаю, то же самое с живописью.

— Мне нравится..., мои картины — это последняя степень осмысления чего-то, я не могу оставить мысль без того, чтобы не запечатлеть ее. Это как с фамилиями известных людей. Вспомнишь, например, какой-нибудь фильм и актера, который там играл, а имя из головы вылетело. И вот ходишь, мучаешься... единственный способ опять обрести спокойствие, это выяснить, как его зовут.

— Да, да! Знакомая тема.

— А мне часто кажется, — начал Художник, — что все эти чувства, я имею ввиду оформившиеся в слова чувства — сущая ерунда. Надо действовать, а не рефлексировать. Вот есть у тебя на душе что-то, но ведь это не объяснить и в трех песнях, ты даже сам это не понимаешь, а взял чистый лист и выплюнул туда все, что мешает. Потом смотришь, и все что у тебя было внутри, уже там. Отвернулся, ничего нет, посмотрел снова — чувствуешь. Вроде ты и освободился, но в любой момент можешь вернуть свое.

— Это как сказать, некоторые скажут два слова, а в них — жизнь. Ты их произносишь, вроде слова как слова, а за ними столько смысла, столько чувства...

— ...что плакать хочется?

— Именно, ты меня понял.

— Тоже верно.

— А знаешь, почему так происходит?

— Ну?

— Да потому, что люди чувствуют правду, истину.

Тогда они замолчали, в такие моменты собеседники, вроде как, ни о чем конкретном и не думают, но внутри ты весь наполняешься. Все тебе становится очень ясно и понятно. Именно тогда они и делают свою жизнь. Хватают за руку уходящую девушку, звонят тому, кому собирались позвонить вот уже два года, наконец, говорят родителям, как они их любят, принимают только правильные решения. В конце концов, творят вещи, которые в последствии заставляют других людей испытать такие же мгновения, замыкая тем самым круг.

— Как твое имя? — спросил Художник.

— Боб.

Глава 7. Александр. Продолжение дневника

Все, посуда домыта, теперь вся ночь в моем распоряжении. Итак, на чем я остановился? На нашем прибытии.

Поначалу все шло просто шикарно, нам рассказали о наших обязанностях, познакомили с уже прибывшим персоналом. Кстати, это случилось почти сразу, как только мы освоились в комнате. Снизу послышался какой-то шум, голоса, завывание. Будучи уверены, что одни в доме, мы с Ваней напряглись, замолкли и стали прислушиваться. Раздались приглушенные ковром шаги, а потом постучали в нашу дверь. Я открыл. На пороге стоял высокий плечистый мужчина.

— Меня зовут Дэн!

Мы представились в ответ.

— А ну-ка, пойдёмте вниз, я познакомлю вас со всеми.

Мы пожали плечами и спустились.

В гостиной сидело человек десять. Примерно нашего возраста, ни одной девушки, белые. Дэн представил нас.

— Первый раз в Штатах?

— Да, — ответил Ваня.

— Welcome!

— Спасибо.

Затем началось самое трудное и, как ни странно, продолжалось следующие две недели. Надо было запоминать чужие имена. В общем-то, я на память не жалуюсь, но когда за день надо запомнить порядка десятка новых лиц и имен, это трудно, как ни крути.

— Род, — невысокий, толстенький, кудрявый, похож на Сэма из фильма "Властелин Колец".

— Эрик, — невысокий, в кепке, небритый.

— Пирс, — высокий, крепкий, кудрявый, довольный.

— Мэтью, — опять же кудрявый, плотный, среднего роста. Кажется чуть взрослее остальных, но, само собой, моложе Дэна.

Честно говоря, не помню, кто там был еще. Но как только все представились, нас попросили повторить их имена. Я вспомнил почти всех, только Пирса назвал Питером и забыл имя Рода.

— Как же так, — обиделся "хоббит", — это же я, Род! Род-рыбак, старина Род.

— Зато теперь я тебя точно запомню лучше всех, выкрутился я.

У Вани с памятью оказалось чуть похуже, но в конце концов с церемониями было покончено. Уже несколько минут спустя, все американцы вернулись к своему занятию, они сидели кто на диване, кто прямо на ковре (само собой в обуви), а Эрик держал в руках деревянную миску и осторожно водил по ее краям палочкой, от этого получался удивительный свистящий звук, который так напряг нас до этого.

Забегая вперед, хочу отметить, что в тот вечер в нашем домике собралась действующая верхушка лагеря. Круче них там был только директор. Но он занимался руководящей, во многом, бумажной и стратегической работой, все же действия по воплощению его идей в жизнь, как я только что отметил, выполнялись именно этими людьми.

На следующий день мы приступили к работе, но до прибытия детей оставалась целая неделя и поэтому пока мы занимались подготовкой лагеря: вычищали, намывали, переставляли и тому подобное. В тот день приехал наш будущий непосредственный сосед — колумбиец Цезарь, хотя на английском его имя звучало как Сизар. Только мы с ним познакомились, он ринулся помогать нам мопить (швабрить, или как это будет по нашему, мыть пол). В то время мы знали, что приедут еще русские и в основном с ними мы и будем жить и работать, а кому охота перелететь океан и оказаться в компании земляков, поэтому мы поспешили поселить колумбийца в нашу комнату, хотя рядом точно такая же стояла совершенно свободной.

Следующие дни лагерь наполнялся постоянно прибывающим персоналом: вожатые, лайфгарды (спасатели на вотефронте (отгороженном участке озера, где находятся водные увеселения для детей)), конюхи, русские, африканцы, казах, девочка из Уэльса, все приезжали и говорили:

— Привет, меня зовут... очень приятно познакомиться, Саша.

А потом, встретив их в лагере случались такие беседы:

— Привет, Ваня, как дела?

— Я — Саша, хорошо. А у тебя.

— Ой, Саша, извини. У меня все отлично.

Со всеми, кто приезжал первый раз, очень активно общались те люди из нашей гостинной. Много времени они проводили и с нами. Спрашивали где мы учимся, как, зачем. Что хотим делать в жизни, как нам Америка, где лучше.

— Нас же с Ваней интересовал вопрос, неужели американцы действительно считают, что их страна выиграла Вторую Мировую Войну. Те из них, кто был знаком с историей, склонялись к общей победе, или, лучше сказать, разделенной. Мы, мол, победили на океане, а вы — в Европе. Мол, Америка не победила бы одна, но и Союз бы не сдюжил. Мы фыркали в ответ.

Еще, будучи пораженными тем, что у распоследнего мусорщика есть машина, мы стали расспрашивать всех о жизненных проблемах, а их, как оказалось, у наших американцев было не так уж и много. От армии им бегать не надо, она давно по контракту, высшее образование платное, но совсем не обязательное, колледжа считается достаточно для вполне обеспеченной жизни (хотя надо признать, что некоторые колледжи здесь считаются престижнее университетов), еще бы, дантист делает сто тысяч в год, а медсестра со стажем восемьдесят. При таких же, а кое-где и меньших ценах на товары, жизнь выглядит очень розовой. Основной же проблемой, занимающей умы людей, оказалась внешняя политика их государства, дескать много Штаты суют нос не в свои дела, так и хотелось им ответить, вот и вы не суйте нос в дела своего правительства, сидите тут в тепле и достатке, чего вам до Ближнего Востока, а то все такие, якобы, участливые. Однако, возвращаясь к людям из гостинной, хочу заметить, что они не так-то просто соглашались рассказывать о себе.

Мэтью только что закончил колледж по специальности "учитель истории", как и многие историки он считал, что будущее невозможно без знания прошлого, но при этом отдавал себе отчет в том, что лишь по-настоящему понимающий людей специалист может разобраться в переплетении вчерашних теней. Род летом работал в лагере, остальное время занимался хрен знает чем, но утверждал, что много рыбачит. Дэн круглый год работал в лагере и был правой рукой директора.

Чуть ли не в свое первое утро мы встретили двух довольно интересных людей. Один из

них стоял на порче (веранда) и смотрел на бьющий по воде дождь. У него были белые длинные кучерявые волосы.

— Привет, парни, — сказал он, когда мы подошли. — Меня зовут Стью.

Мы представились в ответ.

— Вы первый раз в Штатах?

— Да.

— Круто, вот это круто. И как вам?

— Пока нравится, — сдержанно ответили мы. — А ты первый раз в лагере?

— Я приезжал сюда несколько раз, но когда был ребенком, а сейчас приехал поработать.

— Кем?

— Ну, я моряк. Буду катать их на маленьких парусниках по озеру.

— В смысле, моряк?

— Я учился по этому профилю, потом взял на год отпуск и укатил плавать в Карибском бассейне. Там очень круто, никогда не был так счастлив, как в те дни. Солнце висит высоко-высоко, если задрать на него голову, то можно опрокинуться назад. Вода божественного цвета, все эти рыбы, медузы, все как на ладони и мысли... мысли чистые-чистые, ничего постороннего, только ты, вода и солнце.

Потом он встряхнул своей шикарной шевелюрой и спросил:

— А если вы первый раз в Штатах, то вы ведь наверняка не были в WalMarte?

— Нет.

Волмарт — это у них супермаркет такой, очень популярный, он в каждой деревне есть.

— Ну, тогда чего мы ждем?

— Да нам работать надо.

— ОК. Тогда поедem после ужина.

Следующий интересный человек появился в столовой, когда мы уже завтракали. Зашел он вместе с "действующей группой", ну, помните парней из гостиной.

Джонни был в очках с приделанной баскетбольной корзиной и мячиком на веревочке. Смешно болтая головой, мужчина пытался забросить его куда следует.

— Хай, — очень выразительно улыбнулся он, скорчив вдобавок небольшую гримасу, — меня зовут Джонни, а вас?

— Саша, Ваня.

— Здорово, не поможете мне с трехочковым?

Мы не поняли с первого раза по-английски.

— Что, простите?

— Мячик.

— И?

— Мячик забить не поможете, трехочковый бросок.

Мы слегка замешкались.

— Мы из России, хоккей — наш национальный вид спорта, — ответил я.

— О! — скривился Джонни в новой гримасе, — Сергей Федоров?

— Знаем такого, — сказал Ваня без особого энтузиазма.

— Сталин, Ленин, Коммунизм, — кинул на чистом русском Джонни, сделал ручкой и направился к "шведскому столу". Через несколько минут мы узнали, что это и есть директор лагеря.

— Как в детективах, — заметил Ваня, — убийца — тот, на кого меньше всего думаешь.

Прежде, чем перейти к началу рассказа о тех событиях, которыми я пытался вас заинтриговать в начале, я не могу не описать интересную ситуацию, которая возникла в тот момент, когда мы решили искупаться в перерыве между работой и работой. Оказалось, что делать это можно только исключительно в отведенной территории, то что это буквально пятьдесят квадратных метров, никого не смущало. Но для того, чтобы очутиться в воде, нужно было поговорить с начальницей лайфгардов. Нашли мы ее без труда, так как были до этого представлены друг другу.

— Привет, Кэри, — сказали мы.

— Привет, парни.

— А можно нам поплавать?

— Сейчас?

— Да.

— Хорошо, — сказала она и пошла в направлении домика, где жили все спасатели.

Через пять минут мы пришли на вотефронт, одетые в длинные купальные трусы, которые являли собой просто-напросто шорты. Купаться в плавках или даже в длинных плавках в Америке непозволительно, потом никогда не докажешь, что ты не гей. Но Стью свозил нас в WalMart, где мы и купили эти странные приبلуды.

На своих высоко поднятых стульях сидели спасатели. Ни много, ни мало, восемь человек. Мы переглянулись и подошли к Кэри.

— А это зачем?

— Как зачем? Вы, разве, не будете купаться?

— Будем.

— Ну так вот, купайтесь.

— А они что, за нами следить будут?

— Не беспокойтесь, это наша работа, — похлопала некрасиво-рыжая Кэри меня по плечу.

А попробуй ты не беспокойся, когда восемь человек сидят и пялятся, как ты пытаешь плавать в лягушатнике. Отвлечься удалось, только когда мы пошли прыгать на блобе (по-английски пузырь). Такая штука занятная, один человек размещается на одном конце этого блоба, а второй прыгает на другой конец, из-за действующей силы человек подлетает вверх и приземляется в воду.

Она ходила по этому городу уже второй день и все никак не могла осознать его. Когда голова кружилась от спускающихся сверху небоскребов, она садилась где-нибудь на скамеечку и просто смотрела по сторонам. Сотнями проезжали мимо такси, проходили люди разных национальностей, говорящие на разных языках и читающие разные газеты. "Неужели это и есть тот самый город? — думала она, — Центр мира? Или, наоборот, край, дальше которого уже не пройти? Место, где возможно все? Из которого больше некуда ехать? Город, где квартиру продают за сорок два миллиона долларов, где в магазине можно встретить обладателя Оскара?" Нельзя долго сидеть в таком месте, это просто расточительность. Она встала и пошла дальше, по стритам, Бродвею, авеню. То задирая голову, то вглядываясь в лица, а по вечерам внимательно смотря под ноги, чтобы не наступить на пробегающих изредка крыс.

Вчера она испытала второй в жизни ментальный оргазм. Она стояла на пересечении 42 улицы и пятой авеню, вокруг, как всегда, было многолюдно... рядом торговали солнечными очками за пять долларов и часами по десять. Мимо проезжал лимузин. Она задрала голову, всматриваясь в небоскребы. От такой панорамы в глазах все немного поплыло... она опустила взгляд, но земля под ногами продолжала ходить, медленно на нее накатывалась эйфория. Вдруг, ее понесло вверх, она оказалась выше небоскребов, или они стали ниже ее, в голове чисто и радостно звучала мысль: ВСЕ! БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ НАДО! ЭТО СЧАСТЬЕ! И она поверила! На несколько секунд. Очарование прошло только, когда ее задел плечом проходящий мимо азиат, он извинился на ломанном английском и поспешил дальше.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В первое мгновение она поразила своим мыслям. Ничего себе, приехала в Нью-Йорк первую неделю в городе и уже все, жизнь удалась? Да ничего подобного, кто она для этого города? Жалкая девчушка, одна из двадцати миллионов его жителей? Если она исчезнет прямо сейчас, испарится или разорвется на частички, забрызгав сто человек, никто этого не заметит, тут все время что-то капает сверху, люди просто вытрутсы и пойдут дальше. Какая наивная мысль. Счастье! Разве это счастье?

И тут она не смогла солгать себе. Счастьем для нее всегда назывался тот момент, когда тебе нечего больше хотеть, когда все что тебе надо, ты можешь взять. Просто руками. Не нужно мечтать, загадывать желания, стремиться. Протяни руку и все твое. Именно такое чувство заставило ее голову кружиться минутою назад. Когда ты молод, самое приятное из возможных чувств, это когда ты знаешь, что все зависит только от тебя. И ты знаешь, что можешь сделать все! Если не ты, то кто? Препяды? Трудности? Несправедливости жизни? Собачья чушь! Подвинь зевак с дороги и иди вперед! Красиво, без оглядки, вприпрыжку от отсутствия цепей! Кричи! Маши руками, ты родилась двадцать лет назад! Этой цифрой будет открываться твоя биография в учебниках истории. Все происходит сейчас, твоя жизнь! Встряхни голову и живи! Объясни другим, что это значит, если они не понимают! НЬЮ-ЙОРК! ТЫ! ЖИЗНЬ! Город, где ты можешь сидеть на небоскребе или под деревом и равно будешь выше всех, где нет утраченных иллюзий пока ты верен себе, город, который вместил в себя все культуры и мечты, где можно просто жить, не чувствуя, что ты что-то пропускаешь. А гуляя по его крышам, можно выбирать свою судьбу... можно стать

водителем такси, или открыть ресторанчик на следующей улице, а можно выступать в Мэдисоне, где Элтон Джон дал пятьдесят два концерта, а можно выставиться в Музее современного искусства вместе с Пабло Пикассо, Сальвадором Дали, Винсентом Ван Гогом и Клодом Моне.

Вчера вечером она была на Эмпайер Стэйт Билдинг, панорама на весь город, где Манхеттен занимает лишь незначительную площадь.

Находиться в Нью Йорке, это как добиться взаимности от любимого актера... быть с ним!

Все эти мысли летали в ее голове целый день. Были ли они объективны или девушка просто перевозбудилась от обилия новых впечатлений, так или иначе, она ходила, едва касаясь земли, так прекрасно все было вокруг.

Сегодня она просто гуляла по Городу, с утра сходила в МОМА, посмотрела на картины гениев, а потом она пошла "просто гулять". Конечно, пятая авеню, потом Мэдисон авеню, потом вездесущий Бродвей, там она села в кафе. Взяла кофе и стала смотреть людей. Это только в самом раннем детстве ей было страшно от этого, теперь она смирилась с такой своей способностью. Вот, например, та женщина:

— Как тяжело все это, если бы я знала, что ребенок весит так много, никогда бы не залетела бы. К черту все эти материнские инстинкты, это очень тяжело для меня, скорее бы дойти до дома, надеюсь, папа там.

"Ничего интересного, — думала Света, — обычные мысли обычной мамы, только что она живет ни в какой-нибудь деревне, а в самом что ни на есть Манхеттене".

Она отхлебнула кофе и попробовала прочитать еще чьи-нибудь мысли.

— Восемь часов, потом еще шестнадцать, и всего двадцать четыре часа за двести восемьдесят долларов, к черту обе эти работы, надо искать что-нибудь попроще... я вам не негр гребанный, чтобы работать как лошадь за какие-то сто баксов.

Света поспешила отвернуться от чернокожего мужчины.

Следующий прохожий был белый, как корпус самолета.

— Только бы она ответила. Я тут же сделаю ей предложение. Плевать, пусть сомневается, но лучше жалеть о сделанном, чем о не сделанном.

Потом девушка отвлеклась. Она подумала о том, что как жалко, что она не наделена никаким талантом выражать свои мысли, чувства. Она всегда завидовала живописи и людям, кто был наделен умением рисовать. Ведь гораздо легче выразить чтобы то ни было в картине, чем попытаться описать это словами. Но раз рисовать она не умела, она много думала. Про Нью-Йорк ли, про свою ли жизнь, ей казалось, что это не имеет значения. Просто где-то есть жизнь, и ей казалось, что она ее чувствует, а жизнь, это такая штука, которая дышит, это мир вне зависимости от национальности, вероисповедания и всяких других условностей.

"Нью-Йорк, — снова подумала она, — разве может быть что-нибудь лучше в этом мире? Многие скажут да, есть куча вещей, которые ни в чем не уступают твоему Нью Йорку, тогда я отвечу, что, мол, куча вещей не уступает... "Made in China". "Извините пожалуйста, — думала Света опять, — но если кто-нибудь спросит меня, что такое Нью-Йорк, то я отвечу, что это самый замечательный город, который я когда-либо видела. А если меня кто-нибудь попросит описать Нью-Йорк, я скажу, что это большой пребольшой центр любого известного вам города... только радостнее и выше, пожалуй, фраза "каменные джунгли" была сказана исключительно про этот город.... город, в котором небо можно передать

взглядом. Что вы думаете, я тоже не верила, но моя самая лучшая подруга попросила посмотреть за нее в Нью-Йоркское небо, а потом, мол, она прочитает его в моем взгляде... и что вы думаете? Я пробовала всяко... и лишь один раз у меня получилось. Я была на крыше своего хостела, о котором надо заводить отдельный разговор... и я смотрела вверх... не просто вверх, а в небо... вы попробуйте это сделать, а потом говорите, что смотреть вверх и в небо это одно и то же.

Но так или иначе, я смотрела в небо и улыбалась. Улыбалась так, как никогда в жизни. Мне было даже немного обидно. Какого, мол, черта я улыбаюсь чужому городу? Но очень быстро я поняла, что Нью-Йорк это город не нации, а взгляда. И в конечном итоге, я так разулыбалась, что у меня аж слезки потекли. Так хорошо и прекрасно стало на душе.

А еще я брала разные экскурсии, как-то раз даже каталась на водном такси... все было замечательно, показывали финансовый квартал и другие районы Манхеттена. Я сидела на втором этаже лодки, открытом этаже. А ниже нас находился закрытый зал и маленькая площадка на самой корме. Как раз на ней были только две женщины... несмотря на обилие выхлопных газов, они продолжали оставаться в самом низу самого конца лодки... скорее всего из-за того, что одна женщина была в инвалидной коляске и на второй этаж никак не могла подняться, а в зале на первом этаже ей было не подкатиться к окошку — мешали установленные сиденья... то есть, они выбрали единственное возможное для нее место. Я посмотрела на них вниз только два раза и спустилась.

— А тут вид гораздо лучше, чем сверху, — сказала я громко вслух. — Там эти китайцы своими спинами все перегораживают".

Света вышла из кафе и продолжила свою прогулку. Внезапно мысли о России влетели в ее голову. Да, скоро ей надо будет возвращаться, ее задача почти выполнена, командировка заканчивается..., хорошо, что оно попросила остаться здесь на недельку за свой счет. Она хотела посмотреть еще что-нибудь, кроме Нью-Йорка, может быть, это добавит ей патриотизма, потому что ей начало казаться, что в России все только забывается, все слишком пыльное... что ее страна живет вчерашним днем, когда как Нью-Йорк живет завтрашним. А это особенно актуально для человека в ее возрасте.

Через двадцать минут она присела на пересечении восьмидесят третьей и Бродвея, прямо на перекрестке, на удобной лавочке, расположенной между двумя полосами дороги. Слева машины ехали в аптаун, а справа — в центр, сзади — деревья, спереди — 83 улица, а она сидела и смотрела на проезжающий мимо транспорт. Такси, такси, полиция, автобус... все-таки этот город очень большой. И никто не говорит на одном языке. Это казалось ей очень интересным. Но ей не требовалось знать все диалекты мира, чтобы видеть, а точнее слышать людей насквозь.

На какой-то момент прохожие куда-то исчезли и она осталась сидеть в одиночестве. Она еще раз посмотрела на небо, потом в окна ближайших домов, жаль, что она не могла смотреть сквозь стены. Потом на светофоре высветился беленький человечек с оттянутой вперед рукой, казалось, что он куда-то очень спешит. Будто бы повинуясь его примеру, по переходу зашагали люди. Перейдя половину дороги, они оказывались в пешеходной зоне рядом со Светой, некоторые из них бросали на девушку ленивый незаинтересованный взгляд, другие же кивали головой: "вотсап", мол, или "че как поделываешь?", но больше было тех, кто даже не смотрел в сторону девушки. А она улыбалась.

Беленький человечек уже мигал, когда мужчина в черных брюках и такого же цвета рубашке начал переходить дорогу. Света даже не смотрела в его сторону, просто ее

внутренний взор самостоятельно метнулся туда, девушку пробил холодный, как кровь крокодила, пот. Мужчина кричал в ее голове:

— Подхожу, спокойно останавливаюсь. Подхожу, останавливаюсь. Рядом. Просто подхожу и останавливаюсь. Соберись! Значит, я подошел, остановился рядом с ее столиком, улыбнулся, легкий наклон головы... или лучше подойти и плюхнуться на стул? Нет, легкий поклон головы. Инна Васильевна, добрый вечер, я... нет... лучше мы... мы бесконечно рады, что вы согласились... нет, не согласились... лучше будет.... лучше будет... ну думай же! Откликнулись! Откликнулись на наше предложение, — мужчина не перешел Бродвей полностью, а уселся на скамеечку рядом со Светой даже не взглянув на нее. — Хочу сразу извиниться, но Виталий Олегович не смог подъехать сам, он освободится минут через тридцать, — продолжал думать он про себя, — поэтому он попросил доставить вас к нему в гостиницу... ужасно звучит... где он с удовольствием поужинает с вами и обсудит цель вашего визита. Вы не пожалеете об этом... надо будет еще спросить, где она остановилась, типа я потом ее отвезу обратно. А что если она не согласится, — мужчина достал пачку и слегка трясущимися руками достал из нее одну сигарету. Сунул в рот, прикурил. — Только бы ни о чем не думать, ни о чем не думать, если это правда, то она раскусит меня в одну секунду... ни о чем не думать! Ни о чем не думать. Надо попробовать, — он крепко затаился и задержал дыхание. У Светы в голове зазвенело. — Получается. Тсс... нельзя думать... Нет! Нельзя... нет... ремень. Ремень. Пистолет. У меня есть оружие. Если что, — мужчина выпустил изо рта большое облако дыма. — Если что, мы провернем это силой. Но она нам нужна. Я же понимаю, что я делаю.

Света сидела не шевелясь. Мужчина взял паузу. Он либо действительно ни о чем не думал, либо мысли проносились так быстро, что Света не успевала их замечать.

— Пора!

Глава 9. Пери́на Надоро́жку. Нью-Йорк

Аэротрэн бесшумно вез ее вокруг Нью-Йоркского международного пристанища самолетов имени Д. Ф. Кеннеди. Не то, чтобы она до сих пор не верила, что решилась приехать сюда, просто некий привкус нереальности происходящего отвлекал от нормального хода мыслей. "Так сложились обстоятельства, — успокаивала она себя. — Уволилась, а тут новую работу предложили. Ничего, попробую. Если что, вернусь назад в страну. Виза у меня на год, папе спасибо."

Поезд тихо остановился на нужной ей остановке. Девушка встала и вышла из вагона, волоча за собой небольшую дорожную сумку на колесиках. За стеклянными стенами терминала было уже темно. Фонарные столбы, стоящие вдоль дороги, окрашивали в оттенок оранжевого проезжающие машины. Инна аккуратно встала на эскалатор, поставив сумку перед собой. Двухчасовая очередь на таможне давала о себе знать болью в голеностопах и теперь в своем багаже она видела не только вместилище одежек, а еще и табуретку, но до такси было совсем недалеко — это она помнила со времени своего последнего визита: шесть лет назад, командировка с папой. Тогда Всемирный Торговый Центр еще возвышался исполинскими столбами над южной частью Манхеттена.

Расплатившись с таксистом, девушка вылезла из машины на 77 улице между Бродвеем и 11 авеню. Высокий, плотный чернокожий взял у нее багаж и потащил в отель, Инна пошла следом. В небольшом уютном холле с мягким светом она оплатила забронированный еще в Москве номер и вскоре уже принимала в нем душ.

Ранним утром следующего дня она вышла из здания в коротеньких обтягивающих шортиках и топике такого же серого цвета. Первый квартал она прошла пешком, но как только она пересекла Бродвей, ее ноги задвигались быстрее и таким образом, что в каждый момент времени лишь одна из них касалась земли.

Через несколько минут она уже бежала по Центральному Парку. Проезжающий мимо чернокожий работник на служебной машине-фовиллере, высоко поднял руку, широко и белоснежно улыбнулся и крикнул: "Удачного дня!"

Инна подбежала к довольно широкому водоему имени Джаклин Кеннеди, расположенному прямо в самом центре парка. По дорожке, повторяющей контуры озера, бежали бесконечные люди, такими они были исключительно из-за цикличности своего движения по кругу.

Она втиснулась в поток, между обнаженным по пояс дедушкой лет семидесяти, афроамериканской девушкой ее возраста и двумя белыми мужчинами лет сорока с плеерами прикрепленными к предплечью.

Инна бежала и улыбалась. Иногда их маленькой импровизированной компании приходилось оббегать туристов, фотографирующихся на фоне озера. Среди них попадались русские. Инне показалось, что два парня даже перекинулись у нее за спиной словами: "А чего, Пери́на Надоро́жку живет в Нью-Йорке или просто эта баба на нее сильно похожа?"

Сделав два круга, она решила, что этого больше, чем достаточно и вернулась в отель. Душ, интернет, обед в ресторанчике неподалеку, потом легкая прогулка по городу: Бродвей, Таймс Сквеа, Юнион Сквеа и вот уже настало время готовиться к вечерней встрече.

В номере она недолго колебалась что же ей надеть: единственное взятое с собой

вечернее платье или нарядиться по-простому. Ее логика и контекст события подсказывали, что футболочка и джинсы подойдут как нельзя лучше. С правильной подачей это выглядит эффектнее любого наряда.

Взяв такси и подумав о том, что все-таки стоит разок проехать на сабвее, она уже через двадцать минут была в другом конце Манхеттена. Средненький, ничем не выдающийся ресторан, меню, официанты, столик. Она села на диван у стены. Через секунды рядом с ней поставили стакан воды и положили книжку с перечнем блюд и ценами на них.

Вода была очень кстати, лето выдалось слишком теплое, несколько недель назад даже объявляли чрезвычайное положение; на улице было жарче, чем в шубе на печке.

Она взяла меню и стала внимательно просматривать его, не как обычно, слева на право, а наоборот, интересуясь в первую очередь ценами, нежели названиями блюд. С деньгами у нее было все в порядке, просто давно она не ужинала в Нью-Йорке и было интересно сравнить их с привычными московскими трапезами. Через пару минут она отложила меню в сторону... пока заказывать было рано. Еще какое-то время она просидела стуча ногтем то по столу, то по стеклу стакана. Еще минуту она разглядывала на нем следы от своей помады, попутно ругая себя, что пришла слишком рано.

— Инна Васильевна?

Надорожку подняла голову на мужчину в черном.

— Добрый вечер, — продолжил он скороговоркой, — мы бесконечно рады, что вы откликнулись на наше предложение.

— Да что же вы стоите, садитесь, пожалуйста, — указала девушка на диванчик напротив себя.

— Спасибо, — мужчина продолжал стоять, — хочу сразу извиниться, но Виталий Олегович не смог подъехать сам, эээ... он освободится минут через тридцать.

— А Виталий Олегович — это продюсер? — спросила девушка.

— Ммм... да, он наш продюсер. По-этому он попросил доставить вас к нему в гостиницу, — тут мужчина слегка замялся. — Где он с удовольствием поужинает с вами и эээ... обсудит цель вашего визита.

Инна задумалась.

— А потом я отвезу вас домой, ну в смысле в эту, в гостиницу. Где вы кстати остановились?

— Что же вы так нервничаете, я не бракозбра какая-нибудь, а всего лишь ведущая средней популярности из России, тут обо мне, например, знать никто не знает.

Мужчина пожал плечами. На лбу у него заблестела капелька пота.

— Я на 77 остановилась, около Бродвея, там отель есть, называется...

— Да, знаю, — перебил ее мужчина и провел ладонью по своей зализанной гелем прическе.

— Значит вы настаиваете, что нам нужно ехать? — сощурилась Инна.

Кадык мужчины подтянулся до самого подбородка и спустился обратно, как скоростной лифт на Эмпайер Стэйт Билдинг.

— Что вы, что вы, я ни капельки не настаиваю... да, эээ... просто это было бы удобнее, гораздо, так сказать... удобнее, — мужчина еще раз провел рукой по волосам.

— Я как-то с незнакомцами не привыкла по отелям разъезжать, я девушка хоть и не робкая, но скромная и осторожная.

— Да что вы, — попытался засмеяться мужчина, — мы же чисто по делу.

— А нельзя ли "чисто" перенести встречу? — спросила девушка отпивая из стакана.

— На этот счет у меня есть распоряжение. Ужин можно отложить до завтрашнего вечера.

— Вот и отлично, — сказала Инна, — тогда сегодняшний вечер я посвящу исключительно себе.

— Виталий Олегович очень извиняется за этот, так сказать конфуз.

— Я принимаю его извинения. Но только при условии, что завтра мы с ним все-таки встретимся в каком-нибудь публичном месте, — девушка подняла брови и внимательно посмотрела на мужчину, — он был бледен и покрыт потом. Черная рубашка местами прилипла к телу, его зализанные назад волосы лоснились, а несколько прядок выбились из-за ушей и торчали в разные стороны.

— Тогда позвольте взять вам такси.

Инна посмотрела на раскрытое меню, стакан с водой, на мечущихся вокруг других столиков официантов. Есть не очень хотелось, впереди был свободный вечер и может быть, она найдет местечко получше.

— Хорошо, позволяю.

Через две минуты мужчина посадил Инну в машину и быстро плюхнулся на сиденье рядом с ней. После чего такси резко тронулось с места. Девушка удивленно посмотрела на неожиданного соседа, но направленное в ее сторону дуло пистолета, сковало ее лучше любых кандалов. Дело было сделано.

Глава 10. Света опоздала. За 10 минут до этого

— Следующая машина, нет, та машина, та машина, — повторяла она с заднего сиденья, почти тыча пальцем в лобовое стекло.

— Какая именно машина? Какое из этих такси? Девушка, успокойтесь, что вы хотите от меня.

Света судорожно соображала и вспоминала английские слова.

— Мне надо ехать та машина, — пыталась объяснить она таксисту.

— Какая именно.

— Такси!

— Какое из них, — индус в широкой оранжевой чалме лишь разводил руками. Счетчик работал в режиме медленного трафика.

— Едь, едь! — торопила его Света и добавляла по-русски, — вон за тем такси, быстрее, а то упустим, ну вон за тем, которое только что повернуло налево.

Водитель морщась поглядывал на девушку, пытаюсь уловить ее желание.

— Ну вот, я уже не понимаю, где нужная нам машина, — всхлипнула она.

— Что? Что вы говорите, я не понимаю! — начал нервничать таксист. — Какая из этих машин?

— Да не знаю я! Вон та, — уже наугад ткнула пальцем Света.

Через шесть минут окончательно запутавшись и упустив мужчину, она попросила остановиться. Расплатившись с бурчащим что-то водителем, она осмотрелась вокруг. Город уже горел триллиардом огней, в ресторанах, на уличных столиках посетители пили алкоголь при свечах. В Юнион Сквеа толпились небольшие группы разноцветных людей.

От ресторанчика, около которого она вышла, отъезжало такси, ей показалось, что через заднее стекло она видит рыжие волосы девушки и черную спину мужчины, но распознать в них кого-либо она уже не могла — машина резко вывернула влево и встроилась в общий поток движения.

Света еще раз внимательно осмотрелась, пытаясь проникнуть в мысли прохожих.

"Опаздываю, опаздываю, опаздываю"... ну и что мне надо было ответить? Что это я виноват? Нет, все не так". "Двенадцать минус еще четыре это у нас...". "Приду домой, посмотрю спутник". "На выходных надо стирку сделать". "Бах, бах, тарабах!". "Ну еще завтра день и можно купить новый лептоп". "Попробую сегодня переночевать у нее, не первый раз же видимся".

Света опустила голову и поджала губы. Несколько раз она предотвращала подобного рода затей, в супермэны никогда не лезла и хоть была девушкой доброй и отзывчивой, но становиться борцом со вселенским злом только из-за того, что умеешь читать чужие мысли, она не собиралась.

Сзади громко затормозил черный минивэн. Света и некоторые из окружавших ее прохожих бросили взгляд на впопыхах припарковавшуюся машину. Боковая дверь легко открылась и на тротуар выскочили два молодых человека. Первый был невысокого роста, полноватый со светлыми кудрявыми волосами, одетый в простую белую футболку и серого цвета шорты. Вместе с ним появился высокий, плотный паренек с темными коротко стриженными волосами, он был в синих джинсах и темно-синей футболке, которая при

ночном освещении казалась просто черной.

Оба парня вращали головами как совы на ускоренной в пять раз видеозаписи.

"Американец, — Света безошибочно определила национальность кудрявого". В этот момент оба молодых человека взглянули на нее, "американец" быстро побежал глазами дальше, а второй задержался и сильно изменился в лице.

— Светка! — крикнул он по-русски.

"Сашка, — подумал она и сильно улыбнулась, — как в кино!"

Парень в две секунды подбежал к ней, задев по пути нерасторопного азиата, даже не думая извиняться, он уставился на Свету.

— Как в кино, да? — улыбнулся он. — Я тебя сразу узнал.

— Я тебя тоже, — ответила Света. Вся ее тревога по поводу упущенного мужчины в черном улетучилась. — Ну обними меня, чего ты смотришь.

Саша быстро обхватил девушку за талию немножко покрутил в разные стороны и легонько поцеловал в щеку.

— Саса, — окликнул его кудрявый парень, — не забывай про работу! Мы здесь по делу.

— Род! Не волнуйся, просто это невероятная встреча. Мы знакомы, но ни раз не видели друг друга в реальности, но мы очень хорошие друзья. Правда, Свет?

— Что? Я не очень хорошо понимаю по-английски.

— Я говорю, что мы с тобой век знакомы и наконец-то встретились!

— Да, — кивнула девушка. — Он прав.

— Кстати, это Света, это Род, а вон там, — Саша кивнул на выходящего из машины квадратного парня, — Мэтью.

— Очень приятно познакомиться с вами, ребята, — пробормотала Света.

— Нам тоже, — по очереди сказали парни.

— Саша, ищи ее или его, у нас мало времени.

— О чем они? — спросила Света.

— Да я здесь вроде как на задании. Мы одну девушку ищем.

— Какую? — Света вытянулась в струнку и посмотрела сначала на Сашу, а потом на разбежавшихся по сторонам парней.

— Ты ее, кстати, можешь знать... — начал Саша.

— Саса, проверь ресторан, потом поговорите!

— Никуда не уходи! Поняла? Я быстро. — Парень метнулся ко входу в ресторан. — Я понял!

Свете захотелось прочитать его, но она тут же подавила эту мысль. Только в самых крайних случаях она читает друзей. И это не глупые этические принципы — это эгоизм.

Минуту спустя Саша вернулся к девушке, его американские спутники подошли через десяток секунд.

— Что будем делать? — спросил кудрявый Род. — Видимо, она уехала или ее увезли.

— О ком вы говорите? — вмешалась Света.

— Нам надо было найти одну девушку, — начала Саша, но осекся и посмотрел на американцев.

— Да, он прав, — подхватил его мысль Мэтью. — Она русская телеведущая, и нам очень надо было ее найти.

— А почему вам очень надо было ее найти? — как и большинство не свободно говорящих на чужом языке людей, Света часто использовала только что услышанные фразы

или даже предложения.

Парни переглянулись. Казалось, Саша нервничает больше всех.

— Мне кажется, она наша, — сказал он.

Род внимательно посмотрел на Свету, потом на Мэтью.

Девушке стало не по себе. Он решила проникнуть в мысли американцев.

"Можно ли ей доверять? Что нам это даст? Разве она поможет на найти сканер? Скорее всего, мы опоздали! Дэн нам всыплет. Но как такое могло произойти. Мы же держали ее под наблюдением. Чертова пицца! — думал Род".

"... жаль, действительно жаль. Вот для чего нам нужен сканер, а так приходится пытаться определить Личность человек или Бот на глаз. В Лагере-то проблемы с этим бывают, что уж говорить про полевые условия. Ну в ее глазах что-то есть, это точно. И Саша говорит, что она наша. Стоит попробовать, — решал про себя Мэтью".

— Ситуация такова, — заговорил Мэтью, обведя присутствующих взглядом, — что эта девушка была нужно не только нам. И если в нашем случае, мы хотели ее защитить..., - тут он подумал про себя, что лукавит, и Света это тут же поняла, — то другие люди, без сомнения, хотят использовать ее в своих целях. Но кажется, мы опоздали... или лучше сказать, на какое-то время мы упустили ее из вида, а теперь не можем найти.

Света кивнула в знак понимания. Несколько секунд она размышляла, стоит ли говорить о только что случившейся с ней исетрии. Нервы и чувство вины взяли свое и он начала подбирать английские слова:

— Послушайте, я должна вам кое-что сказать. Возможно, это зависит, нет... это соединяется с вашим делом. Где-то полчаса назад я встретила мужчину, который собирался кого-то похитить..., - Света замолчала и посмотрела на лица парней. Потом забралась к ним в мысли.

"Возможно это был он".

"У нее действительно красивые глаза, и лицо и... Род! Хватит! Ты разглядываешь ее грудь!"

Света едва заметно улыбнулась, за последние годы она привыкла встречать такие мысли в головах мужчин.

"Интересно, каким это образом она поняла, что этот мужчина намеревался кого-то похитить?"

Света, конечно же, никому никогда не раскрывала свой дар. Даже родителям. Было время, когда мириться с ним ей было очень тяжело и она хотела рассказать все подруге, но не успела она начать разговор, как та очень резко высказалась по этому поводу, а что она в это время подумала, Света старалась никогда не вспоминать. Поэтому сейчас, сказав лишнее, она была вынуждена исправляться.

— Я сидела в ресторане, — начала врать она, — и тут к одной русской девушке, действительно очень похожей на известную телеведущую, не помню как ее зовут, подошел мужчина. Ну этот мужчина... она начал ей говорить что-то, я сидела недалеко, но все слова расслышать не могла. Он говорил про какого-то важного человека, благодарил, что она прилетела сюда ради их предложения, а потом предложил перенести ужин в отель. Они вышли на улицу, а я замешкалась и не увидела, чем все это кончилось. Возможно, они вместе уехали на такси, а может быть, она в последний момент отказалась.

— А почему ты решила, что он хотел ее похитить? — спросил Мэтью.

— Что? — не поняла вопроса Света.

— Он спрашивает, почему ты решила, что этот мужик хотел похитить ведущую? — перевел Саша.

— Ну просто вы же сами сказали, вот я и соотнесла факты.

Саша перевел фразу девушки.

— И еще, мужчина очень сильно нервничал, я вообще удивилась, что такая девушка пошла с ним куда-то.

Света не знала как лучше представить всю эту ситуацию для парней. Хотелось, чтобы они ей поверили, но совсем не хотелось открывать себя. Хотя она и знала Сашу виртуально уже несколько месяцев, но все-таки как реальный человек он пока был для нее достаточно чужим для любого рода признаний. Тем более таких аномальных, которые она могла бы сделать ему.

— А как он выглядел? — спросил Род.

Света задумалась на секунду.

— Во всем черном. Рубашка, брюки. Черные волосы, — хотела сказать зачесанные назад, но не смогла вспомнить соответствующего слова. Поэтому просто провела рукой по своей голове. — И волосы вот так.

В очередной раз американцы переглянулись.

Рядом с ними остановилось такси, из него вышел высокий и широкоплечий чернокожий мужчина. Выходя на центр тротуара, он задел плечом Свету, тут же повернулся в ее сторону, сделал жалостливое выражение лица и тра раза попросил прощения.

— Все хорошо? — спросил он в довершение свой извинительной тирады.

Света кивнула.

Черный мужчина посмотрел на парней, потом на Свету:

— Ребята, еще раз извините.

Только после этого он зашагал в нужном ему направлении.

В компании воцарилась прежняя атмосфера.

— Спасибо большое, Света, увижу тебя позже, — сказал Мэтью и направился к машине.

— Спасибо большое, увижу тебя, — сказал Род.

— Не за что, — ответила девушка.

— Вот значит и встретились, да? — Саша смотрел ей прямо в глаза.

Мысленно она перенеслась от похищения ведущей к стоящему напротив нее парню и улыбнулась.

— Ты сейчас улыбнулась или "очень" улыбнулась? — спросил он.

— Не знаю. Наверное очень.

— Музыка лучше всего?

Девушка рассмеялась.

— Что будем делать?

— Это я у тебя должна спрашивать.

— Саша, ты идешь? — крикнул Мэтью.

Парень обернулся к машине и спросил:

— Вы будете в номере? Я приеду попозже.

— Нет, мы едем назад. В Лагерь.

— Что, что он сказал? — спросила Света.

— Он сказал, что мы возвращаемся на так называемую базу.

— Это из-за того, что вы не нашли девушку?

— Да.

— А что за база? Что за девушка, в смысле зачем она вам? Что это за игры, Саш?

— Ой как я хотел бы тебе все рассказать..., - парень изменился в лице, Свете показалось, что его глаза устремились куда-то внутрь.

Она продолжала смотреть на него.

— Саса, — крикнул Род, — мы ждем тебя.

— Тебя зовут, — Света коснулась его волос, сняла с них непонятно откуда взявшуюся пушинку.

— Знаешь что, — начал он вдруг энергично. — Поехали со мной! Это, конечно, не самая лучшая вещь, которую я могу тебе предложить, но по крайней мере, я могу гарантировать, что будет интересно.

— Интересно? — Свет едва сдерживалась, чтобы не прочесть его. В конце концов, сейчас это было очень важно. Соглашаться на что-то в слепую, когда ты можешь уберечь себя от возможного несчастья... Она совсем чуть-чуть проникла в Сашину голову и стала смотреть на его мысли "очень с высока", так, чтобы уловить лишь самые общие их черты.

"Опасность, угроза, переживание, забота, дружба, чувства...". Ей даже показалось, что она видит что-то, похожее на влюбленность. Этот образ тут же отразился на ее щеках.

Негатив и общее тревожное состояние, которое она заметила, насторожил девушку и, поколебавшись всего секунда, она юркнула в Сашины мысли поглубже.

"Опасно, это опасно, я еще сам не знаю, как буду оттуда выбираться. Но там Ваня и мне надо за ним вернуться. А в случае чего, Светка встанет на мою сторону, хотя какая от нее помощь, она всего лишь девушка... тогда мне придется защищать ее. Но может быть, все будет не так уж и плохо. В любом случае, я не могу с ней просто так расстаться. Эх... хорошо было бы остаться здесь, но Ваня... он ждет меня".

— Ну так что? — спросил Саша.

Глава 11. Художник, прибытие на Базу

Он был уже совсем близко к Эшвилу, только что сверившись с картой, парень снова сел на велосипед. Ворота лагеря, в который он так хотел попасть, были в каких-то шести милях.

Разливая по земле оранжевый свет, падало очередное солнце. Темные очки болтались на груди Художника.

Он остановился перед железнодорожным переездом — красно-белая балка загородила дорогу. Справа приближался поезд, проезжая мимо собравшихся в ожидании его машин, тепловоз почтительно прогудел.

Инсталляция. Два экрана. На одном проходящий поезд и на втором тоже. Несутся в разные стороны. Громкий прегромкий звук сирены... гудка поезда.

Художник мотнул головой. Были случаи, когда идеи картин приходили ему в голову, но инсталляции? Это было впервые. Но мысль ему понравилась, только вот как эту тему потом продавать? Ведь он художник в довольно узком понимании этого слова...

Шлагбаум подняли и движение на дороге возобновилось.

Парень неспеша крутил педали в горку. Мозги что-то обдумывали, глаза рассматривали Америку. Ему вдруг вспомнилось: как-то раз, он сидел в нью-йоркском метро, на одной из станций. Он был не совсем в адеквате и поэтому сидел согнувшись и обхватив голову руками, как во время аварийного приземления. Сзади послышался шум приближающегося поезда и он приоткрыл глаза посмотреть, его ли маршрут. Как раз в это время, мимо проходил мужчина, в одной руке у него был набитый чем-то пакет, а второй — он прижимал к боку большую рамку от картины и кожаную папку. Глядя на это сочетание, могло показаться, что папка — это часть картины, то есть целиком композиция выглядит так: рамка, а в нее вклеена кожаная папка. Было ли так на самом деле или это было всего лишь совпадение, но Художник вскоре сделал точную копию увиденного. На обычную картинную рамку он приклеил самый что ни на есть настоящий портфель, ну или, лучше сказать, сумку.

"Частная территория", — гласила табличка на дороге, вдоль которой ровным частокотом росли высоченные сосны.

"No outlet", — было написано на следующем знаке, что означало, нет, дескать сквозного проезда, тупик впереди. И вот показались открытые створки ворот. На каждой из них по центру был прикреплен герб в виде орла, парящего над змеей, выпуклые очертания которых бронзовым поблескивали в вечерних дистрофичных лучах солнца.

Не снижая скорости, Художник въехал на территорию. Слева лужайка, за ней теннисные корты, потом волейбольные площадки. Справа небольшая парковка, на ней несколько минивэнов, квадроцикл, пара внедорожников, за ними длинное одноэтажное здание с верандой и крыльцом, впереди маленький каменный домик, окруженный деревьями, сразу за ним два больших одинаковых двухэтажных здания.

Художник резко затормозил, когда из кустов прямо под велосипед выпрыгнул разодетый в комуфляж подросток, с заткнутой сзади за пояс футболкой.

— Привет, — поздоровался он с мальчишкой.

— Привет.

— А не подскажешь, где тут главный?

Мальчик не задумываясь ответил:

— Мэтью, он тебе подойдет.

— Где могу я найти его?

— Мы играем, он где-то прячется, попробуй найди его.

Художник кивнул и хотел было ехать дальше, но парень остановил его:

— Оставь свой байк тут, заткни сзади что-нибудь за пояс, найди краску и нарисуй себе номер команды где-нибудь, видишь, — он ткнул себя в щеку, где можно было разглядеть бледную цифру 3, - я в третьей команде. И ты тоже присоединяйся к нам, ты вроде здоровый парень, нам такие нужны.

— Да мне не до игр, — Художник попытался проехать мимо пацана, но тот сильно вцепился в его руку.

— Раздевайся и играй, чужим не положено находиться на территории лагеря.

— Но у меня дело.

— Меня не волнует.

— Слушай, парень!!!

— Раздевайся и играй, иначе я нажалуюсь вожатым и тебе не сдобровать. Или ты не слышал историю, про одного мистера, который пару месяцев назад получил срок за...

— Слушай, ребенок, не надо мне вот этого, ок? — Художник вообще не умел общаться с детьми, а тут ему попался самый дерзкий ребенок Северной Каролины.

— Я предупреждал тебя?

— Ну хорошо, — сдался Художник.

Он прислонил велосипед к дереву, поставил рядом с ним рюкзак, стянул с себя футболку и заткнул ее за пояс. В это время мальчишка свистнул кому-то и к ним подбежали еще три подростка с красками в руках, они быстро разрисовали тело Художника "троечками" и бессмысленными линиями.

— Правила знаешь?

— Вытаскивать футболки из-за спины у игроков других команд.

Мальчик кивнул.

— Ну все, погнались.

"... наши городских, — добавил про себя русский и побежал в след за маленькими американскими людьми".

Здание за парковкой оказалось столовой, за ним было небольшое озеро, вырытое пятьдесят лет назад, по одну сторону от него находился лагерь, с другой стороны шла дорога. Именно туда мальчишки и завели Художника.

Между дорогой и озером была земляная насыпь, тут и собирались основные силы команд для решающих баталий. В тот момент там было не меньше сорока человек. Художник без труда разглядел несколько парней примерно своего возраста.

— Это вожатые? — спросил он.

— Да.

— Кто из них Мэтью? — опять спросил он у своего маленького знакомого.

— Если наша команда победит, я тебя за руку к нему отведу.

— А если нет?

— Тебе придется покинуть лагерь? Уж я придумаю, что сказать.

— Тебе не поверят! — Художник с трудом сдерживал раздражение.

Мальчик лукаво и очень противно улыбнулся, его лицо сморщилось и все веснушки перемешались между собой.

— Знаешь, кто мой папа?

Художник выругался вслух по-русски.

— Что? — не понял мальчик.

— Я спрашиваю, ну и кто же?

— Владелец самой крупно в мире компании, производящей...

Конец фразы расслышать было невозможно, ревом наполнился вечерний воздух над озером, насыпью и дорогой. В атаку пошли друг на друга маленькие вояки.

Делать было нечего, Художник побежал вперед на полусогнутых, раскинув руки пошире. Первый же попавшийся ему "враг" ловко увернулся от его захвата и только преимущество в росте позволило русскому остаться в игре.

Через пару секунда он уже вырвал футболку у неудачно повернувшегося к нему мальчика. Затем, сделав что-то похожее на пируэт без шпаги, Художник выхватил сразу две футболки и увернулся от трех пар рук одновременно. Противники, оценив прыть незнакомца, поспешили отскочить от него как можно дальше.

Художник осмотрел поле боя, несколько детей из его команды уже одетые сидели на траве и с надеждой наблюдали за ним.

Все команды разбились по кучкам и взяли негласный тайм-аут. Художник расценил, что шансов победить у его команды не много. Из взрослых бойцов остался только он, в то время, как у соперников было по два-три вожатых в команде. Ими он и решил заняться в первую очередь.

— Так, — обратился он к своим, — слушаем меня! Вы растягиваетесь в линию и идете с левого фланга, не позволяйте им заходить вам за спины. Следите за своими товарищами. Действуем командой!

Глаза детей блестели, они кивали в ответ на его слова и все как один вытирали вспотевшие руки о шорты.

— Поехали! — крикнул Художник.

Их "третья" команда двинулась в атаку. Тут же все остальные приняли боевые стойки.

Художник сместился чуть назад и под прикрытием выстроенной им линии стал красться к одному из вожатых.

Отвлеченные "третьей", противники из "четвертой" команды пропустили фланговую атаку "первых" и, с большими потерями, вынуждены были отступить. "Вторые" же, прижатые к воде все теми же "третьими" попытались вырваться на свободное пространство, разрушили свой строй и отдельные их бойцы приняли неравный бой с четко держащими линию "третьими".

Воспользовавшись накалом сражения, Художник рванул из-за спин своих "солдат" прямо на растерявшегося вожатого. Выхватив у него футболку, он крикнул: "Мэтью?". На что парень вытаращил глаза и мотнул головой вправо.

Художник сделал в том направлении только один шаг и его окружили сразу два взрослых и трое детей из "первой".

— Мне нужен Мэтью! — крикнул он.

В тот же момент дети кинулись на него: пытаясь увернуться от всех сразу, он корпусом сшиб одного на землю, второго поднял на руках и поставил ближе к спешащим ему на помощь "троечкам". Последний противник схватился за его футболку, рванул, но не вытащил ее до конца а, споткнувшись о чью-то ногу, упал.

— Я — Мэтью, — крикнул рослый парень с кучерявой головой и полукругом пошел на

Художника.

Остальные вожатые оставались на месте.

— Мне надо с тобой поговорить! — сказал Художник.

— Я не знаю тебя.

— Я тебя тоже.

Мэтью сделал обманное движение и вслед за этим, сильно вытянувшись, схватился за край футболки Художника. Тот отреагировал мгновенно — сделав разворот на сто восемьдесят градусов, он оказался почти за спиной у Мэтью, при этом, вектор движения совпал с вектором приложенной Мэтью силы, по вытаскиванию его футболки. Растерявшийся американец отпустил футболку и поспешил выставить защиту, но Художник резко нырнул вперед и на ходу "убил" Мэтью. Тут же он повернулся к побежденному сопернику и повторил: "Мне надо с тобой поговорить". В этот момент двое вожатых толкнули его в спину и вытащили "жизнь" из-за пояса.

Мэтью улыбнулся, отошел в сторону и махнул ему рукой, давай, мол, ко мне.

— Как дела? — спросил Мэтью.

— Как дела? — ответил Художник.

— О чем ты хотел со мной поговорить?

Художник на секунду задумался. Он не подготовил никакой легенды о цели своего визита. До сих пор он рассчитывал сказать правду о встрече с тем мужчиной и о том разговоре, который произошел между ними. Но сейчас, странное чувство под левой лопаткой смущало его.

— Не знаю, должен ли я говорить с тобой или с кем-то другим, просто я приехал сюда и мальчишка посоветовал обратиться к тебе, — Художник кивнул в сторону того нагловатого ребенка, он был увлечен игрой и не обращал на русского никакого внимания.

— В чем проблема?

— Я хочу... работать у вас в лагере.

— Работать?

— Да, работать, — Художник осмотрелся по сторонам, шмыгнул носом, — мне не важно кем, могу с детьми играть, могу полы мыть, посуду. Короче, просто хочу работать.

— Ну все не так просто, я отведу тебя к директору, я не уполномочен принимать такие решения.

Надев футболки на свои вспотевшие от жары и игры тела, парни направились в офис — длинное здание, один конец которого упирался в холм, а второй держался на толстых подпорках. Располагалось оно прямо за озером.

— Мы зовем его "корабль", внутри он похож на корабль. А во время Второй Мировой Войны, здесь была гимназия для евреев, которые бежали в Штаты от нацистов.

— Шип значит..., ну шип так шип... корабль, — пробормотал по-русски Художник.

— Ты случайно не из России? — спросил Мэтью.

— Точно. А как ты догадался? Ты понимаешь мой язык?

— Эээ..., - замешкался американец, — просто у нас который год работают русские и мало помалу мы привыкаем к их языку. Конечно, я не могу на нем говорить, только пару выражений: "привет", "как дела", "отлично"... но когда кто-нибудь говорит по-русски, я сразу это понимаю.

— То есть у вас и сейчас работают русские?

— Да, конечно.

— А где?

— На кухне, — Мэтью мотнул головой в сторону оставшейся позади столовой.

— Я мог бы работать с ними, — сказал Художник.

— Сейчас мы поговорим с боссом. Если он еще в корабле. Я бы связался с ним по радиации, но я оставил ее вместе с квадроциклом.

Внутри все действительно напоминало судно — узкие железные лестницы, такие же узкие коридоры.

Мэтью постучал в дверь с табличкой "Джонни" и тут же открыл ее.

В комнате за длинным столом сидел средних лет мужчина с забавным лицом и что-то печатал на компьютере. При виде гостей он откинулся на спинку стула и скорчил такую удивленную физиономию, будто бы медведь гризли только что спросил у него разрешения исполнить на волынке свой любимый отрывок из "Пер Гюнта".

— Джонни, этот человек хочет получить работу у нас.

— Отлично! — мужчина поднялся и подошел к Художнику. — Меня зовут Джонни.

— Сергей, — представился Художник.

— О! Сергей, замечательное имя, я знаю русского хоккеиста, Сергея Федорова!

Художник нахмурился, а потом кивнул. Не знал он хоккеистов, даже своих, русских.

— Кем же ты хочешь работать и почему ты не подал заявку через отдел кадров, как все?

— Я странствую по этой стране и никогда не знаю, в каком месте я окажусь завтра, — Художник посчитал, что эта фраза может стать намеком на его истинные намерения.

Джонни и Мэтью действительно переглянулись, на микросекунду в глазах директора зажегся прожектор искренней заинтересованности.

— Ну что же, а какую работу ты хочешь получить?

— Это не играет никакой роли.

— Понятно, — Джонни мечтательно заулыбался, откинув голову назад.

Примерно полминуты в комнате, как одинокая лампочка под потолком, висела тишина.

Мэтью облизывал губы и внимательно смотрел на босса. Художнику даже показалось, что тот готовится наброситься на него и ждет только команды.

— Ладно, вот что мы сделаем, — очнулся директор, — Мэтью, проводи Сергея в Хэппилэнд, устрой там его с русскими, а завтра я придумаю ему работу.

Мэтью скорее тряхнул, чем кивнул головой, будто бы сбрасывая напряжение.

— Спасибо, тогда завтра я подойду к вам с утра? — спросил Художник.

— Да, конечно, — ответил Джонни, — Мэтью расскажет вам про завтрак и сразу после него я жду вас здесь.

Художник еще раз поблагодарил американца, развернулся и вышел из кабинета. Следом за ним, бросив взгляд под названием "ну что?" на босса и получив в ответ задумчивую гримасу "еще не ясно", вышел Мэтью.

Проходящей через лес дорогой Мэтью довел Художника до Хэппилэнда. Пару раз он жаловался, что оставил квадроцикл около столовой и ему теперь так далеко за ним возвращаться. Расстояние действительно было приличное. К тому же, уже начинало смеркаться, а никакого уличного освещения в лагере не было.

Домик был небольшой, двухэтажный. Левое крыло занимал гараж, в правом находились кухня, холл, и два жилых этажа: второй и подвальный. В нем обитали русские, колумбиец, семья байдарочника и супружеская пара — страшный мальчик и толстая девочка. Все русские находились в столовой: мыли посуду и прибирались после ужина. Мэтью

познакомил Художника с колумбийцем Сизаром, тот показал ему комнату, в которой кроме него, жили еще двое парней из Питера. После этого Мэтью распрощался и направился к выходу.

— Там у меня велосипед и вещи, — сказал Художник.

— Не волнуйся, велосипед никто не тронет, а вещи я на всякий случай возьму к себе в домик, завтра отдам, — сказал Мэтью.

— А может, сейчас завезешь? — попросил Художник.

Американец с сожалением посмотрел на часы.

— Эх... ладно, постараюсь..., - ответил он и захлопнул дверь.

Следующие двадцать минут Сизар проводил экскурсию по дому. Он показал компьютеры с интернетом, телевизор со спутниковыми каналами, кухню с микроволновкой, холодильником и плитой, на втором этаже были спальни и полноценная ванная комната с душем. Сизар нашел Художнику чистое белье и полотенце, а потом пригласил посмотреть телевизор.

Приехал Мэтью, привез багаж, тут же попрощался еще раз и укатил в ночь, сильно выжимая газ на своем квадроцикле.

— Скоро вернутся русские? — спросил Художник у колумбийца.

— Вот-вот должны.

— Слушай..., а у тебя в стране наркотиков куча, да?

— Ты что, — воспротивился Сизар. — В моей стране с этим очень строго.

— Да ты чего! — удивился Художник, — всем известно, что Колумбия страна наркобаронов.

Сизар мотал головой.

— Да я сам..., - хотел было продолжить Художник, но осекся, — ... я сам читал... да, в газете.

— Я уверен, что это не правда.

Художник опять было чуть не сболтнул лишнего, так забавлял его этот паренек, но он помнил, что в этом лагере нужно быть осторожным, наверняка сейчас за ним уже усиленно наблюдают, только какими средствами? Является ли Сизар Личностью или же он просто работничек? То что Мэтью занимает не самую последнюю тут должность, Художник догадался сам.

— Ну ладно, Сизар, как скажешь. Если ты говоришь, что в твоей стране нет полей, засаженных всякой дрянью, и целых фабрик по производству кайфа, то значит так и есть, тебе виднее.

Колумбиец довольно заулыбался.

— Я пойду в душ, через сколько придут русские? — в очередной раз спросил он.

— Через час точно придут, может быть, раньше.

— Ну хорошо, еще почту успею проверить.

Глава 12. Александр. Продолжение дневника 2

Однажды к нам подселили интересного кентяру, русского. Он уже несколько лет обитал в Америке... нелегалом... сначала он даже не говорил нам, чем на самом деле занимался, говорил, что работает в разных местах, типа вольный художник. Кстати, именно так просил себя называть, хотя сообщил, что по паспорту он Серега. На английском шарил, как наш Цезарь, если не лучше.

Когда он только приехал, то еще не знал, где будет работать, говорил, что наверное с нами на кухне... просто я к тому времени уже перевелся на совершенно другого рода работу. Ладно, все по порядку.

Если "дырявая" мне не изменяет, то за три дня до заезда детей нас с Ваней позвали на психологическое собеседование. Мы сразу почуяли подвох, что мол это еще за фишка? Зачем нам это? Или если мы чересчур нервные, нас не допустят больше до мытья посуды? Дескать, перебьем все? Или к детям запретят подходить... короче были мы все в непонятках.

Заявились сразу после утренней уборки в шип, ну это там, где все начальство сидит. Кабинет у них такой специальный, в той части здания, где медсестры уколы делают от заразных всяческих. Зашли мы, короче, в кабинет, там девушка... средней паршивости, лет, эдак, двадцати восьми, но пожеванная вся, не аппетитная короче, да еще и тюлень — с усами над верхней губой. Здоровается с нами и просит Ваню выйти, а меня остаться. Причем, что сразу напрягло — она безошибочно определила, кого из нас как зовут, хотя мы до этого с ней не встречались.

Ладно, ближе к телу, то есть делу. Остались мы с ней вдвоем в кабинете. Ситуация, думаю, интересная... могла бы получиться..., но уж больно девочка стремная, я, конечно, тоже не Ален Делон, но это ее не извиняет.

Тем временем тюленьиха стала меня рассматривать, беспардонно так, будто бы я слепой или сижу за таким стеклом, где с одной стороны зеркало.

— Ну, — наконец сказала она, — приступим.

Я кивнул головой.

Спешу заметить... тут в чем дело... я не до конца помню подробности той встречи, а лепить юродивого не очень хочется. Поэтому я так, приблизительно накидаю, о чем мы болтали.

— Мне надо задать тебе несколько вопросов.

Я кивнул.

— Постарайся отвечать честно.

— Извини, а какое это имеет отношение к мытью посуды?

Мне показалось, что ее разочаровал мой вопрос. Она даже не затруднилась на него ответить, представляете, да?

— Итак, я начинаю.

Я забыл большинство вопросов, но первый хорошо отпечатался у меня на "винче": "Чему бы вы хотели посвятить свою жизнь?"

Как сейчас помню свою реакцию, представляете, так рассмеялся, что тюленьиха даже покраснела, будто подумав, что я над ее усами прусь. Я попытался собраться и произнести единственный ответ, который крутился у меня в голове, но тщетно, хрен вам, как грится. Со

второй попытки мне удалось выдавить только первый слог первого слова.

Лишь с третьего раза, под ледяным взглядом тюленихи я промычал: "Мытью посуды".

Девушка даже не улыбнулась, но что-то пометила в своей тетрадке.

— Вы шутите? — спросила она.

— Ну как вам сказать... — я попробовал сделать задумчивое лицо, — а варианты ответов будут?

Она мне на это говорит, дескать, если у вас нет вариантов — это тоже вариант. А потом добавляет: "Я бы попросила вас отвечать серьезнее", — кажется так она сказала.

Я снова кивнул.

— Вы предпочитаете жить прошлым, настоящим или будущим?

Нет, вам кажется нормальным отвечать на такие вопросы? На трезвую-то голову. Ну, думаю, ладно, спрашиваешь — отвечу.

— Я предпочитаю жить всеми тремя этими словами.

— Понимаю, что не легко дать определенный ответ, но не мог бы ты подумать и ответить еще раз?

Ну тут я немножко растерялся, чего это меня за дурака держат, я же ответил как на духу! (Для себя: как на духу, значит после того, как дунул?) Что это за паранойя, скажите мне на милость, жить только чем-то одним... я вот живу всем... было что-то у меня с самой страшной девочкой в классе, значит было, чего тут отрицать. Это, что касается прошлого. Настоящее тоже люблю... это же единственный период, когда мир можно потрогать! А как жить без будущего? Без мечты о жене-красавице и звезде по совместительству, чтобы кормила тебя. Без мечты о собственной команде по водному поло, о ботинках-прыгалках за четыреста баксов, о машине с автопилотом, управляемым с помощью голоса.

Ну я ей опять и говорю, дескать, красотка ты моя ненаглядная, я, говорю, предпочитаю жить всеми тремя этими словами. В смысле, что и первым и вторым и компотом.

А ей почти как об стену замерзшими козьими шариками (замерзшими, чтобы обои не попачкать). Смотрит она на меня, значит, глазами своими не то, что рыбьими, а тюленьими, смотрит и не верит словам моим.

Я тоже пялюсь на нее, пытаюсь в глаза смотреть, но все время сбиваюсь на участок между носом и верхней губой...

— Хорошо, — наконец, говорит она, — следующий вопрос. Как вы понимаете фразу Фридриха Ницше, "ваши собственные чувства должны вы продумать до конца".

Надо признать, цитату она по памяти дала. Хотя там цитата-то цитата, букв кот наплакал.

Сначала я решил было взять минуту другую на обдумывание, а потом решил, что так она может подумать, что я чего-то пытаюсь утаить или новые способы подшутить придумываю. Поэтому ответ дал практически моментально.

— Если я правильно понял по-английски, — начал было я, но тюлень — зверь некультурный, перебил меня...

— Я могу повторить...

— Спокойно, — говорю, — слушай меня. Тут любой дурак ответит, что продумать собственные чувства, значит, определиться с этим, с либидо, эго и прочими косяками. Надо четко решить, с кем ты спишь, с кем любовью занимаешься, а с кем, прости Господи, просто трахаешься. Тут главное, не перепутать по пьяни, а то такой переполох может начаться, был у меня друг один, так у него был еще один друг, а у того, в свою очередь...

Курва морская опять свое слово вставила:

— Ты хочешь затронуть только одну сексуальную сторону? — и сморщилась вся..., как эта самая...

Тут я подумал, кто же таких на работу-то берет. И ведь еще на машине небось катается... эх, страна.

— Нет, почему же, я могу развить тему, — продолжил я. — Вот, например, возьмем вопрос межнациональной розни. Я — русский, ты — американка. Мне, перед тем как приехать в вашу замечательную страну, следуя твоей поговорке, надо было придумать все, что я об этой нации думаю. Чтобы, если спросил бы меня кто, как, мол, в России к Штатам относятся, я бы смог впендюжить ему такую телегу, что охота на такие глупые темы рассуждать у него до конца жизни бы пропала. Или другой пример, — тут я так слюну сглотнул, что кадык мне чуть кожу на шее не продрал изнутри. Горло от болтовни пересохло, вот и вышла неприятность. Но потом я продолжил. — Значит так... вот например, иду я вечером домой, а тут кто-то кого-то бьет, а я смотрю... БА! Да это же конфликт на почве межнациональной розни! И каким образом мне реагировать, если я даже не знаю, как я к этому всему отношусь? Заступить ли? Убежать ли?

Она пыталась записать мои слова в блокнотик.

— Короче, нужно иметь... — тут я стал подыскивать подходящее английское слово для "самосознание", — собственный разум.

Не знаю, поняла ли она именно то, что я имел ввиду или вся информация дошла до ее амфибийных мозгов совершенно в другом виде, но вопросов она мне больше не задавала, а просто захлопнула блокнот и сказала: "можешь быть свободен".

— Я прошел тест?

Эта лишь улыбнулась в ответ — дура. И сказала мне, мол, идите, дорогой товарищ, своею дорогою, все что надо, вы узнаете.

— Пусть друг зайдет, — крикнула шмара, когда я был уже в дверях.

Честно говоря, вам может показаться, что я испытываю нездоровые чувства по отношению к этой девушке, но развитие сюжета в дальнейшем покажет вам, что моя нынешняя к ней неприязнь вполне обоснована и порождена совершенно справедливыми мотивами.

Что касается Вани, то он никогда не рассказывал, что именно у него спрашивали. Даже в те моменты, когда от этого многое зависело (например, сейчас), но я уверен, что он и впредь будет молчать и пожимать плечами.

Глава 13. Пери́на Надоро́жку. В гостях у ботов

Инне было очень страшно, несмотря на всю браваду, демонстрируемую в машине. Сначала она думала только об изнасиловании, но очень скоро откинула эту версию, решив, что вызывать девушку из России только для того, чтобы принудительно заняться с ней сексом — это слишком сложно. Да и организовано здесь все было очень уж ладно. Конечно, они сели в "нужное" такси. Все двери были заблокированы, пистолет смотрел ей в грудь, двое мужчин ехали молча. Она же пыталась начать хоть какой-нибудь разговор, следуя различным советам по поведению в таких вот экстремальных условиях.

"А куда вы меня везете? А как же насчет новой передачи? А где же ваш продюсер? Ой, ребята, вы мне такое приключение устроили! Немедленно отпустите меня, сволочи, не то я вам мошонки повскрываю... хоть зубами!.....еще раз, куда вы меня везете? Отвечайте, черт вас дери за жопу!"

Мужчины молчали, но чувствовалось, что они нервничают. На закоренелых похитителей ни один, ни другой, похожи не были.

Тогда Инна решила, что ее хотят продать отцу. И все это с одной лишь только целью выкупа. Этим объяснялось их довольно аккуратное обращение и все остальное.

— Хорошо, чего мы ждем, давайте позвоним отцу прямо сейчас, — сказала она так спокойно, как только это могло получиться в данной ситуации. — Я не хочу терять время даже в такой замечательной компании как наша.

Зализанный мужчина в черном рядом с ней покачал головой.

— Дело не в деньгах.

Инна не смогла совладать с нервами, она побледнела, откинулась на спинку сиденья и прижала руки к носу.

— Но вы не переживайте так, — продолжил мужчина, — мы не собираемся вас насиловать или убивать. Нам просто нужна ваша помощь.

Девушка не поверила ему. Дрожащим от подступающих слез голосом она спросила:

— Какая еще помощь? Вы хотите, чтобы я вела передачу на любительском кабельном канале?

— Это хорошо, что вы шутите, — попытался улыбнуться мужчина, но ему тоже было не до веселья. — Но мы рассчитываем на помощь другого рода. Я бы с удовольствием рассказал вам обо всем, но пусть лучше это сделают другие люди. Вы же хорошо понимаете по-английски?

Инна кивнула.

— Сколько нам ехать? — спросила она.

— Часов девять-десять, не больше. Можете попробовать уснуть.

Девушка действительно прикрыла глаза, но спустя две секунды открыла их вновь, спасаясь от сильнейшего в ее жизни головокружения.

— У меня за отель заплачено только на пять дней вперед, там же все мои вещи! — вдруг сказала она.

Мужчина покачала головой.

— Нам очень жаль.

Девушка бросила взгляд на пистолет и представила, как она его выхватывает, стреляет

одному в лоб, потом тыкает водителя дулом в шею и командует отвести ее в полицию... или лучше на край города, где она выпустит ему мозги или вышибет кишки.

Зализанный мужчина находился на другом конце сиденья и поглядывал то на нее, то в окно. Ощущение оружия в руке позволяло ему чувствовать себя хозяином положения, но это была его первая подобная операция, поэтому когда в очередной раз он отвернулся к окошку, девушка легко выхватила пистолет. Она тут же направил дуло на мужчину, а как только он дернулся в ее сторону, зажмурилась и нажала на курок.

К огромному удивлению как зализанного, так и Инны, не снятое с предохранителя оружие промолчало. Мужчина навалился на девушку. Машина тем временем притормозила у обочины, водитель повернулся назад, выхватил пистолет, щелкнул предохранителем и сказал:

— Замерли оба! Олег, вернись на свое место, — мужчина отпустил Инну и отодвинулся к противоположной двери. — Ты, тварь, еще одна такая выходка и мы будем обращаться с тобой по-другому.

Инна кивнула головой с растрепанными волосами. Водитель вернул зализанному Олегу пистолет, и машина вновь тронулась.

Некоторое время в салоне было тихо и спокойно: девушка с круглыми от ужаса глазами поправляла прическу, мужчина рассматривал предохранитель.

Переложив оружие в левую руку, Олег сильно стукнул ведущую по лицу тыльной стороной ладони.

— Ты меня убить хотела!

— Спокойно! Я сказал! — крикнул водитель. — Я сейчас вас обоих тихими сделаю.

Девушка заплакала, а Олег заулыбался одной из тех противных улыбок, когда уголки рта опущены вниз, а верхняя губа обнажает зубы.

Олег был украинцем, переехавшим в Штаты семь лет назад вслед за своим братом-программистом. Только в отличие от него, никакими талантами Олег наделен не был, поэтому долгое время работал уборщиком, продавцом, развозчиком тележек, поваром в детском лагере. Именно там он и получил свою нынешнюю работу. Работу, о которой он мало рассказывал. Все родные, включая брата, были уверены, что он остался в лагере на fulltime job.

До этого момента никаких серьезных, а тем более, незаконных поручений он не выполнял, мало того, до этого момента их просто не существовало, по крайней мере, он о них не знал.

"Хотя меня могли просто не посвящать в эти дела, — неожиданно подумал он. — я же занимаю не такой высокий пост, чтобы быть в курсе всего. Меня и на это задание отправили-то исключительно потому, что я русский знаю".

В представлении Олега их лагерь занимался характерной для таких заведений деятельностью, а их организация, существовавшая на его базе, занималась другого рода делами. Да... они лживо прикрывались религией, хотя не имели к ней никакого отношения. Их секта ОСБ служила ширмой для более глубокой работы. Для нее-то им и нужна была Перина Надорожку, именно эту девушку они разыскивали последние два года. А ведь были случаи, когда люди сами приходили в лагерь и, приписывая собственной персоне несуществующие способности, пытались выдать себя за нее.

На границе штата Нью-Йорк их ждала другая машина с водителем. Такси оставили на проселочной дороге.

Через несколько часов, проезжая мимо Ричмонда, к ним присоединились двое мотоциклистов на Харли Дэвидсонах. Таким образом, госпожу Надорожку сопровождали уже пять человек. От этого Инна еще больше вжималась в сиденье. Они ехали всю ночь и уже начало светать, когда эскорт добрался до лагеря. Машина сразу же подъехала к большому трехэтажному дому из красного кирпича и остановилась.

Олег первым вылез наружу, размял затекшие ноги и лишь потом открыл дверь Инне.

— Босс ждет тебя.

Девушка мечтала хотя бы умыться, но ей было противно просить об этом первого в своей жизни мужчину, ударившего ее.

Они поднялись по небольшой лесенке, ступенек в пятнадцать, на крыльцо, там в креслах-качалках сидели двое мужчин. Как только девушка поставила свою туфельку на бетонный пол крыльца, оба они подскочили, выпрямились и во все глаза уставились на нее. Инна остановилась и выжидающе посмотрела на каждого. Но мужчины отвели взгляд, будто бы стеснялись чего-то или боялись.

— Привет, мужики, — поздоровался с ними Олег.

— Это она? — спросил тот, что стоял слева.

Олег кивнул.

— Кто я? — крикнула Инна. — Кто я? Скажите мне, я не понимаю!

— Не кричи! — Олег больно схватил ее за предплечье. — Пошла внутрь, живее! — и с явным усилием добавил, — сволочь.

Войдя в дом, они оказались в просторном помещении, выдержанном в теплых оранжевых, желтых и красных тонах и обставленном мебелью в стиле ампир.

Влево и вправо уходили рукава коридоров, напротив входной двери была высоченная арка, ведущая в следующую комнату.

— Нам прямо, — скомандовал Олег.

Громко ступая по паркету, Инна чувствовала на себе взгляды людей, осторожно высывающих головы из-за углов. Одна женщина, протиравшая огромное квадратное зеркало, не отрываясь, смотрела на нее, но когда Инна проходила мимо, та поспешила отвернуться и опустить голову.

Следующая комната была выдержанна в том же стиле, что и первая. Только здесь добавились картины на стенах и два больших кожаных дивана. Лиса, выглядывающая из высокой травы, висела слева от двери, а справа был белый маяк, окутанный туманом и снегом. Этот пейзаж сильно выбивался из общего стиля дома и Инна почти целую минуту разглядывала его.

Под лисой на диване, положив ногу на ногу, сидели два здоровенных короткостриженных мужчины в спортивных костюмах, Надорожке даже подумалось сказать им русское "здорово, братаны", но было не до шуток, да и мужчины были чернокожие.

— У себя? — спросил Олег мужиков.

Один из них посмотрел, кивнул и присоединился к соседу в непростом деле разглядывания Инниной груди. Как ни странно, это предало ей свежести, девушка расправила плечи, улыбнулась сидящим на диване и зашагала вперед, покачивая задом. Олег, уставившись по диагонали вниз, поспешил следом.

Массивную дверь в кабинет она открыла сама, причем сделать это постаралась как можно увереннее.

— Здравствуйте, как вы поживаете? — спросила девушка с порога.

Стиль кабинета был такой же, как и предшествующие ему помещения. За длинным столом сидел мужчина в белом пиджаке и черной рубашке, в его руке, украшенной перстнем с ониксом, сигара принимала свое предназначение.

Приветствие застало его за созерцанием собственных брюк в области паха. Он суетливо поднял голову, стряхнул пепел и встал из-за стола.

— Ну наконец-то! Очень рад видеть тебя, Инна. Не утомилась ли ты в дороге? Хорошо ли с тобой обращались?

Девушка обернулась на выползающего из кабинета Олега.

— Одну секундочку, — улыбнулась она мужчине с сигарой.

Сделав полуоборот на каблуках, Инна оказалась лицом к лицу со своим недавним обидчиком. Обтянутая джинсой ножка легко согнулась в коленке и угодила мужчине прямо в мошонку.

— Я тебе обещала? — зло прошипела она.

Мужчина с сигарой растекся в улыбке и плюхнулся в кожаное кресло.

— Великолепный удар!

Олег тем временем не мог закрыть рта от боли. Беззвучный крик метался по кабинету. Сзади к нему подошли короткостриженные, взяли под руки и уволокли на диван, не забыв прикрыть за собой дверь.

Инна осталась тет-а-тет с Майклом.

— Я — Майкл! — как раз представился он.

— Очень мило.

— Инна, не волнуйся и не переживай, тебе никто здесь не хочет причинять ущерб или всячески вредить, просто нам нужна твоя помощь в таком вопросе, о котором с первым встречным не заговоришь.

— Это все мне очень льстит, но я не люблю, когда меня силком привозят непонятно куда, бьют, угрожают пистолетом и не дают принять хотя бы душ.

— И, кстати, — перебил ее Майкл, — я уверен, ты не отказалась бы от кофе?

— С булочками и коньяком!

— Как замечательно, — Майкл затушил сигару и захлопал в ладоши, — так поспешим же на кухню, продолжим разговор за завтраком.

Они прошли через две также похожие друг на друга, как поезда в метро, комнаты и очутились в кухне. Стены были выложены белым кафелем, на полу — линолеум. Железные столы, с висящими над ними поварешками, кастрюлями и прочей утварью, матовыми поверхностями отражали падающий на них свет.

— В доме бывает много гостей, тогда здесь работает целая бригада поваров. А сейчас, все это в нашем распоряжении. Мне надоедает есть в столовой, поэтому я частенько захожу перекусить сюда.

Инна постаралась кивнуть с как можно большим сочувствием. Она поняла, что именно от этого мужчины будет зависеть ее судьба, поэтому не стоит сразу же лезть на рожон.

— Можно мне кофе, я плохо спала всю дорогу, и коньяка — от нервов, а то нам, как я понимаю, предстоит серьезный разговор.

— Конечно, конечно, — засуетился Майкл.

Он достал из шкафа кружку с рисунком довольной рожицы и выпуклыми "ушками", подошел к кофеварке, взял оттуда стеклянный кувшинчик и наполнил ее.

— Пожалуйста. Сейчас я приготовлю омлет. Вы не возражаете?

Инна покачала головой, не возражая, мол.

Дверь отворилась и в проеме показалась голова подростка. Две секунды он рассматривал девушку, потом шмыгнул назад.

Майкл даже не обратил на это внимание. Он достал из массивного холодильника коробку с взбитыми желтками и вылил часть ее содержимого в сковородку.

Стоя в пол-оборота к девушке, Майкл смотрел прямо перед собой и покусывал губы, наконец, он взглянул ей в глаза и спросил:

— Инна, ты никогда не замечала за собой вещей, не характерных другим людям? Каких-нибудь выдающихся способностей?

Инна покачала головой.

— Как раз со способностями у меня всегда был напряг.

— Но ты же стала известной и популярной телеведущей! Это же должно значить что-нибудь!

— Хрен там был! Мало это чего значит. Просто так получилось. Или я такая получилась. Мордашка милая, ножки красивые, попка вкусная, сиськи... — Инна замолчала под ввинчивающимся до самого затылка взглядом Майкла.

Он еще несколько минут буравил ее, потом словно очнулся и перевел взгляд на сковородку — там шипел омлет. Вновь пожевав губы какое-то время, Майкл снова обратился к Инне.

— А ты никогда не замечала различия между собой и другими людьми или вообще между людьми?

— Странный вопрос. Замечала, конечно. Некоторые люди, например, черные, другие — белые. Есть азиаты и европейцы. Еще есть различия по первичным половым признакам.

Майкл выжидающе смотрел ей прямо в рот.

— Еще есть сталевары, а есть ученые-политологи, есть телеведущие и террористы...

Мужчина улыбнулся и знаком велел ей продолжать.

— В конце концов, есть добрые и злые, хорошие и плохие, умные и тупые.

— Это уже интереснее, и к кому же ты относишь себя?

Инна, наконец, решила присесть.

— Сложный вопрос. Я бывают разные — есть такая русская поговорка.

— А все-таки...

— Ну, я же телеведущая, это почти как актер, актер одной роли. Вот я и играю, а иногда бываю сама собой...

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Майкл, не отрываясь от омлета, — мне кажется, оба эти образа и есть ты. Я бы не стал разделять притворство от искренности, показуху от естественности, ведь все это грани твоей личности. Ты так не думаешь?

Инна молчала, боясь сказать что-нибудь, что сможет сменить спокойно-заискивающую манеру поведения Майкла на более экстремальную.

— Ведь если ты врешь, фальшивишь, что-то из себя изображаешь — это тоже ты, вся ложь придумана тобой ну или, по крайней мере, тобою сказана, фальшь тоже твоя, то есть, куда не плюнь, всюду получаешься ты. — Он выключил газ, взял со стола полотенце и, обмотав им горячую ручку, перенес сковородку с плиты на специальную подставку посреди стола.

— Мне нравится, то, что ты говоришь, — произнесла, наконец, Инна.

— И мне нравится говорить для тебя, но еще больше я хотел бы слышать что-нибудь.

Разве ты никогда не задавалась вопросом..., - Инне показалось, что лицо Майкла сильно покраснело, и на лбу заблестели капельки пота, — ... что не все люди равны, что некоторые не знают, что им делать со своей жизнью. Разве тебе никогда так не казалось? Или лучше спросить так, разве ты никогда не... знала этого?

— Ну, были мысли..., только боюсь, вы обратились не по адресу, я сама-то не знаю, что делать со своей жизнью!

Услышав это, Майкл чуть не выронил тарелки, которые нес к столу.

— Конечно, ты не знаешь! Ведь на твою долю выпала слишком тяжелая ноша! Видеть всю подноготную людей. Тебе нужны союзники, товарищи, которые помогут тебе!

— Но зачем им мне помогать и про какую тяжелую ношу, ты говоришь? — Инна так нахмурилась, что ее лоб временно состарился лет на тридцать.

— Неужели ты за всю жизнь никому не рассказала о своей способности?

— Может, я не так уж хорошо владею английским языком? — спросила Инна вслух. — Что за дебилизм-то такой.

— Что?

— Я говорю, что не понимаю, о чем ты меня спрашиваешь, может быть нам нужен переводчик?

Майкл замолчал. "Я промазал, — крутилось у него в голове, но здесь не было Светы, чтобы прочесть его мысли".

— Инна, ты пойми, я хочу дать тебе смысл существования...

— Много на себя берешь. У меня такими кадрами как ты, три горницы забиты, — вырвалось у Инны. — Я не уверена, что мне это нужно.

— Ты пойми меня, — почти взмолился мужчина, — я тебя искал несколько лет! Без тебя ничего не получится. Твоя способность, способность, которая у тебя просто обязана быть, она мне очень нужна.

— Хватит! Замолчи! Я ничего не понимаю! У меня нет никаких способностей!

Глава 14. Света. Откровение

— Да, у меня есть способности читать мысли других людей и это, как ты выразился, помогает мне понять их... сущность. Возможно, со временем я научусь отличать Ботов от Личностей. Но ты мне так и не рассказал, зачем все это нужно.

Джонни лежал на траве посреди поля для игры в лакрос и смотрел в чистое голубое небо, об облаках напоминали лишь совсем маленькие ошметочки конденсированной влаги. Его горящие детские глаза были наполнены печалью.

— Хорошо-то как! — потянулся мужчина.

Света стояла в стороне и нетерпеливо смотрела на него.

— А можно я буду молчать, а ты сама прочитаешь все мои мысли? — спросил он.

— Мне бы этого не хотелось.

— Почему? Мы бы сэкономили время.

— Я не люблю забираться в головы людей, с которыми имею дело. И я хочу услышать все от тебя.

Джонни слегка приподнялся, уперся ладонками в землю и заговорил.

— В мире, как я уже отмечал, есть две известные нам разновидности человеческого существа. Первая — это Личность. Ее основная характеристика — это живой, точнее, живущий мыслящий человек. Не все из нас гении, не все наделены особыми талантами или способностями, но мы действительно существуем. То есть, можно сказать, что одна Личность взаимодействует с миром тем же способом, что и другая, — Джонни сбился, причмокнул, лег обратно на траву и продолжил свою речь, "рисую" при этом пальцем в небе морские узлы. — Раньше, да и сейчас тоже..., короче, лучше сказать так: как ни странно, большое количество Личностей думают, что все население планеты состоит из таких же, как они созданий и этому мировоззрению способствует Ботовская пропаганда. Насколько мне известно, каждый из наших, кто задумывался над этим вопросом, без труда получал ответ — таких как он мало! Но ведь не все задумываются!

— Хорошо, я понимаю, — Света тоже хотела присесть, но побоялась испачкать свой белый сарафан. — Расскажи мне еще раз, кто такие Боты, — попросила она.

— Боты, это вторая разновидность человеческого существа. По результатам наших исследований они не умеют мыслить, другими словами, они живые, но не живущие! Мы называем их Ботами, потому что их лучше всего сравнивать с этими персонажами компьютерных игр. Зачастую внешне идентичные с игроком, они полностью управляются компьютером. Возможно даже запрограммировать их на нелинейное поведение. Другими словами, Боты играют роль Личностей, но только они не настоящие.

— Не существуют в нашем понимании существования, но при этом, они вполне физические объекты? — уточнила Света.

— Именно, — Джонни поднял голову и улыбнулся девушке. — За примерами не придется далеко ходить. Личности, как я уже говорил, это ты, я... Мэтью, Пирс... ну ты знаешь не всех. Боты же, боты — это девяносто процентов тех, кто учился с тобой в одной школе, тех, кто покупал с тобой продукты в одном магазине. Девяносто — это я мягко сказал. Мы не знаем точно, но подозреваем, что лишь одна тысячная процента числящихся на Земле людей — Личности. Найти и объединить их всех одной целью представляется

крайне сложной задачей, надеюсь, что сейчас уже можно сказать "представлялось", мы разрабатывали специальные тесты, чтобы выявлять принадлежность человека к тому или иному лагерю, но ведь Боты, как сказали бы у вас в России, бывают разные. Если ты думаешь, что все творческие люди, все ученые, все известные деятели..., вот если ты думаешь, что все они Личности, то глубока яма твоих заблуждений. Дела в нашем мире обстоят так, что ТО, что программирует Ботов, может задать им любые формы поведения, врожденные таланты, миллиарды долларов в ближайшем будущем... все, что ты только можешь и не можешь представить.

— А кто их программирует? — спросила Света.

— Вот этого мы не знаем, но пока это не играет роли, будь это самый настоящий Бог или Вселенский Разум, или инопланетяне, или природа, или над всеми нами ставят опыты невообразимые исполины. Так или иначе, создающее и программирующее их НЕЧТО, имеет все карты на руках, с тремя джокерами. И именно оно решает, кому из играющих какие комбинации сдать в этом раунде.

— Но зачем ему создавать Ботов и Личностей? Почему бы не остановиться на чем-нибудь одном? — вновь задала вопрос девушка.

— Нет сомнений, что это НЕЧТО — есть очень близкая к нам, Личностям, форма существования. Может ли она повлиять на процесс прибытия наших представителей в этот мир или нет, мы не знаем. Также непонятно ее к нам отношение. И ее цели, — Джонни уже не мог лежать, он напряженно вытаптывал траву под ногами. — Здесь куда больше вопросов, чем ответов, — развел он руками.

— И вы хотите, чтобы я помогала вам определять принадлежность человека к тому или другому лагерю?

— Именно.

— Но какова конечная цель?

— Здесь не может быть другой цели, кроме как предоставление всем Личностям достойных условий существования и возвращение тех из нас, кто отчаялся, к своей логической форме бытия.

— Я имела в виду, что я буду делать? — Свете не нравилось спрашивать, да и вообще, говорить, так прямо и незамысловато, не даром считается, что на чужом языке человек теряет восемьдесят процентов своей индивидуальности, но по-другому ей пока было просто не выразиться. "Вернусь домой — подучу английский язык, — думала девушка."

— Ты будешь просматривать нужных людей, и выяснять, кто они такие на самом деле.

— Зачем?

Майкл уже не в первый раз выдавил улыбку.

— Нам нужно найти как можно больше Личностей в предельно короткие сроки.

— А что с той девушкой, которую похитили? — спросила Света.

— Мы думаем, что ее спутали с тобой. Я имею в виду, что те, кто ее похитил, посчитали, что она обладает твоими способностями.

Света вспомнила монолог мужчины на скамейке и мысленно согласилась с Майклом.

— А на самом деле, она кто?

— Мы не можем утверждать наверняка, — развел руками Майкл, — но теперь нам кажется, что она всего лишь обыкновенная Личность в лучшем случае или замысловатый Бот — в худшем.

Света молча закивала головой.

— Хорошо, — сказала она после минуты раздумий, — с кого мне начать?

Майкл широко улыбнулся и сложил руки на груди.

— Сначала посмотрим наших сотрудников, которые никогда не вызывали у меня сомнения, с их помощью ты лучше поймешь, как выглядят Личности, так сказать, "изнутри". Потом мы возьмемся за новые кадры. Есть тут один очень интересный парень... даже два... ну или три... тоже, кстати, русские.

Глава 15. Сонное царство. И пол-Москвы в придачу

Опять, как и несколько лет назад, звонил телефон. Ранним утром. Художник поднимал трубку.

— Алло.

— Привет, Серега, что делаешь? — звонили его старые, как песни группы Абба, друзья.

— Сплю, — отвечал он.

— А мы у тебя в универе.

— Что?

— Мы, говорю, у тебя в универе, с другом Колей. Вот поднялись на пятый этаж... идем на физкультуру, давай приезжай к нам.

— У меня в универе нет пятого этажа.

На другом конце связи замолчали.

— Алло, — хрипло сказал Художник.

— Болван, я тебе говорил, что он в соседнем учится! — друзья общались не с ним.

— Алло, — повторил Художник.

— Серый, Серый, короче, мы сейчас придем к тебе в университет, ждем тебя там..., - молчание, а потом вдалеке, — извините, не подскажите какая у нас сейчас пара?

Опять молчание и неразборчивое бормотание.

— Так мы же вам зачет сдавали в прошлом семестре... группа, так эээ... Коль, какая у нас группа, ее просто переименовали.

— Я не приеду, — говорил Художник, — я сплю.

Он повесил трубку.

И опять заснул.

Телефон снова зазвонил. Светился номер его одnogруппника.

— Да, Коля, я тебя слушаю, — не сомневаясь, сказал Художник.

— Короче, мы у тебя в универе, ждем тебя. Приезжай.

Художник молча повесил трубку. "Делать нечего, — думал он, — придется ехать".

Сложив деньги, отведенные на лечение зубов в кошелек, он вышел из дома.

В следующей картинке он уже заходит в свою аудиторию.

— Ну, где они? — спрашивает он у одnogруппников.

— Остались в предыдущей лекционной, — отвечает ему кто-то.

Художник идет туда.

— Эй, подъем, — тормошит он спящих на парте товарищей.

— О, Серега! — первым откликается Эдвард. — А мы тебе плакат по физкультуре притащили... нормативы и всякое такое.

Дальше они идут завтракать в университетскую столовую, потом едут мыться в баню. Там решают отправиться в Москву, тем более Коле надо к обеду быть в своем театральном училище.

Но все выходит не так гладко, просидев пять часов в парилке и прилегающем к ней бассейне, они таки, отоспавшиеся, едут в столицу на машине, к нужному времени они, конечно, не успевают, но следующим утром все равно оказываются в златоглавой.

Красная площадь, почему-то ночью, пересечение двойной сплошной. Ночевка у подруг, Тверская, третье и Садовое кольца. Необъяснимый и трудно передаваемый кураж от полного ощущения собственно свободы.... а потом беседы в парке, где с начала прошлого футбольного сезона деньги оказались бессильными. Поиск абсолюта и шампанское.

Это самый любимый сон Художника-Серёги о последних месяцах пребывания на Родине.

Глава 16. Художник. Проверка на...

Собеседование было пройдено "на ура" и он получил желанную работу. Правда, никакие тесты с ним проводить не спешили и никаких серьезных разговоров тоже не начинали. Сперва это его настораживало, а через несколько дней, когда один из его русских соседей, Александр, неожиданно уехал в странного рода "командировку", Художник забеспокоился, словно синичка, влетевшая в открытую форточку лоджии.

На следующий день, после того как Александр, Мэтью и Род уехали, Художник сидел на шезлонге перед столовой и в полглаза рассматривал спасателей и купающихся перед ними детишек. Рядом с ним на таком же стуле раскачивался Ваня.

— Хорошо..., - сказал парень, — а природа у них напоминает наш юг, типа Геленджик.

— Не знаю, — промычал Художник и прикрыл глаза.

Солнце своими лучами выдавливало пот на обнаженных телах парней.

— Интересно, а Саня, когда вернется, расскажет куда ездил? — спросил Ваня.

— А разве Мэтью не сказал, что они, дескать, едут за одной русской девочкой, потому что ее надо забрать из Нью-Йорка, — Художник прикинулся простаком.

Ваня прыснул, чем окончательно продал все свои мысли.

— Да ну, не бывает такого, что девочка летит в Штаты, прилетает в Нью Йорк, и у нее нет возможности добраться до лагеря.

— Мэтью же сказал, что ее обокрали или что-то в этом роде, я не очень хорошо понял.

— Ну не знаю, — покачал головой Ваня, — тогда этим должен был обеспокоиться оператор, через которого она устраивала всю поездку, как ни крути!

— Ладно, они вроде завтра-послезавтра возвращаются, все узнаем.

Мимо их шезлонгов пробежали пять кемперов, а следом вожатый Хит. Он вскинул вверх руку и крикнул русским: "Как вы поделываете?"

— Поделываем отлично, — ответил Художник, а его сосед лишь кивнул в ответ.

— Ох уже мне эти приветствия по десять раз на день, — пожаловался Ваня, когда Хит со своей мелюзгой скрылся за углом столовой.

— Ничего, привыкнешь скоро, я первый месяц тоже ходил отплевывался... хотя в большом городе с этим попроще... да, каждый продавец или охранник в магазине поинтересуется как твое "ничего", но прохожие на улице к тебе равнодушны. А у вас тут, в провинции, из каждой машины тебе рукой машут. Зачем, спрашивается?

— Просто так, лицемерят типа..., - скривился в ухмылке Ваня.

Художник покачал головой.

— Не уверен. Тут, думаю, другое. С одной стороны, они так воспитаны, взращены, так сказать, в этой атмосфере доброжелательности и изобилия. А с другой стороны... это не так уж и плохо здороваться со всеми или интересоваться, как у кого дела. Если твоя жизнь вполне ничего, то почему бы не помочь другому... Я, когда еще в Раши был, слышал такое выражение: "Добился сам, добей друга".

Сзади слышались шаги, оба русских лениво обернулись. Это был Дерелл. Невысокий, худощавый чернокожий парень, выглядевший лет на восемнадцать-двадцать. Он работал вместе с ними на кухне, только не посудомойщиком, а помощником кука. Как рассказывали Художнику, именно Дерелл первый пошел на контакт с русскими. Конечно, в первые дни

все они были представлены друг другу, но потом неделю или даже две, черные и русские присматривались, по возможности, перекидываясь словами. И вот однажды, когда белые закончили свою послеобеденную смену, Дерелл и его друг Блейк, высокий, крупный парень с дредами на голове, заговорили с ними. Началось все довольно стандартно, выясняли кто откуда и где учиться, еще раз повторили имена друг друга, потому что за один раз запомнить всех просто невозможно. Русские же, вообще растерялись, когда их представляли чернокожим коллегам, они больше заботились о том, как бы не произнести вслух слово "негр", нежели о том, каким набором звуков стоит обращаться к тому или иному чернокожему.

Поболтав с десять минут и переборов стеснение, обе стороны обнаружили, что не так уж сильно они отличаются друг от друга. На этом разговор представителей двух некогда враждующих между собой стран кончился, и началась нормальная беседа между сверстниками. Хотя оказалось, что выглядевший постарше Блейк, на самом деле имеет всего лишь девятнадцать Marry Christmasов за плечами, а Дерелл же напротив, выглядит гораздо моложе своих двадцати восьми лет.

Как носители языка, на котором происходило общение, чернокожие вели беседу. Переглядываясь и без конца ослепительно улыбаясь, прямо как в кино, они перескакивали с одной темы на другую, пока, наконец, не добрались до ругательств и прочего сленга. Притащив с темной кухни листочек и карандаш, они принялись озвучивать и записывать слова и выражения, не все из которых можно было встретить даже в самом нецензурном рэперском тексте. Правда, были там и вполне приличные, вроде "pop the color" или "brush your sholders off", что означало — "круто выглядишь" или "прикид кайфовый". Можно было одним выражением отвечать на другое, то есть если тебе сделали комплимент, то и ты можешь отплатить такой же любезностью. Из того, что поинтереснее, но более или менее цензурное, можно было отметить "hey", слово, произносимое как приветствие, но означавшее всем известный "blow-job".

Конечно же, русские обучили их своим словцам и выражениям, а так же поговоркам, отражающим менталитет..., например, на "сделал дело — бабу с воза" черные ответили более мирным "dont hate the player, hate the game", что дословно означает, "не ненавидь игрока, ненавидь игру". К выражению был дан комментарий, дескать, применять надо, когда ты с чужой девушкой, а ее парень хочет намылить тебе очко. Тут же была рассказана история, где Дерелл на своей машине катал одну из таких "чужих" девушек, а им в левое крыло, на скорости шестьдесят миль в час, влетел ее настоящий boyfriend. Сделав несколько кульбитов, словно дельфины на выступлении, горе-любовники оказались в весьма неприятном положении. И если продолжить проводить аналогию с дельфинами, то в своем перекореженном автомобиле Дерелл был уязвим, как объевшийся рыбой дельфинчик, неспособный даже выпрыгнуть из воды, перед лицом надвигающийся на него стаи акул.

Парень шел по пирсу, лениво переставляя худые ноги в просторных и чуть спущенных шортах.

— Whats up! — крикнул он. — Че, мол, как?

— Че как! — ответил Художник.

— Кайфуете.

— Угу.

— Это хорошо, это хорошо, — покивал головой Дерелл.

— А у тебя перерыв? — спросил Художник.

— Да, Фидейл отпустил ненадолго.

Фидейл был вторым главным куком в лагере после Гая. Все русские долгое время называли его Фиделем, пока им не подсказали, что они слегка ошибаются.

Дерелл еще немного посмотрел на парней в ожидании, но те оба молчали. Тогда он достал из заднего кармана сложенный вчетверо листок клетчатой бумаги, ручку и уселся за один из деревянных столиков на самом краю пирса.

— Что он делает? — спросил Художник у Вани.

— Ну, пишет что-то.

— Вижу, что пишет, а что именно?

— Да не знаю я, какая разница? — резко ответил Ваня.

— Ну, брат, не сердись, я спросил, потому что интересно мне разное творчество, — нарочито спокойно сказал Художник.

Ваня пристально посмотрел ему в лицо, нахмурился то ли от солнца, то ли от какой-то своей мысли, и отвернулся.

Несколько минут все молчали, лишь визги купающихся детей нарушали тишину.

— Эй, парни! — крикнул Дерелл.

Русские лениво посмотрели в его сторону. Солнце уже изрядно напекло их непокрытые головы.

— Приходите сегодня к нам в домик, там баскетбол будет, матч года, США против Китая. Девчонок своих пригласите, — Дерелл улыбнулся в полный рот и сделал намек на неприличный жест.

— Спасибо, за приглашение, мы подумаем, да, Вань?

Ваня растерянно кивнул.

Дерелл поднялся со скамейки и пошел в направлении кухни.

— Он нас пригласил к себе? — переспросил Ваня чуть погодя.

Художник кивнул, а потом задал вопрос:

— Вы уже ходили к ним?

— Нет еще... ну мы как приехали и смекнули, что с белыми тут каши особо не сваришь, по крайней мере, в этом лагере, так все собирались к нашим кукам заглянуть. Сразу было понятно, что они там не просто так спать ложатся. Но без приглашения, сам понимаешь, лучше не соваться.

— Ладно, зайдем вечерком..., да?

— Почему бы и нет?!

— Девчонок будем брать?

— Я даже не знаю, давай скажем им, пусть сами решают.

— Да, — Художник встал с шезлонга. — Пойдем-ка, поработаем чуток.

— Так вроде рано еще.

— Эх, молодежь, пошли работать, солнце еще высоко.

Глава 17. Инна. Майкл

"Нет у нее никаких способностей, — думал про себя Майкл. — Нету! И как это мы такого маху дали. Надо было раньше думать. Хотя, что тут можно было придумать. Действовали наугад, как в этом можно быть абсолютно уверенным? Хотя с другой стороны, вроде все верно делали, и Джонни повелся. И очень интересно, о чем он там думает, у себя на базе. Не планирует ли попытаться выкрасть это ведущую? Не замышляет ли он чего? А она?"

Майкл нажал на кнопку телефона.

— Позовите мне этого русского и Гарри.

Отжав кнопку, он откинулся на спинку стула и потянулся.

"Надо что-то делать!"

Дверь без стука открылась, и в нее вошли двое. Олег и давешний водитель — Гарри. Майкл в очередной раз подумал, что совершенно определенно, это был самый крупный Гарри, который мог только существовать: широкоплечий и ширококостный, огромный белый мужчины с рыжеватыми короткостриженными волосами. Снежного человека из старинного американского сериала называли в честь него, и никак не наоборот. Его предки были эмигранты из Шотландии, приехали в Штаты в начале прошлого века, обустроились на подсобных работах, родители погибли когда ему было одиннадцать лет. В тринадцать он попал в тюрьму за непреднамеренное убийство. А теперь работал у Майкла в лагере.

— Сэр? — пробасил Гарри.

— Есть дело, парни, — Майкл зажмурился и потер глаза, параллельно раздумывая, как бы лучше объяснить и осуществить то, что он задумал.

— Какое сегодня число? — спросил он.

Ему ответили.

— Когда приезжает санитарная комиссия?

— Через полторы недели.

— Спасибо, Олег.

Гарри посмотрел на своего русского партнера.

— Сэр, позвольте узнать, что с этой девчонкой. Вы кажетесь недовольным.

— Ах, Гарри, Гарри. А с чего же мне быть довольным. Ошиблись мы, это не она.

— Да как же так, сэр! Мы ведь все тщательно проверяли, сопоставляли домыслы с этими, с фактами...

— И что, Гарри? — Майкл слегка повысил голос. — Мы могли ошибиться, у тебя же нет тех способностей, которые мы надеялись обнаружить у нее, так что откуда тебе знать что-то про людей наверняка!

— Но ведь пророчество... — начал было здоровяк.

— Проклятье! Какое еще пророчество? Ты где такое слово нашел?

— Ну не пророчество... а это... мать его...

— Это, это... не важно, что там это! — прикрикнул Майкл. Потом проглотил слюну и добавил мягче, — Гарри, друг мой, я ведь не знаю. Может она как раз то, что нам нужно, на ней не написано. Да, вроде все должно быть так, как мы рассчитывали, но пока эта девушка

не признается ни в каких талантах. А как ее раскусить? Может она обманывает меня, а может — говорит чистую правду. Так ведь легко это не понять. Она выглядит напуганной и честной, но все равно, верить ей я пока не собираюсь. Рановато! Пусть поживет у нас, глядишь, одумается.

— Сэр, так может, я с ней поговорю! — улыбнулся Гарри.

Олег снова промолчал, но зло посмотрел на здоровяка.

— Олег, не надо на меня так смотреть, — улыбнулся в ответ Гарри, — кадык вырву.

— Слушайте, парни. У меня для вас есть задание.

Оба внимательно посмотрели на босса.

— Езжайте в лагерь к Джонни, разузнайте, что там к чему. Он наверняка в курсе, что "сканер" у нас, а мне очень интересно знать, что мой старый друг планирует делать. Не хочет ли попробовать отобрать у нас девушку или быть может, у него какой-то неожиданный план, которым он хочет удивить меня. Короче говоря, во что бы то ни стало, узнайте как можно больше информации, касающийся его, девушки и меня. Заявитесь под видом сан инспекции, Люси поможет с бумагами.

— Мы едем вдвоем? — спросил Олег.

— Думаю да. Больше вам никто не нужен, — Майкл водил глазами по плинтусу напротив стола. — В конфликт с противником, само собой, не вступать. Будьте на связи, звонить только, когда рядом никого... короче, сами все должны знать.

— Майкл, так на чем все-таки сосредоточиться? — Олег никогда не говорил слово "сэр".

— Хороший вопрос, наверное, очень много выяснить вы не сумеете, там тоже не лопухи работают.... попробуйте спросить детей, только очень осторожно. Но они вряд ли что-то знают, — Майкл замолчал.

— Может быть привести сюда языка? — задал вопрос Гарри.

— Как ни странно, это вариант, — одобрительно улыбнулся босс, — только сперва попробуйте разузнать реакцию Джонни на то, что русская ведущая находится у нас, и вытащили мы ее прямо из их неуклюжих рук, они уже арахисовое масло на булку намазывали, думали, победу отмечать, а мои ребята хоп!

Олег сдержал довольную улыбку. Все-таки в успехе операции была его заслуга.

— А если дело будет совсем туго... ну или непонятно... то сперва звоните мне и тогда, возможно, будет смысл упереть какого-нибудь их человека.

Мужчины кивнули в знак понимания.

— Так... у меня важные дела, поэтому перед отъездом сами распорядитесь, чтобы русскую хорошо охраняли. Так хорошо, будто бы она на самом деле "сканер". Олег, поговори с ней ты, может она тебе доверится, вы же с ней земляки.

— Майкл, — поморщился Олег и взглядом указал на свою промежность.

— Ах да! — воскликнул босс. — Я забыл. Но все равно, попробуй подружиться с ней. Всякое бывает.

Мужчины снова кивнули и выжидающе уставились на босса.

— Все, свободны, — улыбнулся тот.

Когда дверь за ними закрылась, Майкл поднял трубку стоящего на столе телефона и сказал:

— Джесси, пусть готовят вертолет. Мне нужно лететь как можно скорее.

Глава 18. Александр. Продолжение дневника 3

Предыдущую главу своего дневника писал немножко выпивши, вы уж извините. Ну да ладно, какая разница. Сегодня расскажу вот что:

Когда мы со Светой вернулись в лагерь, нас ждали почти все. Встретили прямо у ворот, как самых дорогих гостей или машину с продуктами. Оказалось, что ни Мэтью, ни Род не доложили по телефону, что миссия наша провалилась. Они сказали, что везем девушку, а какую, уточнять не стали. Джонни, скорее всего, был в курсе.

А когда из машины вылезли, всем стало ясно, что девчонка не та, ну пошло в толпе волнение, дескать, имбецилы мы что ли, не можем одну женщину от другой отличить?

Мэтью и Род вступились, говорят, что нормально все, это Света, подруга Александра, а им в ответ, какая, мол, подруга, мы вас зачем посылали, да знаете какое это важное задание было. Короче разочаровалась толпа. А мне вдруг стало обидно очень за Светку-то. Она стоит, пытается понять о чем вокруг говорят, краснеет, смущается всячески, как будто, ей групповой секс предлагают. Хотя, я могу ее понять. Мне тоже жутко неприятно было, я уж хотел сказать что-нибудь эдакое, да поскольку был не совсем в курсе дел, решил не рыпаться.

— Замолчали все и успокоились, — так, помню, крикнул Мэтью на всех. — Дерьмо! Что вы тут устроили? Думаете, мы не знаем, что делаем? Где Дэн и остальные наши? — Тут он имел в виду всех тех, кто давным-давно собрался в нашем домике, когда мы только приехали. Помните, я рассказывал?

Сказали, что они в городе по важному делу, скоро приедут. А Джонни дома с семьей, у него ребенок заболел, но завтра утром он обещал быть в лагере.

Тогда Свету повезли к девчонкам нашим, а меня домой, к парням. Время было рабочее и в домике я был один... ну из русских один, а так еще Чип копался со своим мотоциклом в гараже. Ну я с ним поздоровался, *whats up*, мол, говорю. Он улыбается, говорит *not much*, все хорошо, мол.

Я ему рассказал, какой конфуз приключился, что девушку привезли, да не ту.

— А ты чего не пришел нас встречать? — спрашиваю.

— Далеко, я вот хотел на мотоцикле приехать, да чего-то он поломался слегка.

Надо признать, действительно не близко от нашего домика до ворот лагеря, тут лысый не соврал. Хотя он вообще вроде не врал мне никогда. Хороший мужик.

— А на машине чего не приехал? У тебя же их тут две.

Ну он развел руками и улыбнулся.

Ладно, думаю, что с него взять. Учит кататься на своих каякингах, не знаю даже как по-русски это назвать... байдарка что ли... ну так вот, учит и пусть себе учит. Какой с него спрос.

— Чип, — грю, — а что в этой ведущей-то должно было быть?

— Мысли она должна была читать, мысли. Чтобы отличить настоящих Личностей от Ботов.

Меня после того теста и перед тем как отправить на задание в Нью-Йорк по этому вопросу просветили немножко. Я, правда, сильно не удивился. Бот не Бот, Личность не Личность. Какая разница... но меня признали своим парнем, хотя как они это сделали, ума

не приложу, я же на их тесте такого дурака валял... а оказалось, что произвел-таки впечатление на тюлениху. А вот Ваня не смог. Мэтью так и сказал, что Ваня, дескать, Бот галимый. Ну мне сказал, понимаете, да? А Ваня так и остался в неведении. Вроде решил, что тест на специализацию был и меня определили другими делами заниматься, а его на посуде оставили. Он, конечно, огорчился, но ничего страшного — не самый обидчивый человек, очухается.

Мой же случай меня тоже здорово напряг. Как-то просто у них все получилось. Раз! И я уже еду в Нью-Йорк выполнять важную миссию. Я понимаю, что им просто русский нужен был, но все-таки. Да и не показал я на тесте никаких особых результатов, что меня можно в разряд шибко умных или еще каких-нибудь отнести. И не объяснили мне потом толком ничего, только так, в общих чертах. Короче, дело ясное, что дело темное.

— Так а разве сейчас мы не можем отличить одних от других? — спросил я.

Тут Чип замялся, чуть отошел от мотоцикла, вытер руки лежащей рядом тряпочкой.

— А кто его знает, можем мы сейчас с точностью определить, кто есть кто или нет. Вот ты уверен, что ты Личность?

Ну, я кивнул.

— А меня спроси.

— Чип, ты уверен, что я личность?

Он рассмеялся.

— Про меня спроси, а не про себя. Хотя и так можно.

— Ладно, Чип, ты уверен, что ты личность.

Мужчина стал серьезным.

— Вот видишь... я сразу на два твоих вопроса могу ответить. Во-первых, я не уверен, что ты Личность, во-вторых, я уверен, что я Личность. Но вот я не могу быть до конца уверенным, что ты Личность и ты, в свою очередь, не можешь быть абсолютно уверен, что я говорю правду. Таким образом, нам просто необходим человек, способный читать, а лучше сказать, видеть людей насквозь.

— Так, так..., - затупил я, — а все же, кем является человек, если он не Личность?

— Мы называем таких Ботами. Как в играх компьютерных, знаешь?

— Ну да, знаю. Типа, автономный персонаж.

— Угу... еще NPC их кличут, короче дело не в этом. Просто у нас существует теория, что большинство людей в мире, это вот такие вот персонажи, понимать это следует, как хочешь. Можешь буквально, будто это на самом деле не люди вовсе, а бездушные куклы с заложенной в их головы программой и они лишь умело имитируют поведение человека. А можешь считать их просто низшими формами человекоподобных существ. Ну, вроде как они люди внешне, а на деле животные. То есть у них скупой набор инстинктов, а мыслительный процесс отсутствует напрочь. Короче, тут каждый понимает по-своему, как ему легче... мне вот легче второе, а тебе, как человеку более молодому, более связанному с компьютерами, возможно, легче будет первый описанный мною способ.

Ну тут я совсем припух от его подробных объяснений. Мне и так-то все было ясно, что я в Контру не играл что ли? Не знаю, кто такие боты?

— Спасибо за объяснения, Чип, да вот только все равно ведущую мы не добыли. Зато привезли другую девушку, мою странную подругу.

— Странную? Что ты имеешь в виду?

— Тут такое дело, что мы с ней давно знакомы, но виртуально... то есть много, даже

очень много общались, но исключительно через интернет, и фотографии друг другу отправляли и то и се, но вот в реальной жизни встретиться было трудно. А тут на тебе, случайно на улице в Нью-Йорке.

— Интересная история, — улыбнулся Чип.

— Ну, — я кивнул в ответ.

— И она вот так просто согласилась поехать с тобой в этот лагерь?

— Да.

— Странно.

— Ну как тебе сказать, с одной стороны странно, с другой — нормально. Скорее всего, я бы на ее месте сделал бы тоже самое.

— Ха! Однако ты не сделал. Ты же мог бы остаться в Нью-Йорке с ней, а вместо этого ты потащил ее в Северную Каролину.

Тут сказать было нечего. Ну что же, тем приятней для меня. Девушка бросает все и едет со мной... ну почти на край света... или лучше сказать, на край материка. Тут у нас океан все-таки близко.

— Между прочим, она видела ведущую как раз в тот момент, когда ее похищали.

— Да? — нахмурился он всем лысым черепом.

— Да. Не именно в тот момент, когда ее в машину сажали, а когда пытались уговорить сесть по-хорошему.

— А она запомнила похитителей?

— Не знаю.

— Она говорила с Джонни?

— Он будет позже.

— Понятно. Держи меня в курсе, ок?

Как-то по киношному это звучало, хоть и на английском. Я кивнул и пошел в свою комнату. Хотелось полежать, выпрямить после дороги свои длинные ноги! Черт возьми, почему я не девочка? Из меня вышла бы роскошная супермодель.

Глава 19. Художник. Попойка у черных людей. Ночь перед возвращением Александра и Светы

Приняв душ, Художник одевался для похода в гости. Девчонки идти отказались, сказав, что пусть он с Ваней сначала разведает, что да как, а уж потом они примут решение. Художник был не против. После работы он тут же пошел домой и очень скоро был готов, Ваня же остался на кухне подкрепиться перед вечерней гулянкой и велел идти без него. "Я попозже подойду, поем, помоюсь не спеша и подойду, — заверил он".

Взяв фонарик и никого не дожидаясь, Художник вышел из дома. Он решил идти не через аккуратно подстриженные поля в низине, как они обычно ходили, а по дороге, ведущей через лес и проходящей по самому подножью ближайших холмов.

Никакого искусственного освещения в лагере не было, за исключением трех прожекторов, расположенных на шипе, на столовой и возле главных ворот. А в том районе, где жили русские, светили только окна окрестных домов, луна, звезды и фары периодически проезжающих мимо машин.

Он прошел мимо постоянно открытых деревянных ворот, непонятно для чего предназначавшихся, и оказался в глухом лесу. Даже когда глаза привыкли к темноте, он все равно не смог ничего разглядеть. Чернь вокруг расходилась белыми кругами и невозможно было различить очертание ни одного предмета. Лишь задрав голову к темно-фиолетовой полоске неба, извивающейся между верхушками деревьев, которые росли по обе стороны дороги, можно было хоть как-то сориентироваться в пространстве.

Художник включил фонарь. Как и положено в таких ситуациях, желтый конус света, с вершиной в маленькой лампочке, тут же возник впереди. Он поводит им по дороге, потом по кустам и уверенно зашагал вперед.

Миновав небольшой подъем, он добрался до развилки. Слева был крутой поворот, уводящий дорогу резко вниз прямо к центральному зданию лагеря — шипу. Справа — серпантин к верхним ярусам жилых домиков и полю для игры в лакрос. Фонарь Художника нащупал своим лучом забавную табличку: "Whoa! Watch out! Horses on the road!". Конюшня, на которой работал их сосед колумбиец, располагалась чуть ниже и здесь часто можно было встретить делающих "horse riding" детишек. Продолжив свой путь под горку, Художник задумался о предстоящем вечере. Зачем же он идет в дом черных? Конечно же, не для того, чтобы выпить с ними виски или покурить гашиша. Ему интересно другое: кто они? Просто рабочие или посвященный во все тайны персонал? Тот же самый вопрос его интересовал и относительно русских коллег, но здесь было кое-что ясно. Александр, уехавший по партзаданию в Нью Йорк, явно не был простым мальчиком на побегушках. Видимо, его признали здесь за своего, либо же контакт с ним был налажен еще до прибытия в Штаты. Такое тоже могло быть.

"Почему же никто не пытается выяснить мою сущность? — сокрушался Художник. — Неужели им больше не нужны ценные кадры или они каждый раз подолгу присматриваются к человеку?" Конечно, он находился здесь еще совсем не мало времени, но за эти дни он извел огромное количество огнетушителей, пытаясь не сгореть от нетерпения. Кем он только себя не представлял за это время! И муравьем в жаркий день, очутившемся ровно на фокусном расстоянии от линзы в маленьких ручках любопытного мальчишки. И

незадачливым, интересующимся всем на свете мотыльком, слишком близко подлетевшим к костру бойскаутов. И даже фитилем! Именно фитилем, который сгорев, передаст воспламенителю необходимый для детонации огонь. Но не простой бомбе предстоит взорваться этим летом, а той единственной, не первую тысячу лет пылящейся в кладовых человеческого разума, назначение которой есть разрушение необъятных барьеров самоограничений, скрывающих такие чудесные места, куда лишь раз в тысячу лет долетал случайный взор самого просветленного ума.

Его любимым огнетушителем против апогейного искуса всей своей жизни было напевание песенок. Ничто так не помогает отвлечься от мыслей, как монотонная физическая работа с одной стороны и автоматическое повторение когда-то заученных слов. Все это напоминало особого рода мантру.

Слева, из-за простенького деревянного забора загавкала собака.

— Хороший песик, хороший, — инстинктивно сказал Художник.

Псина заткнулась.

Сквозь деревья уже пробивался свет прожектора, расположенного на шипе. Значит, он уже близко.

Действительно, через пару минут Художник стоял под натянутыми стальными канатами "zip line" — аттракциона для детей, где на них надевали специальные крепления, пристегивали к канатам и спускали с высоты прямо в воду, главное было — удержать трусы, когда разогнавшееся колесо движущегося механизма по инерции десять метров тащит тебя по поверхности воды, не давая поставить ноги на дно.

Отсюда было уже рукой подать до столовой, а там, мимо огороженных сеткой теннисных кортов и волейбольных площадок до заветного домика с фанерными стенами.

Когда он проходил мимо столовой, свет внутри уже не горел, а прожектор на здании — наоборот, это свидетельствовало о том, что все русские уже ушли, приведя свое хозяйство в надлежащий перед ночью вид.

"Конечно же, они пошли по низу, — подумал Художника, — как всегда". Оно было и понятно, ведь девушки жили в шипе и парни провожали их по дороге к себе домой.

Наконец, Художник добрался до нужного ему места. Задний фасад дома был глухой, как настоящий брандмаузер. Третий в этом лагере прожектор, установленного около главных ворот, слабо обдавал его тусклым желтым светом. Пройдя вокруг домика по тропинке, парень оказался перед верандой, из-за двух огромных окон она была, напротив, сильно освещена. И через эти окна просматривалась вся центральная комната, в которой сейчас толпилось немало чернокожих людей.

Он выключил фонарик, провел ладонью по волосам и поднялся на веранду. Затем аккуратно отворил дверь и шагнул внутрь. Все тут же посмотрели на него.

— Привет, ребята!

— Заходи, садись, — сказал Дерелл.

Художник прошел в ближайший угол и оперся на дверной проем, ведущий в чью-то спальню. Он осмотрелся. Комната была просторной и, как это здесь принято, плавно переходящей в кухню. Зеленые стены вызывали удивление так же, как и кожаные диван и два кресла. Напротив них стоял телевизор, под ним на полу валялась игровая приставка. Посередине комнаты располагался стеклянный стол, в тот момент заставленный стаканами и бутылками. Но еще больше питейной посуды было на кухонном столе, издали это было даже больше похоже на барную стойку.

— Налей себе что-нибудь выпить, — небрежно бросил Ланни, худощавый высокий мужчина с длинными, заплетенными в дреды волосами. Он всегда передвигался очень неспешно, говорили, что из-за проблем со спиной.

Как ни странно, вечером в более интимной обстановке эти люди не спрашивали тебя "как дела" и казались даже чуточку грубоватыми, но Художник не знал, где тут фальшь. Скорее он был склонен полагать, что именно на таких вот вечеринках, или как сказали бы в России, тусовках, черные ребята напускали на себя эту непривычную грубость и нарочитую небрежность, стараясь походить на стереотипные образы своих братьев из больших городов.

На кухне стоял Фидейл и выковыривал пальцами лед из формочек себе в стакан.

— А! — воскликнул он и хлопнул Художника по спине. — Угощайся, бери все, что тебе хочется. Вот лед, вот виски, вот ликер, вот водка, вот пиво. Дерелл, где еще пиво, мать твою?

— Я не знаю, я не знаю. Шерман взял последнюю банку.

Квадратный Шерман вальяжно развалился в кресле. В руках у него была литровая стеклянная бутылка, наполненная оранжевой жидкостью, он периодически подносил ее ко рту и наклонял.

— Дерелл, у меня свое пойло. Мне ваше пиво не нужно.

— А что он пьет? — поинтересовался Художник у Фидейла.

— Пиво. Только мы пьем его из банок, а он из больших бутылок.

— А где Блейк?

— Блейк уехал домой на три дня.

— А Гай?

— Гай у себя в комнате, ему завтра раньше всех вставать, — ответил Фидейл на очередной вопрос русского.

Куки действительно вставали очень рано, Шеф-повар приходил на кухню к 6 часам, его помощники чуть позже.

— Ну а Эрл где?

— Эрл болен, он в спальне.

Художник еще раз оглянул комнату: Дерелл, Шерман, Ланни, Фидейл. И он. Вполне достойная компания.

Он взял большой красный одноразовый стакан и налил туда немного виски.

— Кола в холодильнике, — крикнул Дерелл с дивана.

— Спасибо, я так.

Когда он вернулся в комнату, то все сидячие места были заняты, в креслах сидели Шерман и Ланни, а Фидейл и Дерелл делили диван. Все четверо смотрели баскетбольный матч и изредка восклицали что-нибудь нечленораздельное.

— Садись сюда! — Подскочил Фидейл, — садись, я тебе говорю.

Художник был решительно настроен не поддаваться, но уже через десять секунд его силком усадили на мягкую нагретую поверхность.

— Ты — гость, вот и сиди.

Где-то на кухне очередной цикл запустила стиральная машинка.

Все терпеливо смотрели матч, давая русскому попривыкнуть к обстановке и выпить хотя бы пару-тройку порций.

Когда он подошел к стойке, что сделать себе третий стакан виски, на этот раз, возможно, с содовой, к нему подошел Ланни. Художник обернулся в его сторону и мужчина расплылся в улыбке, он несколько раз кивнул головой, будто хотел сказать, знаю, я все знаю,

все понимаю, успокойся.

— Я покажу тебе отличный коктейль.

— Хорошо.

— Берешь виски, — он плеснул немного в стакан Художника, — затем водка, немножко льда и ice tea. Попробуй.

Художник пригубил напиток, он был в точности таким, какой он пил у Боба, направившего его в этот лагерь.

— Ммм... совсем не чувствуется алкоголь.

— Это только кажется. Выпей парочку другую и тебе будет очень хорошо. Я знаю, о чем говорю.

— Но если ты с девушкой и ты хочешь, чтобы у тебя стоял всю ночь, то пей джин-тоник, — кричал с дивана Дерелл, — джин-тоник и у тебя стоит всю ночь.

— Успокойся, Ди, — буркнул сидящий рядом Шерман, — парень сам знает, что ему пить, когда он с девушкой.

Художник улыбнулся, поднял стакан в направлении сидящих, а потом протянул его к Ланни. Тот поднял свой, они чокнулись и выпили.

— Сделать тебе еще один? — спросил Ланни.

— Да, пожалуйста, а я пока налью тебе чистого виски, ты ведь его пьешь?

— Да.

— Что ты делаешь тут, Ланни, — спросил Художник, откручивая пробку с бутылки.

— Работаю.

— Кем?

— Помощником шеф-повара.

— И все?

Ланни помедлил и ответил:

— Нет, еще я спаиваю русских парней, приехавших сюда на заработки.

— Боюсь тут ты ошибся. Я, конечно, русский, и в общем-то, на заработках тут... но я думаю, ты имеешь ввиду сезонных работников, а я здесь уже не первый год.

— Да? — казалось, мужчина действительно удивлен. — Я не знал. Так значит, ты живешь тут?

— Ну можно и так сказать. Я работаю. Рисую картины, а мой агент продает их в Нью Йорке.

— Только там?

— Преимущественно

— И ты делаешь хорошие деньги на этом?

— Нет. Совсем нет. Мне только-только хватает на жизнь. А она у меня не такая уж и роскошная. Я катаюсь по вашей стране на велосипеде, смотрю разные места, людей, рисую.

— Вольный Художник.

— Именно. Еще можно сказать, ищущий художник.

— Интересно.

— О чем это вы там треплетесь? — перекрикивая телевизор, спросил Фидейл.

— Ни о чем, просто отдыхаем, — в своей манере, тихим голосом будто нараспев, ответил Ланни.

— А что ты делаешь после и до лагеря? — спросил Художник.

— Работаю, поднимаю детей.

— У тебя их много?

— Трое, хочешь посмотреть?

— Конечно.

Ланни достал из заднего кармана мешковатых клетчатых брюк кошелек, открыл его и извлек три маленькие фотографии, на первой был мальчишка лет 16, он широко улыбался белыми ровными зубами, на второй карточке точно так же улыбалась девушка, чуть постарше, а на последней фотографии был уже взрослый парень, ровесник Художника.

— Джейкоб, Энни и Эрик, — поочередно назвал детей мужчина.

Про себя Художник отметил интересную особенность этих фотографий. Задним фоном для каждой служила какая-нибудь фантастическая картинка. На первой это красивейший закат на пляже среди пальм, на второй — синий-синий океан, на третьей — тропический лес. От таких искусственных фонов, лица детей тоже казались слегка натянутыми и вычурными. В слух же он сказал:

— Замечательные ребята!

Ланни будто прочитал его мысли и фыркнул, а потом махнул рукой.

— Значит, именно их ты поднимаешь, да? — Продолжал допытываться Художник.

— Да, сэр.

— Зачем ты назвал меня "сэр"?

— А почему я не могу назвать тебя "сэр"?

— Я думал, "сэр" — это обращение к начальнику или кому-то важному, не знаю как сказать, но мне казалось, это что-то заискивающее.

— Нет, — улыбнулся Ланни, — это нормальное стандартное обращение, вроде "мужик", "чувак".

— Первый раз слышу об этом.

Ланни пожал плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А я еще одно знаю, очень забавное, — сказал Художник, — "dog", в смысле собака, животное.

— Да, да, — Ланни засмеялся и налил себе еще виски. — Эй, собака.

— В России если ты так скажешь кому-нибудь, то получишь по лицу.

— Правда? А у нас это вполне нормально. Так говорят в основном молодые, но ничего обидного в этом нету.

— Эй, собака, — сказал парень по-русски.

— Что?

— Так это звучит на моем языке.

— Понял.

Художник подумал, что он становится слишком болтливым и забывает о цели своего визита.

— Так все-таки, Ланни, чем ты занимаешься, когда не работаешь тут?

— Работаю, чем же я еще могу заниматься. Пойдем лучше сядем, стоять устал.

Как только они вернулись в комнату, Дерелл сразу же предложил покурить.

— Идем в туалет, — сказал он.

Художник, Дерелл и Ланни через дальнюю спальню, пустовавшую сейчас, прошли в просторную душевую. Дерелл открыл маленькое окошко, опустил крышку унитаза и сел сверху. Ланни, недолго думая, уселся прямо на пол, выложенный мелкой белой плиткой.

Художник последовал его примеру.

— Кто-нибудь из русских еще придет?

— Не знаю, Иван обещал, но когда я уходил, его еще не было дома.

— А девчонки?

— Они сказали, что в следующий раз.

— Эх! — расстроился Дерелл.

— Ты куришь марихуану? — спросил Ланни.

— Да, — моментально по привычке ответил Художник, но тут же вспомнил, что завязал с наркотиками.

Дерелл достал из кармана пачку сигарет, открыл ее и внимательно осмотрел, потом извлек крайнюю, повертел в руках и, удостоверившись, что не ошибся, сунул в рот и прикурил. Пощелкивая и потрескивая, самокрутка издавала специфический запах. Сильно затянувшись, парень передал косяк Художнику.

— Отличная дрянь, — сказал он на выдохе.

Художник секунду помедлил, а потом сделал глубокую затяжку. Он сам удивился, когда не поперхнувшись с непривычки, спокойно выпустил дым наружу из легких.

Ланни тоже затянулся, но не один раз и глубоко, а сделал несколько маленьких коротких затяжек, отчего стал похож на какого-нибудь русского прощелыгу в сдвинутой на глаза кепке, бережливо докуривающего драгоценный хабарик.

Описав еще два круга, остаток самокрутки отправился в унитаз затем, Дерелл подошел к раковине и смачно сплюнул в нее, Художник же уселся на его место.

Ланни и Дерелл закурили свои любимые ментоловые сигареты, а он откинулся на сливной бачок и прикрыл глаза, душевая комната кружилась вокруг него в танце под музыку из балета Хачатуряна "Спартак".

— По пути, Ланни, твой коктейль просто чудо! Я буду звать его коктейль Ланни, если ты не против.

— Спасибо, спасибо большое, я оценил, — в своем стиле поблагодарил мужчина.

Художнику резко захотелось сказать что-нибудь такое, что он уже давно подумывал сказать, но не решался.

— В России тоже пьют пиво из больших бутылок, только у нас они еще больше и не стеклянные, а пластиковые.

Дерелл и Ланни выразили очень деланное удивление на лицах.

"Чушь несу, — подумал русский про себя и рассмеялся."

— Что? — улыбаясь до ушей спросил Дерелл.

Вместо ответа, русский задал вопрос:

— А ты чем занимаешься, когда не работаешь в лагере?

Ланни рассмеялся.

— Чего ты так этим интересуешься?

— Просто хочу узнать получше, что вы за люди. Мне говорили, что тут работают очень замечательные личности.

Продолжая улыбаться, черные переглянулись.

— Ишь ты.

— А ты-то сам чем занимаешься? — спросил Дерелл.

— Он рисует картины и продает их. А рисует во время путешествий по Штатам.

— Здорово. И что же ты рисуешь?

— Картины, потом покажу, у меня в лептопе они.

— Круто.

— И как долго еще ты планируешь этим заниматься? — спросил Дерелл.

— Очень долго, всю жизнь или пока не надоест.

— Хм, то есть ты хотел бы заниматься этим всю жизнь?

— Да.

— Но в то же время ты считаешь, что в определенный момент тебе это может наскучить.

— Да.

— И ты бросишь это дело?

— Конечно, зачем же я буду заниматься чем-то против своей воли?

— Но ведь сейчас ты хотел бы заниматься этим всю жизнь?

— Да, но я же не знаю, чего я буду хотеть через год или хотя бы через месяц.

— Но сейчас, имея ввиду всю жизнь, ты имеешь ввиду и тот момент, когда тебе это, возможно наскучит?

— Да.

— Значит, если такое все же случится и тебе надоест рисовать, то в любом случае, тебе придется переступить через себя?

— Я понимаю к чему ты клонишь. Хочешь сказать, что если я брошу свое творчество, то я предаю свое нынешнее желание, а если продолжу им заниматься, то это будет наперекор мне будущему?

— Эээ... что-то вроде этого.

— Что я могу сказать..., - Художник попробовал открыть глаза пошире, чтобы не казаться слишком вкученным. — Тут все не очень сложно. Если выбирать, какому себе быть верным, то приоритет, конечно, следует отдать настоящему, потому что будущее, прошлое, они, знаешь ли, вещи очень абстрактные. На эти темы можно размышлять и разговаривать сутками. При моей кочевой жизни время подумать у меня есть и вот я тут подсчитал на досуге, что в среднем размышляю около трех часов в день, именно размышляю. То есть думаю о чем-то большом и глобальном, а не о том, где мне покушать или почему все бабы дуры, хотя последняя тема, будучи достаточно раскрыта, вполне может претендовать на такой статус. Итак, три часа в день это — девяносто часов в месяц и тысяча восемьдесят часов в год или сорок пять суток. Представляете! — воскликнул он, увлекшись рассказом, — сорок пять суток в год... чистых размышлений! Так что сейчас, на скорую руку, предлагаю не копать слишком далеко, а довольствоваться либо общими рассуждениями, либо говорить только об окончательно додуманных вещах, объяснение которых не требует поднимать гору мыслительных выкладок.

— Мы тут подумали, — после долгой паузы сказал Дерелл и посмотрел на Ланни, тот кивнул в ответ, — что ты очень хорошо говоришь по-английски.

— И еще мы подумали, — теперь наоборот, Ланни посмотрел на Дерелла и уже тот, в свою очередь, кивнул в ответ, — что ты, должно быть, очень специальный Бот, раз загоняешь такое дерьмо!

Оба чернокожих от души засмеялись, не до конца понявший их намек Художник легонько улыбался, а его собеседники в это время уже ржали как лошади.

Несколько минут продолжалась эта истерия, когда один из них успокаивался, то второй начинал с новой силой, а потом наоборот. Когда же они все в слезах, наконец, успокоились,

Художнику показалось, что их черная кожа стала чуть бордовой, будто они раскраснелись.

— Мы, — начал Ланни, — я имею в виду всех куков — отдельная группа людей, мы работаем здесь уже не первое лето, далеко не первое, Гай здесь уже 30 лет, я меньше, Дерелл и Блейк совсем молодые, но дело не в этом. Когда начался весь этот замут с Личностями и Ботами, мы с Гаем работали тут, еще с прежним хозяином. Ну так вот, сначала новые хозяева сократили весь старый штат, но потом у них возникла проблема с куками, и они пригласили нас обратно. Через некоторое время нам предложили пройти тест, как-то они его объяснили, но я уже не помню. Короче, тогда в Личности мы не попали. Понимаешь ли, тут такое дело, у меня жизнь не сахар всегда была. Бедность, проблемы с родителями, потом я попал в автокатастрофу, долго лечился, повредил спину, как оказалось, на всю жизнь, женился, дети, бедность.

— Извините, — перебил Художник, — но в Америке грешно говорить про бедность. Вы же самая богатая страна в мире.

— Да, но если ты получаешь меньше сорока тысяч в год, то ты едва выживаешь здесь.

— Если ты получаешь сорок тысяч в год в России, — сказал Художник, — ты много себе можешь позволить!

— У вас другие цены.

— Да! Да! Да! Цены у нас действительно другие — выше, чем у вас.

— Не может быть.

— Вы уж поверьте. Хотя есть, конечно, нюансы... Ладно, Ланни, извини, что перебил, ты рассказывал о себе.

— Ну да, так вот..., - мужчина сморщил лоб и через секунду продолжил, — так получилось, что особых вершин я к тридцати годам не достиг. Ни карьеры, ни образования. Семья — вот все, что у меня было, да и то в последнее время были сильные нелады с женой. Но я всегда умел довольствоваться малым, ты вот когда про свое творчество говорил, ну про настоящие желания, будущие и прошлые, ты все верно сказал. Я всегда так жил... немного по киношному, без прошлого, без будущего. Часто задумывался, почему так вышло, вроде в каждый отдельный момент времени отдавал отчет тому, что я делаю, а когда все эти моменты сложились в тридцать лет..., - Ланни развел руками и прищелкнул языком, — короче никакого созидателя из меня не вышло. А с какого-то момента, теоретической основой всей этой дифференциации стало учение Ницше, ты читал?

Художник кивнул и быстро сказал:

— Но совсем недавно, то есть это никак не повлияло на мое мировоззрение, просто я с удовольствием отметил, что есть все-таки в этом мире мои единомышленники... то есть были...

— Ну так вот, и я, да как впрочем и кое-кто еще, — продолжил Ланни, — "творящим впереди себя" не являюсь, точнее, может и являюсь, но признать меня таковым отказались. Однако с работы нас не уволили и мы несколько лет подряд приезжали сюда каждое лето, особо не вникая в двудонную концепцию всего этого места.

Но как-то раз, было это после того, как наши боссы рассорились и разбежались в разные стороны, меня снова вызвали на собеседование. Проводил его тогда сам Джонни, ему в ту пору было не просто, сильный у них разлад вышел с Майклом и Бобом, и Джонни наш решил пересмотреть подход к разделению людей на Ботов и Личностей.

Художник вспомнил Боба — человека, который и рассказал ему про это место.

— Майкл тогда до одной очень хорошей мысли додумался, он решил, что все не так

просто и люди типа меня, Фидейла и даже Шермана, хотя последнего тут тогда еще не было, тоже являются Личностями. То есть, показатель Бота это не то, что он очень простой и глупый, а Личность, в свою очередь, не обязательно должна быть активной, всем интересующейся и бесконечно талантливой, нет. Бот — это существо, не наделенное собственным разумом, типа робота. Он может только то, что ему разрешается кем-то сверху... или снизу, сейчас не об этом. А личность, какой бы жизненный выбор она не сделала, обладает автономным разумом, который более или менее адекватно реагирует на все происходящее и сам может принимать решения, развивать и всячески двигаться дальше. Но большая опасность для распознавания тех и других кроется в том, что даже самый талантливый ученый, который, казалось бы, является образцом настоящей Личности, на деле может оказаться сущим Ботом.

Художник напрягся.

— Если считать, что есть некий то ли сверхразум, то ли еще какой-то стаф, который отвечает за все наше существование и именно он запихивает к нам в мир этих самых противных мерзких ботов, то он, сомнений нет, знает все, что только можно знать о нашем мире...

— Постой, постой, — перебил Художник, — ты хочешь сказать, что этому сверхразуму ничего не стоит запрограммировать какого-нибудь бота на то, чтобы в определенный момент своей жизни он сделал серьезное научное открытие?

— Именно! — воскликнул молчавший до этого Дерелл.

— А как же дело обстоит с произведениями искусства? Может ли Бот рисовать или писать музыку? А стихи? Книги?

— Никто точно тебе ответить не сможет. Да, были случаи, когда среди таких деятелей мы выявляли ботов... но понимаешь... скорее я бы сказал, что встречались среди них люди, которых мы не могли отнести к Личностям..., но ты же теперь знаешь, что и я не сразу попал в этот список.

— То есть, до сих пор неизвестно, понимает ли этот сверхразум наше искусство?

Мужчины кивнули.

— Так на какой главный критерий сейчас опираются, когда пытаются выявить Личность?

— Это вопрос не к нам..., с тобой же проводили специальное психологическое собеседование?

— Нет.

— Странно, обычно его проводят со всеми новичками.

— А может быть они ждут "сканер"? — спросил Дерелл и тут же осекся под пристальным взглядом Ланни.

Художник тоже дернулся.

— Так значит, он все же существует? — он вспомнил недавнюю сцену на лужайке, где в его руках очутился ноутбук... правда совсем не на долго, — Вы нашли этот диск?

Чернокожие переглянулись.

— Диск?

— Ну да, программу "сканер"! Можете не притворяться, я знаю о чем вы говорите, я же не просто так сюда приехал, меня послал Боб. Я однажды случайно встретился с ним и разговаривал.

— Боб или Майкл?

— Он представился Бобом.

— А где ты с ним встретился?

— В его доме.

— А как ты там оказался?

— Не помню, мне что-то понадобилось и я заехал в первый попавшийся дом.

— А в каком городе это было?

— Ну, сейчас я уже и не вспомню, где-то в Вест-Виржинии. А в чем дело?

— Боб — нейтральная сторона, — ответил Ланни, — он, как бы это сказали про Крестного Отца, отошел от дел. Сейчас живет в свое удовольствие, чем лишний раз подчеркивает, что такой тип мировосприятия присущ и Личностям тоже, а быть может, только Личностям.

Дерелл усмехнулся и вытащил из пачки еще одну ментоловую сигаретку.

— Пойду, принесу нам выпить, — сказал он, прикуривая.

Потом встал с пола и вышел из ванной.

— Майкл же, — продолжал Ланни, — основал свое... дело или, лучше сказать, учение. Он прикрывает это какой-то религиозной сектой. В чем его теория, мне не известно, лучше поговори с кем-нибудь более компетентным в этом вопросе.

— Хорошо, Ланни, так что там насчет сканера?

— Я не могу разглашать эту информацию людям, не принятым в наш лагерь.

— Но я работаю тут!

— Я имею в виду другой лагерь...

— Но вы же сами сказали, что я, должно быть, чертовски хитрый Бот, я подумал, что вы посчитали меня Личностью или как там...

— Все верно, но мы не вправе выносить окончательный вердикт.

— А кто вправе?

— Нет, для себя мы все решили, иначе я не сидел бы сейчас здесь с тобой, но формально, тебе надо пройти этот чертов тест.

— А почему никто не предлагает мне его пройти?

— Я думаю, они хотят испытать на тебе "сканер".

— Это я и хотел услышать, вы нашли диск... а ты говоришь, что не можешь делиться этой информацией со мной.

— А! — махнул рукой Ланни, подался всем телом чуть вперед и заговорил шепотом, — "сканер" — это не диск и не программа, это — человек, женщина. Остальное узнаешь, когда ее привезут. Если все пройдет нормально, конечно.

Художник кивнул головой и в очередной раз откинулся на сливной бачок. Да... человек... это выглядит гораздо логичнее, как он сам не догадался.

— Так это за ней поехал наш Александр? — воскликнул он.

— Да, только тише. Она — русская ведущая, раз уж ты все равно догадался.

— Ничего себе. Вот круто. С нетерпением жду встречи.

— Они должны прибыть завтра. Больше я ничего не знаю. Я же здесь далеко не первая шишка, а так... почти шестерка.

Художник молчал. Ланни достал сигаретку и закурил. Его глаза, которые еще секунду назад горели искренней заинтересованностью, теперь безразлично смотрели в маленькое открытое окошко чуть повыше головы Художника, а уголки губ были слегка приподняты в улыбке. Можно было подумать, что человек рассказывал что-то очень веселое, но потом

вдруг отвлекся и о чем-то сильно задумался.

— Ланни, а ведь она вас тоже проверит, да?

— О да, в этом можешь не сомневаться.

— Не страшно?

— А с чего мне вдруг должно стать страшно?

— Ну мало ли, что она скажет.

— Я-то по поводу себя уверен. Я знаю, кто я такой.

Художнику захотелось было уточнить, но он передумал и спросил другое:

— А вдруг она ошибется?

— Я не думаю, что ее слова будут восприняты как абсолютная истина, не поддающаяся никаким сомнениям, скорее всего, начнется долгая совместная работа, направленная на достижение наиболее оптимального результата.

— Ох, ох! Ланни, полегче, я не успеваю понимать твои слова. Английский, все-таки, не мой родной язык.

Чернокожий мужчина рассмеялся.

— А что, если она не захочет заниматься этой, как ты сказал, совместной работой. Ей-то это все с какого перепуга надо?

— Ну, если она Личность, то должна заинтересоваться. Обычно наш брат годам к двадцати пяти или тридцати на такую стенку лезет, что готов все сокровища мира кинуть к ногам человека, который его с этой стенки снять сможет. Немного утрирую конечно, но все же.

— А разве ты лез?

— Было немножко. Только у меня все не так остро выражено получилось. У меня образ жизни размеренный был. Работал, детей воспитывал.

— А ты все время поваром работал?

— Нет, но довольно долго.

— А кем еще работал?

— Да какая разница, ничего интересного. Если ты хочешь услышать драматический жизненный путь настоящего черного парня, то иди поговори с Шерманом, пока он вдрызг не напился.

— Правда? Ну что же, так и сделаю, будет очень интересно послушать, ну а пока, все же, я хотел бы кое-что еще узнать о тебе.

— Слушаю тебя.

— Почему ты стал именно поваром?

— Не знаю.

— Почему не стал адвокатом каким-нибудь или дантистом?

— А какая разница? Просто не было у меня возможности образование получить да и честно говоря, глубоко безразлично мне было, кем становиться, все едино.

— Почему? — Художник заерзал на унитазе.

— Ну как почему... потому. Я вообще в жизни ничем не хотел заниматься и долгое время мне это удавалось. В определенный момент я даже считал делом чести продержаться без работы как можно дольше. Не в смысле, что мне было принципиально противно ходить работать, просто я не хотел этой рутины. Периодически у меня случались заработки, на которые я питался и одевался, все остальное время же я тратил только на себя. Но вскоре я столкнулся с двумя проблемами. Первая подкралась незаметно, прикрываясь моим другом

— мозгом, а точнее — разумом.

Художник даже рот слегка приоткрыл от удовольствия, так интересно ему было послушать.

— Ну-ка, ну-ка, давай рассказывай!

— Короче говоря. Жил я себе поживал, разглядывал мир со всех сторон, но при этом старался как можно спокойнее к нему относиться, суета его меня почти не задевала... то есть был я почти блаженный.

— Как Будда?

— Ну Будда, ни Будда, но такой, спокойный парень был. Радовался всему, как ребенок, но сущность вещей видел издалека. И тут случился облом. Стало мне скучно. Да так, что терпеть невозможно было. Ну думаю, что за хрень! И давай искать выход из этой ситуации. На ум пришло несколько способов с хандрой такой бороться. Ты, надеюсь, понимаешь, что я говорю не просто про скуку, а про такую скуку, которая все внутри переворачивает и сама из твоих самых лучших и самых достойных мыслей веревочку плетет и чем больше ты думаешь, тем быстрее у нее работа спорится и вот смотришь — она уже петлю через крюк пробросила и табуреточку приготовила — вставай, мол. Тут уж, само собой, никакой бейсбол или баскетбол не поможет, никакое ЭйБиСи и СиБиЭс вместе взятые.

Я тогда к рюмке потянулся. Сука ты эдакая, сейчас я тебе покажу, как меня изнутри доканывать, когда я только к безмятежности приближаться начал. И что ты думаешь? Выпил я так, что ноги отказали. Лежу себе... хорошее дерьмо, думаю, получается. Вроде как справился. Отпустила. Но вот петелька под потолком висит. Я беру нож, встаю на табуретку, сейчас, думаю, перережу веревку и конец моей хандре. И что ты думаешь? Вместо того, чтобы сдохнуть, эта сука скука такой хитрющий шаг предприняла: она схватила меня за руку, за ту, в которой нож был, и подвела прямо к горлу — все, говорит, конец твой, Ланни, пришел. И я понимаю, что сильна она в тот момент, как никогда, что действительно, никуда мне от нее не деться, что и бороться-то с ней нет сил и желания, что не зла она мне хочет, а добра. Ну это тогда мне так подумалось.

Ланни остановил повествование, чтобы прочистить горло. Художник сидел на своем месте не двигаясь.

— Тут я себе, наверное, и конец бы устроил, да постучал ко мне в комнату друг мой тогдашний, принес он мне дряни от болезни мозга. Ну я ему и открыл, подарок принял... и пришла ко мне думка. Такая думка пришла, что, дескать, слабак ты, Ланни, а не умник, как всегда надеялся. Не знаю, почему мне тогда показалось, что умник не может быть слабаком и наоборот, кажется, что это не взаимоисключающие понятия, но тогда это на меня подействовало. Да так подействовало, что подскочил я против всех законов опьянения и против всего опыта растаманского подскочил... и побежал. Ну не в прямом смысле, а в умственном. Подумал я, что мир приподниму, переверну, перетяну..., пересилю..., - Ланни засмеялся, — но ничего не вышло. Через месяц я познакомился с женой своею будущей, влюбился..., а потом... семья, дети, развод. Не вышло счастья.

Его глаза по-прежнему ничего не выражали, а губы все так же были слегка приподняты. Плечи Ланни были выставлены вперед и он казался очень сгорбленным, то ли Художник не замечал этого раньше, толи эта перемена произошла совсем недавно.

— Сам понимаешь, — продолжил мужчина, — что пришлось мне идти работать. Ну вот и стал я поваром. Хотя зачем это все....

— Нравится?

— Да чему тут нравится. Гай, конечно, говорит, что любит готовить, но я этого не понимаю. Разве человек рождается для этого? Для того, чтобы научиться вкусно готовить пищу или хорошо защищать других в суде? А может для того, чтобы хорошо и бессмысленно водить гоночный болид по кругу? Да или даже руководить страной? Как может нравиться такое занятие?

Художник нахмурился.

— То есть да, конечно, нравится оно может... но... короче все это не верно, не правильно. От слабости ума человеческого, от неспособности понять природу свою и окружающих, от бессилия терпеть нападки своего разума, терзающего тебя за бездействие и бесполезность. Ладно бы люди просто работали и помалкивали. Деньги всем нужны, что тут скажешь, нет ведь, найдется такой лицемерный кретин, который будет с пеной у рта доказывать, что ему все эти прибабасы по душе. Что у него сердце нарадоваться не может, когда он кому-нибудь новую машину из своего салона продает. Нет бы сказать, что я просто очень деньги люблю, так ведь начнет заливать, что именно работа такая ему мила, что командировки в дальние страны его интересуют очень и вообще, помогать людям выбрать их новое средство передвижения — это для него очень приятно и даже гордость он испытывает и глубокое чувство самоудовлетворения, когда человеку поможет.

— И?

— Срать я хотел на такого мудака!

При кажущейся напряженности речи Ланни был совершенно расслаблен и говорил без особой интонации, так, будто рассказывал это уже в миллионный раз и вообще, давным-давно понял все это и теперь ему даже неприятно возвращаться и осквернять свою речь такими простыми вещами.

— Скажи, кому станет легче, что этот хмырь продаст за свою жизнь три тысячи машин?

— Может быть людям, которым он их продаст?

— Да чем же им легче-то будет?

— Ну хотя бы тем, что им больше не придется ходить пешком или ездить на своих старых, быть может, разваливающихся машинах.

— А что миру до людей этих?

— Как знать, может кто-нибудь из них...

— Что? — перебил Ланни, — кто-нибудь из них что?

— Сделает что-нибудь хорошее в мире.

— Да как же он что-нибудь хорошее может сделать, если никто и понять не может, что в этом мире хорошее, а что плохое... или лучше, что для этого мира хорошее, а что — плохое.

— А вдруг, как раз эти люди и догадаются до этого, когда будут ехать на той машине, которую он им продал в свое время?

— Или может быть, эти люди, которым предстоит додуматься до столь важных нам вещей, разобьются насмерть на этих машинах... не о том речь. Ты хочешь выстроить тут причинно-следственную связь... но это слишком наивно и идеалистично. Только если ты не пытаешься сказать, что все шесть миллиардов людей служат той небольшой группке, которой и предстоит в этом мире вершить дела. Одни посредством изготовления автомобилей, другие — одежды, третьи — электричество для них производят, четвертые — воюют для них, пятые — играют в гольф на полях своих многоденежных особняков. Да?

— Как знать.

— Мы с тобой, кстати, нечаянно пришли к Личностям и Ботам. Вот те самые люди, которые всем этим занимаются для нашей небольшой группы — это Боты, а мы в свою очередь...

— Понял я, понял, — улыбнулся Художник. — Но в этот раз мы сюда как-то с другой стороны подошли.

— Правильно. Если вернуться чуть назад, то я говорил, что никогда терпеть не мог таких лицемеров, которые от своей нелепой работы кипятком писали..., а потом... потом я встал рядом с ними... нет, работу я никогда не любил, но вот уже двадцать пять лет делаю еду и ничего... жив здоров. Правда, слава Богу, мне хватало ума никогда не рассказывать о том, как мне это нравится. Да... я знаю, что так я спасаю свой мозг, неспособный, как оказалось, больше ни на что... моя должность добавляет мне какой-никакой важности, я не чувствую себя ленивым отбросом общества, я — достойный гражданин своей страны... и больше ничего. Ничего.

Пойми, я не против честных трудяг или не трудяг или не честных, не важно, я вообще не против людей, просто не надо заливать. Имейте силу признать свое место в жизни.

— А можно на примере? — спросил Художник и прищурился, вспоминая что-то.

— На моем или твоём?

— Моём.

— Давай вперед.

— Вот допустим, есть человек, который в России занимается научной деятельностью...

— Допустим или есть?

— Это будет чуточку собирательный образ на тот случай, если ты начнешь шибко критиковать его, ну чтобы мне не было обидно, ты понимаешь?

— Да, конечно, продолжай.

— Итак. Этот человек уже лет десять занимается наукой, а денег у него совсем нет... потому что не платят в Российской науке больших денег. Ну там на патентах можно кое-что заработать... но если тебе особо не свезло, то вряд ли ты будешь иметь много. Короче, среднестатистический ученый у нас получает очень мало. По вашим меркам так вообще центы.

Но получилось так, что он все занимается этим делом и занимается. Ну вот нравится ему заниматься своими катализаторами, к примеру, или еще чем-нибудь, и вот совсем уже зарплата маленькая да и ту задерживают, а он все равно занимается и занимается, будто бы от этого жизни чьи-то зависят, самозабвенно, короче, так занимается.

— Бывают такие, — кивнул головой Ланни и с гримасой боли на лице разогнул сгорбленную спину.

— Не знаю, бывают ли такие у вас в Штатах...

— Да какая разница где, просто говорю, что понятен мне твой случай.

— Ну и что ты мне на это скажешь?

— Сразу замечу, что до конца мы с тобой в этом вряд ли разберемся, скорее, я тут помру на полу около стены со своей больной спиной, ты должен сам для себя решить, как относиться к таким персонажам. Я решил. Может быть резко слишком... но...

— Ты мне лучше сначала ответь прямо на вопрос, а потом еще немножко порассуждаем.

— Ответ тут прост. Синдром Ван Гога.

Художник нахмурил лоб лишь на очень короткое мгновение, меньшее, чем требуется мечущейся в литровой банке мухе для того, чтобы сменить направление.

— Думаю, ты понимаешь, что здесь имеется ввиду не только душевное и психическое состояние описанного тобой человека, но и все психологические выкладки, которые можно вывести из этого случая. Разумеется, доля сходства может быть и не очень велика, но так или иначе, направление общего вектора ясно.

— И что же это дает? Куда бы вы отнесли Ван Гога и подверженных одноименному синдрому людей?

— Я уже говорил, что не смогу дать тебе ответ. Может быть, в скором времени мы разберемся с этим, может быть, это сделаешь ты, ну или кто-то другой, нет принципиальной разницы.

— Ах, как хотел бы я узнать все этим нюансы, — воскликнул Художник и поднялся с закрытого стульчаком унитаза. — Это, если можно так сказать по-английски, мой апогейный искус.

— Что именно, позволь узнать?

— Да все, все это, о чем ты только что говорил. Бесспорно, много истины в твоих словах и еще больше заявок на нее, но... существует и очень большой момент допуска. Конечно, я всегда интуитивно чувствовал Людей и Ботов, но часто мне встречались такие, которых трудно было классифицировать. И до Личностей они не тянут, и к Ботам отнести рука не поднимается...

— С такими труднее всего... они, обычно, честные, добрые... а еще хуже, если веселые и довольные жизнью..., но не эдакие счастливые дурачки, а вполне адекватные по общественным меркам люди.

— Да, с такими действительно не знаешь, что и делать.

— Еще одна загадка, — легонько кивнул головой Ланни.

— И неужели некому дать на нее ответ? Неужели даже Джонни, ваш духовный лидер не может рассказать что-нибудь по этому поводу?

— Эх, парень, парень. Да разве важно, кто тебе что расскажет, важна лишь правда... и вот что я тебе скажу напоследок: разберись в своей голове с серединными людьми, лишь это важно ввиду грядущих событий.

Художник не придавал последним словам особого смысла и перед тем как выйти из душевой сказал, упираясь рукой в стенку рядом с дверью:

— Может быть, на фоне этого унитаза мой апогейный искус выглядит не слишком солидно, но поверь мне, Ланни, этот вопрос волнует меня не первый грамм.

Глава 20. Сонное царство. Путеводитель странного мужчины

Ему снилась Мама. Именно такой, какой он ее помнил, в темно сером брючном костюме, белой блузке с короткостриженными волосами. В Аэропорту Пулково-2. Три с чем-то года назад.

Теперь они были с ней вместе. Будто бы они только что прилетели в Нью Йорк и отправились на свою первую экскурсию по городу. Художник заворожено смотрит по сторонам, разглядывая нечеткие силуэты небоскребов. Но нельзя сказать, что они такие потому, что его воображению и памяти не хватает сил воспроизвести здания без искажений, просто очень ярко светит солнце и когда он задирает голову, чтобы оценить высоту или архитектуру скайскрапера, оно сильно ослепляет его.

На улице очень жарко, трусы и рубашка прилипли к телу, причем первые при этом еще и неприятно впились между ягодиц, это очень отчетливое ощущение и несколько кварталов, которые они прошли с Мамой, он только и делает, что пытается выправить положение у себя в штанах.

— Сыночка, смотри, какие прикольные здания! — восклицает мама.

Два рядом стоящих небоскреба, если смотреть на них не просто в фас, а под совсем небольшим углом, кажутся абсолютно плоскими. Будто бы картонные грани, они стоят, дожидаясь, когда же к ним прикрепят недостающие части конструкции. Он помнит это место, рядом с Центральным Парком, кажется, на Парк Авеню.

— Мам, пошли в сабвэй, проедемся пару остановок, а то идти слишком жарко.

Мама соглашается.

Неожиданно, район вокруг меняется из знакомого на абсолютно чужой. Художник растерянно бегаёт глазами по резко сменившемуся рельефу зданий. Вроде бы это все тот же Манхеттен, но местоположения своего он определить не в силах.

Так или иначе, надо идти в подземку. Это он ясно помнит. Оглядевшись еще раз, он указывает родительнице на высоченное здание с широким каменным козырьком, начинающимся этаже на третьем. На торце этого козырька висит синяя буква "М" и это означает совсем не местный ресторан быстрой пищи.

Они заходят в широкий просторный вестибюль. Он твердо уверен, что касса по продаже жетонов (почему-то именно это слово крутится у него в голове) находится в конце длинного темного коридора.

— Мам, вон туда нам.

Сделав три поворота по этому тоннелю, они оказываются перед входной дверью в чью-то квартиру. Очень быстро ощущение, что квартира принадлежит незнакомому человеку, покидает его и он смело нажимает на звонок.

Дверь открывает взрослая женщина, она заинтересованно обводит их взглядом и приглашает внутрь.

В следующей сцене Художник оказывается в небольшой прихожей, как две капли воды похожей на прихожую в его Российской квартире. Перед ним стоит пожилой почти облысевший мужчина. Крупные пигментные пятна неприятными капельками располагаются на его поблескивающем от пота черепе. Забавно, но его усы в полном порядке, они

достаточно густые и имеют странный узор. Вся их часть, кроме той, что непосредственно прикрывает верхнюю губу — абсолютно белая, а вот остаток окрашен в бледно-желтый цвет.

— Здравствуйте, — говорит Художник.

— Добрый вечер, мистер Рипли, — отвечает старик.

— Простите за беспокойство, мы к вам совсем ненадолго зашли.

— Что вы, что вы, — говорит старик, располагайтесь. — Принести вам что-нибудь выпить?

Только в этот момент парень замечает, что старик одет в поношенные брюки со спущенными подтяжками и желтовато-белую майку, явно понюхавшую в этой жизни немало порошков.

— Можно ли выпить холодного чая?

— Да. конечно, — старик уходит на кухню.

Вместо него в прихожей появляется небольшой мальчик, лет шести. Голубенькая пижама в горошек говорила том, что-либо он очень хитер, либо его выдернули прямо из постели. Предположить, что он только туда собирается, было бы неправильным, потому что мальчишка неуверенно стоял на одной ноге, прислонив к ней согнутую в колене вторую и смачно позевывал.

Ничего не происходило несколько секунд, по крайней мере, Художнику так показалось. Кроме того, он был уверен, что человек, с которым он только что завел беседу, был грубияном и реформатором. Мысли именно в такой последовательности посетили его спящую голову.

Старик нес в руке высокий стакан с темного цвета жидкостью и несколькими болтающимися там кубиками льда. Непонятно почему, но стакан был обернут сложенным пополам тетрадным листом в клеточку, прикрепленным к нему резинкой в двух местах.

— Спасибо, — поблагодарил Художник.

— Не за что, мистер Грэй, — улыбнулся Старик.

— Наверное, нам пора идти, не могли бы вы позвать мою матушку?

— Сейчас, сейчас, мистер Пресли.

Действительно, Старик из дальней комнаты вывел маму Художника.

— Ну, Сыночек, куда пойдём дальше? — спрашивает она.

— Хм, а у вас не будет случайно какого-нибудь ненужного путеводителя по Нью Йорку, а то мы забыли свой дома, — обращается парень к Старику.

— Конечно, мистер Джексон, вот..., - в руках Художника оказывается свернутая в трубочку брошюра.

— Благодарю вас, — говорит он, допивает чай и отдает стакан хозяину квартиры.

— До свидания, — хором говорят мама и сын и выходят из помещения.

Глава 21. Света. “Сканирование”

Они с Джонни решили не устраивать официально процедуры. Зачем лишний раз смущать и нервировать людей. Девушка просто прогуливалась по лагерю вместе с его директором и общалась с попадающимися на пути персонажами. Первыми проверку на вшивость духа прошли Род и Мэтью, они весело гоняли на длинном шестиместном электрокаре и наткнулись на Свету и Джонни.

Джонни усадил девушку позади парней, а сам устроился поближе к ней. После небольшой и с виду не содержательной беседы, электрокар остановился около столовой и все четверо пошли по своим делам.

— Ну? — спросил Джонни.

— Вроде настоящие, — ответила Света.

— В этих-то я и не сомневался.

— Только ты мне скажи, как мне на деле отличить Ботов? Я же никогда об этом сильно не задумывалась. У меня есть представления о нескольких стереотипных мыслительных портретах, наиболее часто встречаемых у людей, но с точностью сказать, какой кому присущ....

— Я в тебя верю, думаю ты разберешься. Возьми за основу Рода и Мэтью. Они наши.

Света кивнула и по узкому мостику они направились сначала на веранду, а потом через всю столовую на кухню.

— А ты никогда не встречала таких людей, у которых в голове было бы абсолютно пусто?

— Редко. За всю жизнь не больше десяти человек.

— Значит Боты все-таки так хорошо просчитаны, что в их головах имитируется мыслительный процесс, — с небольшим восхищением сказал Джонни.

Девушка пожала плечами.

— Ладно, настройся, сейчас придется общаться с большим количеством людей одновременно. Постарайся определить хотя бы некоторых.

На кухне, где почти не пахло едой, трудились сразу несколько человек. Дерелл большим деревянным веслом размешивал концентрат в специальном баке. Ланни открывал здоровенные банки с фасолью на приспособленном под это дело станке. Большой Шерман помешивал готовящиеся куриные “пальчики”, а Гай вертел в руках какую-то заморозку.

Русские тоже не скучали. Леша выгружал всю грязную посуду из buspanов, пластмассовых контейнеров, установленных на подвижные металлические стеллажи. Дальше эту посуду ставили в разного вида поддоны, в зависимости от ее типа. Так, для стаканов существовали одни, для тарелок — другие, для столовых приборов — третьи. Этим в тот день занималась девочка Юля из Тюмени. По матовой от многочисленных мелких царапин поверхности стального стола, груженные поддоны двигались к “проглоту”: вмонтированная раковина, оканчивающаяся системой острых как самурайский меч ножей. Над раковиной висел шланг с душевой насадкой. С его помощью из посуды вымывались остатки пищи, не тщательно, конечно, а так, очень поверхностно. Когда пищевых отходов скапливалось много, нажатием красной кнопки “проглот” начинал работать, извергая из своей пасти огромное количество брызг и кусочков. Дальше в посудомоечном процессе

стояла, собственно, машина. Метра полтора длиной, блестящая, выпускающая пар коробка. Три раза в день ее открывали, меняли воду внутри и промывали все решеточки-фильтры. Разделенная на два отдела, она пропускала поддоны через себя, отлично отмывая большинство тарелок. На выходе из машины стоял еще один русский парень, сегодня это был Ваня. Он разгружал посуду в тележки, где она и хранилась под прикрытием полиэтиленовых накидок. Но если вдруг попадалась не до конца отмытая тарелочка или вилочка, он немедленно отдавал ее промывщику с "душем", стоящему на "проглоте".

— Начни с черных, — тихонько шепнул Джонни, хотя из-за шума работающей посудомоечной машины и громко играющей музыки из маленького магнитофона он мог бы не бояться, что его услышат. — Сейчас я тебя познакомлю с ними.

Они аккуратно прошмыгнули мимо работающих русских, Джонни лишь широко улыбнулся и помахал им рукой.

— Привет, парни, — обратился он к черным.

— Привет, Джонни!

— Привет, Джонни!

— Привет, босс.

Послышались громкие голоса.

— Парни, это наша гостя Света, она из России.

— Очень приятно, — заулыбались мужчины.

— Света, мой друг Света, ооо! Ооо моя Света, ооо! — запел свою любимую песню Гай он только успевал подставлять туда нужные имена, а мотивчик у него был всегда один и тот же. Этот главный из куков вообще был странный тип, он был немногословен, но очень любил во время работы отвлекать кого-нибудь из русских вот этой своей песенкой про друга.

— Шерман, как "пальчики"? — Джонни имел ввиду изделия из куры.

— Отлично, отлично, — пробурчал здоровяк и улыбнулся.

— Привет, Шерман, как твои дела? — спросила Света.

— Хорошо, хорошо. Все хорошо.

— Откуда ты, Шерман?

Джонни сделал вид, что заинтересовался какой-то коробкой в другом конце кухни и оставил Свету одну.

— Я? Я из Южной Каролины. Это близко отсюда.

— А давно ты тут работаешь?

— О да... вернее нет... ну как тебе сказать... несколько лет, — он вытер вспотевший лоб полой заляпанного кетчупом фартука.

— А чем ты занимаешься помимо этого?

Шерман закричал и отвел взгляд от красивого лица девушки. Она воспользовалась паузой, сообразив, что именно сейчас он о чем-то активно думает. И первый раз ей удалось прочитать все за несколько мгновений... несмотря на несвободное знание языка она поняла все.

— Да... подрабатываю где придется, — сказал Шерман через несколько секунд.

— Ладно... не буду тебя отвлекать..., - Света тихонько попятилась, пытаясь поскорее отойти от легкого шока.

Джонни наблюдал за сценой разговора, и как только он закончился, он поспешил к девушке.

— Ну? Получилось? Ты как-то напугано выглядишь.

— Дайте мне секундочку. Я хочу выйти на улицу.

Девушка осторожно вышла с кухни, чтобы не задеть работающих там людей. Падающие на крыльцо лучи сразу же заставили ее слегка прищурить миндалевидные глаза. Вскоре, на ее лицо вылезла улыбка... возможно, для того чтобы погреться.

— Света? — Осторожно позвал Джонни. — Ты в порядке?

— Да. Все хорошо. Просто у меня раньше такого никогда не было.

— Чего?

— Ну чтобы я читала не мысли отдельно, а сразу понимала, узнавала все, что человек думает... эээ... как сказать по-английски... чистое знание.

— И что же ты узнала?

— Да ничего особенного. Я всего лишь спросила Шермана, чем он еще занимается кроме лагеря, а он задумался всего лишь на секунду и я его жизнь увидела. Как он маленький хотел играть в американский футбол, как у него это хорошо получалось. Я знаю, что потом он связался с..., - девушка замешкалась, подбирая выражение, — странная вещь, я бы никогда так не сказала, но увидев его жизнь, я могу выразиться только так... ну, он связался с плохой толпой... смешная фраза. Потом он был драгдиллером, потом его подстрелили.

Света замолчала. У Джонни сложилось такое впечатление, что когда девушка рассказывала эту историю, она была и рассказчиком и слушателем... будто бы все это было записано у нее где-то, но она никогда слышала или не думала об этом. И вот только теперь, когда Света кратко, но в точности изложила жизнь Шермана, она задумалась, что же это значит.

— Ты все верно говоришь, потом его бросила первая жена, а вторая выходила... ведь он провел в постели...

— Полтора года, я знаю. Просто это так необычно. Двадцать один год я читала мысли людей, испытывала кучу комплексов и имела очень много проблем, но потом как-то попривыкла в итоге. Хотя скорее привыкла к комплексам и проблемам, чем к этой своей особенности. А теперь она прогрессировала. Теперь я могу человека...

— Видеть насквозь? — глаза Джонни загорелись.

— Вот, вот.

— Так это же просто замечательно! Наконец-то мы можем со стопроцентной вероятностью утверждать, кто есть кто в нашем мире.

— Но что это даст?

— Как что? Как что? Это дает такие возможности, о которых раньше я мог только мечтать в своих самых утопических ванных фантазиях.

— Простите?

Казалось, мужчина слегка смутился. Он быстро посмотрел на девушку, потом открыл рот и на мгновение замялся. Несколько раз он облизнул губы, а потом сказал:

— Просто у меня есть привычка размышлять о чем-нибудь глобальном только в ванной комнате. В других местах я могу только обдумывать что-то, а именно размышлять, планировать — только принимая ванну.

Света поняла не все слова, так например, употребленный Джонни глагол "планировать" звучит по-английски как "meditate", то есть очень схоже с русским звучанием слова "медитировать", которое означает немножко другое. Для русского слова "размышлять" Джонни подобрал такой аналог: "ponde", а вместо привычного уху Светы "обдумывать", американец сказал "reflect", девушка поняла это как "рефлектировать". Но она не могла

переспрашивать каждую непонятную фразу, иначе ее собеседникам пришлось бы все повторять по два раза, а потом еще и разбирать по отдельным слова. Девушка просто выцепляла что-то знакомое и по смыслу догадывалась о значении целого предложения.

Раскрыв свой небольшой секрет, Джонни немного подождал не последовавшей реакции Светы, а потом вернулся к интересующей его теме.

— Так что, Света..., кстати, а как тебя называет мама?

— Зачем? — спросила девушка скорее не для того, чтобы узнать причину вопроса, а потому что она его не до конца поняла и решила по ответу на свой "зачем" догадаться о его смысле.

— Просто ты мне становишься так дорога, что я хочу называть тебя самым теплым именем, какое только возможно.

Девушка задумалась и заулыбалась вместе с этим.

— Попробуй Светик, Светочка, Светланка.

Джонни повторил каждое слово. Ближе всего к истине у него получилась "Свэточка".

— Повторяй за мной, — сказала девушка, — Све-то-чка, Све-то-чка, Све-то-чка.

Через минуту произношение американца стало вполне достойным и Света решила остановиться на этом.

— Вот так и называет меня мама.

— Светочка. Светочка, — еще раз почти без акцента повторил Джонни, — так вот, Светочка, спасибо тебе большое что ты есть и что приехала в такую глухомань. Ты не представляешь, как много тебе предстоит... сделать... или лучше сказать, решить, не только в моей жизни, но в судьбе целого мира. Я надеюсь, ты не откажешься работать со мной и со всеми теми, кто помогает мне в этом лагере, — тут он осекся и сразу же поправился, — со всеми теми Личностями, кто помогает мне в этом лагере. А кто это, нам предстоит выяснить, и чем быстрее мы это сделаем, тем лучше.

Но я не смогу пробыть у вас очень долго, мне надо назад, к маме.

— Не беспокойся, твоя мама приедет сюда, я обеспечу вас деньгами, если тебя волнует этот вопрос, а совсем скоро, необходимость в деньгах вообще отпадет. Мы создадим общество, в котором будут только Личности, Сверхлюди... и никаких тупорылых Ботов, чертовых роботов, безмозглых существ, в таком количестве сейчас заселяющих нашу планету. И когда этот балласт исчезнет... наша цивилизация полетит вперед по лестнице прогресса со скоростью... ну скажем, со скоростью света.

Света подумал, что ведь ее имя переводится на английский как "light" — "свет", переводится не совсем точно, но если бы кто-нибудь из англоговорящих спросил бы ее: "что означает твое имя", она не задумываясь ответила бы "свет". И от этого, выражение "полетит со скоростью света", она восприняла на свой счет. Ведь можно было подобрать другую метафору... "полетит как катер "метеор" по реке Амур" или "как Шумахер на своем болиде" или "полетит со скоростью леопарда, гонящегося за добычей", а лучше даже будет "со скоростью антилопы Гну, убегающей от леопарда", но бессознательно Джонни выбрал самый точный вариант. Единственным, что могло вмешаться в эту точность, была неуверенность Светы в том, что она готова так кардинально поменять свою жизнь и отдать свой талант в служение идеям малознакомого ей человека.

Конечно, еще с самого детства она думала, что ей предстоит выполнить что-то важное в этом мире... задание Родины, направленное на борьбу с Буржуями...., потом оказалось, что Буржуи это и есть ее нынешняя Родина. Потом она долго раздумывала о применении своего

таланта... находила разные пути, но ее всегда пугал вариант, при котором ее начинали коварно использовать в своих целях. Ведь не зря же существуют 102 серии "Альфа", на всей протяженности которых пришельца с Мелмака добрые американцы прячут у себя в доме от посторонних, чтобы его, не дай Бог, не забрали спецслужбы для своих ужасных опытов. Так что, каковы бы ни были намерения Джонни, она еще очень хорошо подумает, прежде чем окончательно согласится принимать в них участие... или лучше сказать, что она хорошо подумает, прежде чем согласится принимать в них окончательное участие? В том смысле, что она была не против того, чтобы немножко помочь Джонни, но вот идти с ним до конца... этого она еще не решила.

— О чем ты задумалась? — прервал Светины размышления Джонни.

— О твоих словах.

— И как?

Девушка улыбнулась в ответ, потом спустилась на одну ступеньку с крылечка и, оказавшись спиной к Джонни, улыбнулась еще шире, зажмурила глаза и поджала губы. А когда на ее лицо вернулось привычно выражение, она обернулась и спросила:

— С кем мне теперь поговорить?

— А как насчет Шермана? Это хорошо, что ты сразу увидела всю его жизнь, но все же... ты уверена, что он Личность? Лучше бы нам не ошибаться.

— А почему ты так переживаешь? Я поняла, что ты говорил, но... какой-то процент ошибки будет присутствовать в моей работе, без этого не обойтись.

— Да... наверное, просто у меня есть подозрения, что Боты могут подчиняться кому-либо или чему-либо. В таком случае, любой из них может представлять реальную угрозу нашему новому обществу.

— А что же ты планируешь делать с Ботами, чтобы они не представляли эту реальную угрозу нашему новому обществу?

— Изолировать, — ответил Джонни и девушка не проверила его мысли в этот момент.

— Касательно Шермана, — левый уголок ее губ слегка приподнялся, образуя гладкую холмистую возвышенность из кожи. — Реши сам, ты знаешь не меньше меня. Только не забудь сказать, кто он, Личность или Бот, чтобы в следующий раз на его примере я могла выносить свой жестокий вердикт. Потому что сейчас я понятия не имею как разделять людей. Я могу представить только теоретически, но в конкретном случае я прошу помощи у тебя.

Джонни сдвинул брови и его лоб разрезала глубокая морщинка.

Света не выдержала и тихонько подсмотрела его мысли, залезла не так глубоко, как в Шермана, несмотря на то, что ей очень этого хотелось, а лишь слегка заглянула.

"Не делают выбор, не делают выбор, не делают выбор, challenge, challenge, challenge". Первое слово она понимала отлично, а вот второе ей было незнакомо. И что это все значило?

Глава 22. Александр. Продолжение дневника 4

Я встретил Светку, когда возвращался из какого-то showerhousaa. Душевой по нашему. Она шла такая вся, глубоко задумавшаяся, что ли. Рядом плелся Джонни и бегаящим взглядом искал что-то вокруг себя, но не очень активно, будто он не был уверен что следует искать, но на всякий случай осматривал кустики и лужайки, мимо которых проходил. Завидев меня, она не бросилась в мои объятия, как я ни надеялся, а просто отвела глаза даже не сделав головой привычного для знакомцев жеста "Whats up". Ну это когда кивают головой не сверху вниз, а наоборот, снизу вверх ее, как бы, подкидывают. Я сначала смутился. Иду в фартуке таком, одноразовом полиэтиленовом, из под него торчат загорелые ноги, сандалии такие понтовые, не промокающие, на руках перчатки одеты, как у врачей такие, матовые... тащу с собой большой белый мусорный пакет, в котором у меня всякий стаф лежит. Мыло жидкое, большая канистра, потому что знаю, что в соседнем туалете оно кончилось и самое ближайшее место, откуда его можно принести, я только что помыл. Вот и тащу из той кладовой. Туда потом со склада принесу, взамен. Или босса попрошу, пусть он на машине заедет, а-то в горку тяжести таскать не легкое дело.

Я остановился на холме, вроде как на развилке тропинок. По одной ко мне ползут Света с Джонни, по второй иду я, а третья... третья как раз та, что мне нужна. Но я остановился. Мешок на землю бросил, перчатки сорвал, скомкал и закинул в мешок. Фартук решил оставить и не портить. Перчаток-то везде куча, а за фартуком на кухню надо идти. Лень.

Наконец, эти двое до меня добрались. Света бросила лишь взгляд на меня и тут же отвела глаза, будто испугалась чего.

— Привет, — говорит, а сама смотрит в землю.

Джонни тоже поздоровался и тоже смотрел при этом не на меня, а на Свету. Та, будто почувствовав его взгляд обернулась.

— Ну как тебе у нас? — я специально говорил по-русски.

— Миленько, — ответила девушка совершенно спокойно и лишь в тот момент, когда она произносила последний слог этого слова, ее голова резко дернулась, а глаза устремились на меня. Тут же она выпалила, — Слушай, Саш, а что по-ихнему значит "челенге"? Я знаю, что не правильно произношу, но не поправляй меня, не произноси это слово, его не должен слышать мужчина, который стоит у меня за спиной. Просто скажи что это значит.

Джонни переводил взгляд с меня на Свету и обратно, будто следил за партией в настольный теннис. Причем, ему не важно было, кто из нас при этом говорит, он будто бы пытался прочитать все интересующее его на наших лицах.

— Вызов, — говорю, — ну или дуэль. Кажется. Просто есть жанр компьютерных игр — спортивные симуляторы. И в заставке фирмы, выпускающей самых известных представителей этого рода звучит как раз слово "Вызов".

Света кивнула головой и сказала:

— Вызов, выбор... странно.

— Чего?

— О чем вы говорите, ребята? — не выдержал Джонни.

— О деле, — спокойно ответила Света. — Ты же сам велел. А теперь мешаешь?

Мужчина слегка напрягся, но тут же расслабился, улыбнулся, а потом, и рассмеялся.

— Ладно, я пойду в свой кабинет, сделай сама знаешь что и зайди ко мне.

Хлопнув мен по плечу, он ушел от нас. Ему в офис надо было... как раз той же дорожкой, что и мне. Я решил, что дождусь тут пока он пройдет подальше, и только потом пойду следом. Ну не в смысле, что следить за ним пойду, а просто пойду по той же дорожке, что и он.

— А чего тебе этот выбор, вызов, а? — спрашиваю.

— Да Джонни, блин. Велел мне тут ходить и всех распознавать. Только ты сам понимаешь, никому ни слова. Тебе-то я могу рассказать, в конце концов, ты меня сюда и привез. Так что имеешь право быть в курсе. А я знаешь, как на кухню зашла, как подошла к этому..., к Шерману, так сразу всю жизнь его в одну секунду и увидела. Даже не увидела, а узнала. Раньше я просто мысли людей читать могла, а теперь еще и узнавать получается... за секунду. Раньше только видеть могла мысли, а теперь за секунду все знаю о жизни какого-нибудь бедняги. И еще, так приятно говорить по-русски.

Ну тут, понятное дело, я начал офигевать, мягко выражаясь. Сначала в моей голове закружились разнообразные соображения, а потом вдруг раз, и наступил ступор. Как раз в тот момент, когда я приоткрыв рот должен был вроде бы сказать что-нибудь умное на доверительный монолог Светы, мой мозг взял таймаут. В самый разгар рабочего дня. Получилась такая ситуация, будто водитель приехал выгрузить песок из кузова своего грузовика на чей-нибудь дачный участок. Приехал значит, остановился, начал поднимать кузов, песок начал высыпаться и, когда кузов встал в вертикальное положение, то песочек из него уже не выходил, потому что на земле образовалась огромная горка по высоте превышающая грузовик. А водитель, вместо того, чтобы проехать немного вперед, образовывая больше места для выгрузки, заглушил мотор, вылез из кабины, взял в зубы папиросу и попыхивая ею направился к пивному ларьку.

— Ой, — одумалась Света. — Ты же не знал про мой дар, да? Я же боялась тебе сказать.

Тут я сподобился кивнуть головой и прикрыть рот, а то где-то в уголке губ уже начала скапливаться слюна и лицо мое все больше и больше стало походить на туповатую морду Юры-утюга из моего университета. Прозвище это он получил в тот период времени, когда разгуливал по городу с краснющим, даже ближе к бордовому оттенку, ожогом в форме треугольника во весь лоб.

— Ну так вот, теперь ты знаешь о моем таланте, — сказала Света, поняв, что от меня словесного поноса терпеть не придется.

Подумалось мне, что эно оно как вышло. Наши, тьфу ты, американцы в смысле, хотели заполучить русскую ведущую, подозревая, что она умеет читать мысли других людей, а благодаря совершенно случайному стечению обстоятельств, среди которых, без сомнения, и мое прибытие в штаты, их лагерь посетила самая настоящая читательница мыслей — Света, о существовании которой они и знать не знали, как только что родившаяся на деревенской дворянке блоха не ведает о существовании 2-(Д-глюкопиранозидо) — Д-фруктофуранозиды. (название абсолютно реальное, кому интересно, милости прошу покопаться в интернете или в интересных книжках по химии высокомолекулярных соединений).

Значит, подумалось мне, Света сейчас будет все тут разруливать насчет ботов и личностей?

— Значит, — сказал я, — ты сейчас тут все будешь разруливать насчет ботов и, как их называют, личностей?

Девушка устала на меня.

— А насколько это общедоступная информация? — спросила она.

— Какая именно?

— Ну что я здесь для этого.

— Про тебя, насколько я понимаю, мало кому что-либо известно. Но вот та ведущая, ради которой мы ехали в Нью-Йорк, была предназначена для задач, которые теперь придется решать тебе, — потом я помолчал и добавил, — как я понимаю.

Света кивала.

— Мне надо, пообщавшись с каждым работником лагеря, определить кто есть кто и доложить об этом Джонни.

— А как ты собираешься это делать? Я имею в виду, определять кто есть кто.

— Ну понятно, что ты имеешь в виду, не дура. Не могла же я подумать, что ты интересуешься в какой форме я буду делать доклад для Джонни. Устной или письменной, например.

Вот именно так она мне и сказала. Зарядила какую-то несусветную чушь про форму доклада, как будто в такой момент могло возникнуть между нами недопонимание... словно я могу интересоваться цветом ее трусиков когда мы, закутанные в стотонные шубы, вдвоем стоим на самом северном полюсе и готовимся голыми руками отражать атаку обезумевших чукчей-оленоводоов, моряков с затонувшего рядом ледокола и белых мишек.

— Света, — прервал ее я, — ты понимаешь, о чем я.

Она опять грустно кивнула. Я пожалел, что у меня нет с собой пакетика — поймать вот-вот готовую сорваться с ее глаз слезу. Может быть моя докторская перчатка сойдет для этих целей? Ну в смысле сошла бы.

— Я не знаю, Саш. Не знаю. Джонни как мог пытался объяснить мне кто такие боты, но легко воспринимать это в теории, а когда дело доходит до живых людей...

— Хм... ну Чип мне рассказал вкратце, кто такие боты.

— И что ты думаешь?

— Думаю, что если пытаться судить по роду занятий, по работе, ну то есть смотреть на то, чем человек себе деньги зарабатывает — то получится хрень. Меня, например, не смущает какой-нибудь адвокат или учитель английского или олигарх... да меня даже сантехник не смущает если при этом все они получают деньги достаточные для реализации своих желаний. Я, знаешь ли, тоже вынужден заниматься некоторыми неприятными мне вещами и мытье тутошних унитазов совсем не при чем, просто в нашей жизни куча разностей, смысл которых давно уже растворился где-то в истории... или, если попробовать сказать по красивее, просеялся через сито времени. А все стоящие и настоящие вещи через это сито не просеиваются.

Света даже не нахмурилась, пытаюсь понять, о чем я говорю. Видимо, была слишком погружена в свои мысли, а может быть, пыталась прочитать мои. Хотя ей и пытаться не надо, взглянула раз внутрь и вся моя жизнь как на ладони. Красота.

— По развитию интеллекта..., - продолжал я тем временем, — не знаю. Самое ли нужное это в жизни или нет. Мне кажется, собака зарыта где-то в сфере удовольствия. Вот если умеет человек получать удовольствие от всего... ну или от как можно большего количества вещей... тогда он крутой и не пропадет. А если мало того, что живет никчемной жизнью, так еще и загоняется по каждому пустяку... тогда... ну не знаю, Бот ли он тогда или просто глупец.

Света молча смотрела мне в глаза. Я боялся, что она копается в моем мозгу.

— А ты сейчас мысли мои читаешь? — спросил я.

— Ты что, — встрепелась она, — я никогда не читаю мысли человека, с которым я разговариваю и который мне не безразличен.

— Но ведь Джонни дал тебе задание установить классовую принадлежность каждого работника лагеря.

— Ну и что? Разве я так не вижу кто ты есть такой.

— И кто же я?

— Прекрати, ты меня понял.

Тут я улыбнулся.

— Свет, а что будет делать Джонни потом, когда разберется с тем, кто есть кто из его служащих.

— Не знаю, у него какой-то план по изоляции одних и других. Хочет разделить людей, чтобы их способности лучше проявлялись.

— Ты имеешь в виду Личностей?

— Ну да.

— А Ботов он что, уволит?

— Не знаю.

— А его самого ты проверила или он вне подозрений?

— Я думала об этом. Но исходя из его теории, до такого мог додуматься только человек, принадлежащий к классу Личностей.

— Додуматься до всей этой паранойи?

Света улыбнулась и снова кивнула.

— Ну не знаю. А тебе это самой нравится?

— Как тебе сказать... я всю жизнь хотела найти применение моему дару и сейчас, кажется, нашла. По крайней мере, ничего подобного мне не встречалось. Тут не важно, чем я буду заниматься, главное, что есть применение дару. Мне все равно, рассматривать Личностей и Ботов или быть машинисткой-секретаршей у немого и безрукого гениального писателя.

Потом мы попрощались и разошлись в разные стороны, Света направилась на поиски объектов для своего исследования, а я продолжил свой путь из одной душевой в другую.

Вам может показаться, что я чересчур спокойно воспринял всю эту фантастическую информацию относительно читающей мысли девушки и деления людей на безумных или бездумных Ботов и трезво рассуждающих Личностей. Да, действительно я отнесся к этому достаточно хладнокровно, сам не знаю почему. Так случилось, что человек я достаточно невозмутимый. В глобальном плане. То есть кричать и ругаться матом я могу, но впадать в глубочайшие и продолжительные депрессивные состояния мне совсем не по душе. Рефлексировать по поводу уже случившихся событий я тоже не большой любитель. Поэтому и в этот раз, столкнувшись с отнюдь нестандартной ситуацией, я не стал рвать на себе волосы и поражаться миру, а достаточно спокойно принял новую информацию и попытался здраво рассудить, что с ней делать и как дальше жить.

Итак, вовлеченный в эти мысли, я и направил свое тело мыть следующую душевую.

Глава 23. Света и Художник. Двухдневная работа и двухдневные размышления

После беседы с Ланни Художник много думал. Думал и рассуждал. Два дня он мало спал, а когда все-таки засыпал, даже во сне его голова продолжала работать. Он мало разговаривал даже с Ланни и остальными куками перекидывался лишь парой фраз за день.

Все работники лагеря, кто действительно интересовался этим, уже догадались и обсудили миссию новой русской девушки Светы. Но никто не избегал встречи с ней, наоборот, иногда даже образовывались небольшие очереди желающих с ней пообщаться. Некоторые люди готовились к этой беседе и тут их фантазия не имела предела. Кто-то читал интересные книги в надежде проникнуться занимательными мыслями и выдать их если не за свои, то хотя бы пропитать внутренность головы нужной атмосферой размышлений и исканий. Другие наоборот, предпочитали сидеть в тишине и, если можно так выразиться, медитировать, собрать все свои мозги в кучу. Причесать их, разгладить на них одежду, умыть и наодеколонить, чтобы перед проверяющей девушкой они предстали в самом лучшем виде.

Во время беседы так же существовало несколько моделей поведения, активно обсуждаемых в народе. Одни предлагали брать инициативу на себя и вываливать на Свету как можно больше информации. С одной стороны это, якобы, показывало обилие имеющихся у тебя мыслей, а с другой стороны такой метод должен был заставить Свету внимательно слушать собеседника и не давать ей сконцентрироваться на проникновении его мозга.

Другая стратегия была почти прямо противоположна предыдущей. Суть заключалась в коротком и четком ответе на вопросы и сильном концентрировании и упорядочивании своих мыслей. Дескать, милости прошу в мою голову, прочти все сама, мне нечего скрывать.

Но вся соль заключалась в том, что ни те, кто уже общался со Светой, ни те, кому это еще только предстояло сделать, не могли сказать, какой из вариантов поведения лучше. Кроме того, никто даже не мог сказать, можно ли эти варианты сравнивать с целью выявления "лучшего" ну или хотя бы "оптимального". Ведь результаты собеседования не оглашались, а понять что-нибудь по всегда сосредоточенному лицу русской девушки было невозможно. К тому же, вместе с ростом количества собеседованных человек, неумолимо росло количество мимических морщин на лице Светы. К вечеру первого же дня ее глянцевого до этого лоб стал похож на батарею центрального отопления, такое количество вертикальных ложбинок появилось на нем. После ужина девушка отказалась беседовать с кем-либо еще и просидела два часа в шезлонге, рассматривая местами бурлящую поверхность воды.

На следующий день она опять возобновила свою деятельность. С утра на ее лице можно было заметить улыбку, но после первой же беседы с Бредом, отвечающим за лодки мужчиной, она исчезла. Примерно через два часа после окончания завтрака Света опять сидела в деревянном шезлонге и рассматривала озеро.

— Это чтобы водоросли не росли, — незаметно подошедший Художник приземлился в соседний шезлонг.

— Пузырьки?

— Ну да, через воду пропускают кислород, чтобы пруд не зарастал всякой зеленушкой.

Из проложенных по самому дну труб поднимаются пузырьки кислорода.

— А я вчера весь вечер думала, что это такое. У меня даже было предположение, что это горячую воду добавляют, чтобы детям было не холодно купаться, — Света улыбнулась. Но улыбка наложилась на страдальческую гримасу и выражение лица в целом было мало приятным.

— Извини, но мне кажется, что вчера вечером ты думала не об этом.

Девушка развела руками.

— Нелегкие деньки. Чем больше общаюсь с людьми, тем сильнее путаюсь.

— Не можешь разобрать, кто есть кто?

— А я пока не разбираю, я все записываю. Потом буду разбираться. Или вообще, отдам все Джонни — пусть он голову ломает, если это ему очень надо.

— Когда думаешь со мной поговорить?

Света не ответила.

— Может сейчас? — снова спросил Художник.

Девушка кивнула.

Художник поерзал в шезлонге и, устроившись поудобнее, положил вытянутые ноги на деревянный бордюр.

— Поможешь мне? — неожиданно резко спросила Света.

Парень ответил через небольшую паузу.

— Конечно, — при этом давно позабытое чувство зашевелилось у него в груди.

— Расскажи, что ты думаешь обо всех этих Ботах и Личностях.

— Ты спрашиваешь это у каждого?

— Нет. Вовсе нет.

— А почему же ты спрашиваешь это у меня?

Света опустила взгляд на свои согнутые в коленках ноги. Вчера она слишком долго пробыла на солнце в коротеньких шортиках и сегодня ей пришлось прятать покрасневшую кожу под легкими хлопковыми штанишками.

Аккуратным ноготочком на указательном пальце она водила вокруг шляпки всаженного в ручку шезлонга гвоздя.

— Вчера я столкнулась с тобой в столовой, помнишь? Во время ужина. И абсолютно нечаянно залезла к тебе в голову. Сама не знаю, как так вышло. Мне очень понравилось то, что у тебя там было. Но тогда это был только самый разгар размышлений и мне бы хотелось услышать окончательную версию.

— Но ведь ты можешь прочитать все сама. Без моего разрешения.

— Я не хочу. Почему вы все так плохо обо мне думаете, — чуть повысила голос Света, — мне нравится общаться с людьми, а не лазить по их мозгам. Кроме того, если вы думаете, что внутри ваших черепов очень приятно находиться, то спешу вас огорчить. Кроме редко встречающихся здоровых и имеющих заверченный вид мыслей, там полно всякой гадости, от которой меня не редко просто-напросто тошнит. Вы, друзья мои, далеко не ангелы в своих помыслах. Так что копаться в ваших головах — не самое приятное занятие.

Художник молча проглотил этот эмоциональный монолог.

— Прости, — успокоившись, сказала Света, — я имела в виду не тебя. Вчера денек выдался ото еще, да и сегодня ожидается не лучше. Поэтому я и спрашиваю твоего мнения. Вдруг это поможет мне не съехать с катушек до вечера и представить более менее целостный информативный отчет.

— Тебе это не нравится?

— Закончить я должна. Мне интересно, — Света повернула голову и пристально посмотрела в глаза Художнику. — Ну что, поможешь мне, ладно?

— Куда деваться, — улыбнулся он. — Ты права, я действительно кое о чем думал и кое-что придумал.

— Я превращаюсь в одно большое ухо и внимательно тебя слушаю.

— Постой..., если можно, оставь еще и свое личико.

Света вопросительно выгнула брови.

— Мне нравится на него смотреть, — сказал Художник и абсолютно алогично отвернулся в другую сторону.

Девушка звонко рассмеялась.

Через семь с половиной секунд тишины, в течение которых было слышно как солнечные лучи проходят сквозь Земную атмосферу, Художник начал:

— Мне кажется, что в первую очередь Боты — это люди, которые не оглядываются, не задумываются или делают это очень редко. А если попробовать выразиться точнее — это люди, ограниченные уровнем развития цивилизации, мира, в котором они живут. Все их познания и все их реакции на события и размышления над чем-либо и все их никчемные мнения никогда не выйдут за текущий уровень развития человечества в целом или конкретной локальной группы, к которой они принадлежат. Если таких людей учить с детства, что Земля держится на трех слонах, которые, в свою очередь, на велосипеде едут за мороженым, то эти люди, не задумываясь, сожгут любого, кто посмеет утверждать, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. Действительно, что делать с таким чудачком, если любому младенцу известно, что Солнце — нарисованный животными красками кружок на папирусе неба.

Сделать самостоятельный вывод для них крайне сложно, а если он будет идти в разрез с общественными устоями или противоречить уже кем-то сказанному, то... да что я говорю, они вообще не способны делать собственные мало-мальски значимые выводы.

Света внимательно слушала. Художник набрал полную грудь, развел руками в воздухе и задержал их навесу на несколько секунд. Потом опустил на ручки шезлонга и начал говорить, выпуская воздух из легких.

— Короче, подводя итог, скажу, что это, в первую очередь, люди, не способные обернуться, осмотреться, задуматься и шагнуть вперед, на неизведанную почву. На нетронутый снег, так сказать.

— А что скажешь насчет того, что Боты, якобы, не могут сделать выбор. Или они могут, но не делают? — спросила Света.

— Не знаю, — выпалил Художник. — Я бы предпочел не отвечать на такие вот вопросы. Потому что их можно задать миллион и над каждым из них мне придется очень долго биться. Я рассказал тебе то, что думаю я. Исходя из моих выкладок ты сама можешь ответить на свой вопрос. Попробуешь?

Света задумалась.

— А? — Художник выжидающе смотрел на нее.

— Твоя теория ничего не говорит по поводу выбора.

— Да. Вот видишь. Ты сама себе ответила.

— Не поняла? Каким образом? Я всего лишь сказала, что следуя твоей теории на этот вопрос невозможно ответить.

— Нет, стой. Не так, — Художник замахал руками, — ты только что дала совершенно верный ответ: "твоя теория ничего не говорит по поводу выбора". Только это значит не то, что следуя ей, нельзя ответить на вопрос, а наоборот — это и есть ответ. Если я ничего не сказал про выбор, значит абсолютно не важно, делают ли они выбор или нет. В конце концов, последствия сделанного или не сделанного выбора попадут в поле действия выдвинутых мною критериев. Помнишь их? Осмотреться, задуматься, выйти за пределы... неизведанного что ли.

— Поняла, — сказала девушка.

— А как тебе в целом?

— Сейчас вот мысленно пытаюсь прикинуть сколько человек из опрошенных мною за вчерашний день попадают в разряд "Боты" по твоей классификации.

— Мне очень любопытно.

На некоторое время опять вернулся звенящий звук проникающих сквозь атмосферу солнечных лучей.

— Оказалось проще посчитать тех, кто попадает в "Личности".

— И? — От нетерпения Художник даже сел в шезлонге поджав ноги к груди.

— Давай считать вместе. Джонни — потому что он с этой своей затеей точно шагнул в девственный снег на неизведанном доселе уровне.

Художник ухмыльнулся и кивнул.

— Я, — ну потому что я тоже этим занимаюсь и вообще, потому что это я. Ну и, пожалуй все.

Парень нахмурился.

— Вот на счет тебя я не знаю, — спокойно сказала Света. — Разве ты ступал на новую территорию? Прыгал выше головы? А?

— Ну как тебе сказать. Если не брать в расчет моего творчества, то... прямо не знаю, что и ответить, — он опять ухмыльнулся. — Осматриваться я вроде осматриваюсь, думать — думаю, оглядываться — оглядываюсь. Про неизведанное... ну если попробовать осторожно, не хвастаясь то..., возьмем хотя бы мою теорию, которую я тебе только что выложил и руководствуясь которой ты сейчас выносишь мне вердикт. Разве для тебя это было не новостью? Не новым методом и новым определением проблемы? А раз так, значит я побывал на совершенно новой территории, а потом рассказал о ней тебе.

— Да брось ты. Таким Макаром сотни тысяч людей каждую минуту входят в неизведанную зону.

— Я немножко утрировал, конечно, ты права. Но в то же время, вот такие маленькие шажки и прокладывают дорогу на другой уровень. Сначала размышление, осознание, потом постановка проблемы или формулировка вопроса, затем начинаешь искать варианты решения или ответа. Дай мне еще пару дней, за которые я проникнусь этой темой насквозь и буду готов дать тебе любую информацию о Ботах, Личностях, особенностях их сосуществования, все что угодно.

— Но есть один нюанс. Кто может заверить меня в правильности твоих слов. Ты же можешь ошибаться.

— В принципе могу. Но с высоты приобретенного житейского и интеллектуального опыта могу тебе поручиться за абсолютную истинность моих слов. По крайней мере, в допущениях нашего мира моя информация будет абсолютно верна.

Но если это тебя не впечатляет, то ничем не могу помочь. Просто сделай выбор, либо ты

полностью доверишься мне, либо нет. В свою пользу могу сказать, что я с этой очень интересной ситуацией обязательно разберусь. Я давно искал ее.

— Но пока ты с ней не разобрался, что делать мне? — Света казалась очень растерянной.

— Делай то, что делала. Доложи Джонни о своих результатах.

— Но я не знаю, как разделить людей.

— Тут я тебе точно не помогу, только если попробую сам опросить всех по второму раз, но во-первых, это вряд ли можно будет сделать технически, а во-вторых, как ни крути, но у тебя возможности лучше моих. А с критериями я тебе вроде помог.

Света встала с шезлонга, посмотрела по сторонам и потянулась.

— Кстати, а что ты думаешь о Ланни? — спросил Художник.

— Личность, — через три секунды ответила Света.

— А русские?

Девушка хмыкнула, нахмурилась и закатила вверх глаза, вспоминая что-то.

— С бабами нашими беда, — начала Света. — Все, кроме одной, совсем никакие, а та то ли какая-то Личность начального уровня, толи весьма странный Бот, заделанный под Личность начального уровня. Может быть, я сделаю какую-нибудь пометку напротив ее фамилии в отчете, но подруг всех запишу в Боты.

— Парни?

— С тобой мы вопрос решили, — улыбнулась девушка, — а из остальных. Ну интересен Саша...

— Ты с ним была знакома до этого, да?

— Да, но это не играет роли.

— Как скажешь.

— Так вот, он довольно пассивный, но при этом в нем что-то определенно есть. Да и по критериям твоим вроде подходит... единственное, с неизведанным опять заминка выходит. Думаю, он из наших.

Художник бросил взгляд на вход в столовую, там как раз появился Ваня.

— А Ваня? — спросил Художник и кивнул в сторону паренька.

Света обернулась и ответила:

— К сожалению, я его не рассмотрела. В смысле, не разглядела ничего необычного.

Тем временем, Ваня подошел к ним.

— Чего вы тут?

— Тебя обсуждаем, — глядя ему в лицо сказал Художник.

— Да ну?

— Ну да.

— И чего?

Художник вопросительно глянул на Свету, та испуганно помотала головой.

— Решили, что ты Бот, — сказал Художник.

— Ты чего? — возмутилась Света.

— Да ладно? — удивился Иван.

Художник сначала обратился к девушке:

— Все нормально, сейчас ему расскажем. Вдруг это даст нам что-то новое.

А потом к парню:

— Я думаю, ты даже спорить не будешь, тут все уж чрезвычайно очевидно.

— Ну а кто ты? Себе-то хоть не ври! — тут Художник повернулся к Свете и незаметно для Ивана подмигнул ей. — Ты вот хоть когда-нибудь думаешь о чем-нибудь великом?

— Например? — насупился парень, — Об искусстве или науке? В пределах моих познаний думаю. Но е-мае, разве это показатель? Что, типа все политики и ученые — личности, а нормальные люди типа меня — Боты?

— Вот смотри, — Художник опять обращался к Свете. — Очень примечательно, что он безоговорочно ассоциирует себя с другими "нормальными", как он выразился, людьми. Абсолютно не чувствует собственной индивидуальности. Кем же он может быть, если не Ботом.

— Мало ли, у него проблемы с самоидентификацией, — предположила Света. — Может же он быть Личностью, которая это с трудом осознает.

Художник развел руками.

— Вань, — обратился он к парню, — ты в университете учишься?

— Да, вместе с Александром.

— И как, нравится?

— Нормально.

— А когда закончишь, свяжешь жизнь со своей профессией?

— Не знаю, мне еще два года доучиться надо. Потом видно будет.

— А чем бы ты хотел в жизни заниматься.

— Мне пофиг, не знаю.

— Деньги тебе нужны?

— А как же!

— Зачем?

— Потому что деньги — эквивалент энергии, с ними можно все. Больше денег — больше энергии тебе подвластно.

— Хм, любопытное высказывание, — отметил Художник. — И где ты это услышал?

— Сам догадался.

— И где же?

— В метро, когда домой ехал.

У Светы было выражение лица, будто бы она очень хотела сказать: "вот видишь, чем больше он говорит, тем более непонятным все становится".

— Значит раздумываешь о жизни в свободное время?

— Бывает.

— А вот когда ты до эквивалента энергии допер, ты перед этим о чем думал?

— Не помню я.

— Может быть ты размышлял, — Художник сделал акцент на этом слове, — о том, что можно сделать с большими деньгами? Ну если бы они у тебя, к примеру, были бы?

— Может быть, не помню точно.

— Но такого рода мысли тебя посещают?

— Конечно.

— Мечтать любишь?

Ваня открыл было рот, но поспешил захлопнуть его и поджать губы, словно его коварно обманули.

— Не кажется ли тебе, что мечты о деньгах по своей природе очень похожи на мечты о женщинах?

— Есть немного.

— Как ты думаешь теперь..., вот ехать домой в метро с университета и размышлять о женщинах — это очень высокопарно?

— Смотря в каком плане размышлять. Можно и высокопарно, а можно и очень пошло.

— Ну да, все зависит от того, в каком ключе текут эти твои размышления?

— Точно.

— "Бабы дуры" — это, понятно дело, пошло, а вот "все женщины загадочны и непонятны" — это достойный вариант?

— Ладно, хоре прикалываться. А о чем ты мне предлагаешь думать? О температуре на поверхности Юпитера? Или влияние алкоголя на хромосомы моих разлагающихся приятелей? С первым моя жизнь вообще не пересекается, а второе меня попросту не колышет. Зато тема женщин присутствует в моей жизни. И взаимоотношения меня волнуют. И не только с ними, а вообще, между людьми. И работа моя будущая и жизнь, которую мне предстоит прожить. Вот об этом и думаю. Не на уровне "кто я Личность или Бот", а на уровне "как бы мне получше устроиться в этом мире". А если тебя сильно интересует тема "кто кого умнее", — Ваня ткнул пальцем Художнику в грудь, — то я тебе не завидую. Меньше нужно всяким бредом голову забивать и придумывать себе сказки разные, дела лучше делай, крутись, вертись и будет тебе жизнь с маслом. Ну, а если по приколу тебе очень хочется голову кому-нибудь повзрывать, то ты адресом со мной ошибся. Мой мозг вполне добросовестно выполняет свои функции и защищает меня от подобного спама. Ищи других дураков, короче говоря.

Я, знаешь ли, иногда позволяю себе даже почитать газету с дешевыми анекдотами. Я не загоняюсь, что умные люди такое не читают. Не надо хрени. Когда моя голова наработалась на совесть, ей можно позволить отдых. Тогда я буду читать анекдоты, разгадывать кроссворды или даже почитаю карманный детективчик. Хотя последнее, это вряд ли.

Ваня закончил и ждал реакции на свои слова. Художник молча глядел на Свету и, Ваня готов был поклясться, скорее любовался ею, нежели что-то другое. Света, в свою очередь, разглядывала дощатый пол и воду под ним.

— Да пошли вы, — махнул рукой Ваня, — и Саню с собой заберите, он, видите ли, посуду больше не моет. У него другая работа. Ты, Художник недоделанный, тоже можешь с кухни валить, раз мозг череп жмет. Придурки, блин, дети, запихают в голову всякой чуши и ходят выделяются.

Последние слова он говорил, уже удаляясь от Светы и Художника.

— Видела?

— Да.

— Ну и кто это по-твоему?

Глава 24. Гарри и Олег. В тылу врага

— Слышал? — спросил здоровяк Гарри.

— Да, — кивнул Олег.

— Понял?

— Ну то, что им последний паренек затирал, это еще можно понять, а вот когда они друг другу мозги выкручивали — извини, язык дураков понимать не обучен. И нахрен Майклу сдалась эта девчонка, толку от нее будет не много.

Гарри сидел прямо на земле и вертел в руках наушники. Прошлой ночью они хорошо потрудились и наштапиговали лагерь жучками. Правда, проникнуть на территорию оказалось не так-то просто, на входе, как они ни прятались, их заметил полуголый мальчишка с заткнутой за пояс футболкой и начал требовать с них сладости в обмен на его молчание. Пригрозив им поднять весь обслуживающий персонал на уши. Пришлось использовать легенду о санинспекции.

Весь сегодняшний день они прослушивали чужие разговоры, но наткнулись только на три действительно интересных. Два произошли между Светой и Художником и Светой, Художником и Иваном. Третий же, правда по хронологии он был подслушан раньше остальных двух, стал доступен им благодаря жучку установленному в шипе.

Глава лагеря обсуждал положение дел со своим первым помощником Дэном.

— Мы уже очень близки, — говорил он. — Вот-вот русская принесет мне списки и если я не засомневаюсь в их справедливости, то мы тут же приступим к действиям.

— Каким будет первое распоряжение? — подал голос Дэн.

— Мы уже обсуждали это. Из ненужных нам Ботов будет сформирован ударный отряд который мы обрушим на лагерь Майкла. Хорошо бы нам научиться внушать этим безвольным существам нужные приказы. А вдруг Света и это сможет?

— Ты опасаясь, что наши люди могут испугаться открытого конфликта с Майклом?

— Да. Опасаюсь.

— Затем я убью Труса. Того, кто отступился от нашего замысла. Кто оставил меня так же, как и Майкл. Затем мы сможем методично освобождать мир от присутствия Ботов. И когда последний тупица покинет наше общество, лишь тогда человечество сможет вступить в новую фазу прогресса. Я даже боюсь представить, какие горизонты откроются перед нами, если не надо будет тратить огромного количества энергии на этих муравьев и направить ее на нужные нам цели.

После этого разговор уходил в другую сторону.

Гарри шмыгнул носом и спросил Олега:

— Связываемся с центром?

— Пожалуй, больше нам ничего не остается. Дело принимает серьезный оборот, — сказав это, мужчина поежился от киношной заштампованности таких фраз.

— Думаешь, все так серьезно?

— Разве ты не слышал? Нас инструктировали, если речь пойдет о непосредственном противостоянии, нам нужно немедленно связаться с центром. Кажется, эту информацию я смог для себя четко уяснить.

Олег потер подбородок и кивнул в знак согласия с напарником.

К их удивлению, подмога прибыла чересчур быстро. Не прошло и трех часов, как вдалеке послышались выстрелы и крики.

— Началось, — сказал Гарри и всадил в нос дорожку кокаина.

— Вот блин, — по-русски выругался Олег и тоже снюхал наркотик.

Глава 25. Все те, кто был в лагере Джонни когда, наконец, началось крошево

Пять минивэнов, раздвигая темноту светом фар, влетели в ворота с эмблемой птицы и змеи. В стоящем рядом с въездом домике поваров окна горели, несмотря на глубокую ночь.

Шестой минивэн пронесся мимо, направляясь к дороге, ведущей в лагерь с другой стороны.

В тени около столовой стояли Гарри и Олег. Услышав приближающиеся машины, они нервно оживились и кинулись в их сторону. Через несколько минут пять белых микроавтобусов остановились цепочкой и потушили фары. Олег подбежал к кабине первого.

— Девушка в шип. Джонни настроен по-боевому, — тихо сказал он в открытое окошко.

— Где склад с оружием и где находятся их главные силы? — спросил кто-то изнутри.

— Насчет склада мы не знаем, пришлось бы перевернуть каждое здание здесь. Специально предназначенных для боевых действий людей мы тоже не нашли. Возможно, они еще не прибыли или потрясающе спрятаны.

— Сегодня ночью мы раздавим весь их потенциал, возьмем девушку и завтра же приступим к порабощению мира.

— Какие будут приказы относительно нас? — спросил Олег.

— Ты садись в машину, пригодишься, Гарри присоединится к остальным. Джон, ты возьмешь на себя руководство главными силами, пока я не вернусь с девушкой. Прочешите каждый домик. Нам нужно найти и ликвидировать всех работников лагеря.

Дверь машины отъехала в сторону и на землю прыгнул одетый в камуфляж мужчина, Олег признал в нем Джона — начальника охраны. Олег забрался внутрь и они поехали.

Перина тоже была среди прибывших. Ее оставили в машине под присмотром шуплого мужчины арабской внешности. В темноте его глазные впадины казались бесконечными трубами.

Вооруженные люди, конечно, пугали Перину, еще больше ее пугала полная и абсолютная неопределенность происходящего. Она бы точно поседела, но с другой стороны, все это казалось ей настолько нереалистичным, что она без конца перебирала в голове голливудские фильмы, пытаясь нащупать ассоциативные нити хотя бы с одним из них. Когда же это ей надоело, а самое близкое к происходящему, из просмотренных ею картин, оказалось "Марс атакует", но на смешную комедию ситуация никак не смахивала, она решила сама придумать сюжет и сценарий приключаящейся с ней истории. В тот момент, когда все минивэны прибыли в лагерь противника, она как раз расписывала третью сцену, в которой ее — главную героиню — коварно похищали прямо из Нью-йоркского ресторана.

Теперь она раздумывала, не пропустить ли ей последующие сцены и не приняться ли за придумывание той, в которой она сбегает из-под охраны араба. Но у него был пистолет, а она была в другом конце салона — шансов, что он не успеет выстрелить, у нее не было.

— Здесь, — громко шепнул Майкл и минивэн остановился в считанных метрах от шипа.

Очень тихо из него выгрузились девять человек с оружием. У троих были дробовики SPAS 12, у одного снайперская винтовка — ВСС Винторез российского производства. У

остальных были автоматы G11 фирмы "Хеклер и Кох" и пистолеты Кольт и Беретта.

Олег тремя взмахами руки указал места возможного проникновения в здание и пропустил вперед себя вооруженных людей во главе с Майклом. Они дельтой Нила растеклись по тропинкам и лестницам.

Олег видел, как бойцы переговариваются друг с другом через вшитые в манжеты микрофоны и даже слегка удивился размаху мероприятия. В очередной раз он понял, что никогда толком даже не догадывался, где и зачем работает. А что еще более странно, что его босс или кто-либо из коллег не торопились просветить его по этому поводу. Работает, мол, человек и ладно.

В двери, ведущей с веранды в здание, вырезали кусок стекла и, открыв замок, проникли внутрь. Первыми шел мужчина со SPASом, затем автоматчики. Последними вошли Олег и Майкл, оба вооруженные кольтами.

— Где именно она находится? — спросил Майкл.

— Я точно не знаю. Кажется все живут на втором этаже, на третьем лишь административный блок, — ответил Олек.

Майкл тут же передал эту информацию в манжет.

Они осторожно спускались по лестнице, так как вход с веранды вел сразу на третий этаж шипа. На втором этаже они встретились с группой, вошедшей внутрь через другой вход. Они начали прочесывать комнату за комнатой. Первые четыре оказались совершенно пусты и представляли собой кухни и что-то похожее на больничные палаты. В пятой, на одной из коек, было не заправлено постельное белье, но никого не было.

— Что это? — глаза Майкла даже в темноте заметно расширились.

Олег пожал плечами:

— Лазарет.

— Лазарет, — повторил Майкл. — Где женщина?

— Будем искать, — Олег вжал голову в плечи, будто бы она утопала в зыбучем песке своего собственного тела.

Через две минуты группа с первого этажа сообщила, что у них пусто. Второй этаж тоже был безлюден, на всякий случай они проверили третий — ничего, кроме бухгалтерских бумаг и прочей ерунды они там не нашли.

— Что это значит? — в голос кричал Майкл. — Где женщина? Свяжитесь с остальными, пусть тщательно обшарят весь лагерь. Всех пленных собрать в спортзале.

Другая группа, возглавляемая здоровяком Гарри, расположилась в длинном коридоре одного из зданий-близнецов, находящихся сразу за столовой. У двух дверей стояло по три человека, остальные располагались в холле и снаружи здания.

Гарри ногой вышиб дверь в комнату номер 12. Она была и без того открыта, стоило лишь слегка толкнуть ее рукой, ведь в лагере не закрывались друг от друга. Но почему-то мужчине показалось, что лучше будет вышибить ее с ноги.

Пять двухъярусных кроватей были пусты, но при этом в шкафчиках для вещей лежали пожитки, на полу валялась обувь, а возле раковины были разбросаны зубные щетки и тюбики с пастой.

Гарри выскочил в коридор. Он распахнул следующую дверь, сильно навалившись на нее плечом, дверь, так же как и предыдущая, оказалась незапертой, поэтому мужчина влетел в комнату и по инерции врезался в одну из двухъярусных кроватей.

— Что за гребанное дерьмо? — заорал он, — Где чертовы дети?

В другом доме точно таким же вопросом задался Джон — начальник охраны. В комнатах, где дети должны были мирно пускать свои невинные слюнки на чистые наволочки подушек и высовывать неотмытые пятки, никого не было. Вместо этого — кое-как заправленные кровати, разбросанные вещи и обувь.

Джон тут же приложился к микрофону на манжете куртки.

— Босс, никого нет.

В его маленьком наушнике раздался едва слышимый щелчок и зазвучал голос.

— У нас тоже пусто. Гарри, а ты как?

— Пусто, — в разговор влез Гарри.

— Остальные группы что-нибудь наблюдают? — спросил Майкл.

— Пусто.

— Пусто, — послышалось в ответ.

— Как дела у тыловой группы? — задал Майкл еще один вопрос.

Тишина.

— Тыловая группа, ответьте.

Все слушающие разговор замерли в ожидании.

— Тыловая группа, ответьте. Что за черт!

Тем временем Художник, Мэтью, Шерман и Света сидели в спрятанной лесной избушке у подножия холма чуть выше полей для игры в лакрос. Парни были вооружены, а девушка боялась. Сегодня вечером она случайно столкнулась с неизвестным ей мужчиной очень крупного телосложения. Она ни разу не встречала его до этого момента. Он был такой же здоровый как и Шерман, только он был белый. Тут же, совершенно машинально, она залезла ему в голову. Как она много раз утверждала, привычки лезть в мысли первому встречному или даже человеку, с которым они очень мило беседуют, у нее не было. Но тут он сделала это совершенно бессознательно и, как говорится, не прогадала. Осознав, что за мысли в этой здоровенной, похожей на помятую тыкву голове, она тут же побежала к Джонни и предупредила его о готовящейся ночью диверсии и о шпионах в лагере. Джонни отреагировал быстро и эмоционально, но отнюдь не растерялся и не потерял голову от переживаний. Наоборот, ей даже показалось, что он ждал этого известия и была некая радость в том, что наконец-то эта долгожданная новость пришла к нему и все его приготовления не были напрасны. Так бывает, если готовишь кому-нибудь ну очень неожиданный сюрприз, рассчитанный, исходя из того, что ты очень хорошо знаешь человека, кому его готовишь. Джонни тут же начал давать приказания по телефону, бегал по кабинету, кричал в трубку. Потом чмокнул Свету в щечку и выбежал вон из комнаты, как пуля из ствола. Через несколько часов все были оповещены и действовали в соответствии с какими-то древними планами, разработанными еще при местном царе Горохе.

Художник тоже получил задание. Впрочем, никто из русских не остался без дела. Но в настоящий смысл событий из них посвящены были лишь Александр, Художник, Света и Иван. Да и то последний лишь из-за своего друга Александра. Ему приказано было крепко держать язык за зубами и присматривать вместе с другими вожатыми и русскими за детьми, которые из своих бараков были переведены в специальное место высоко на холме. Им объявили, что этой ночью будет чудесный поход-сюрприз, в который они идут всем

лагерем. На сборы дали очень мало времени и предупредили, что уходить надо будет маленькими группками и через такие тропы, где их никто не заметит. Это, мол, часть игры.

Художник и Александр получили оружие. Художника направили оберегать Свету, дав его в помощь Шерману и Мэтью. А Александр вместе с остальными бойцами остался в лагере.

— Ох, чешутся же у меня кулаки, — пожаловался Шерман. — Так бы и вздул бы сейчас кого-нибудь из этих притворских сектантов. А ведь и дураку понятно, чего они хотят. Хотят истребить всех Личностей в этом мире.

— А кто же тогда они сами? — спросила Света, — Боты?

— Да хрен их разберешь. Они-то могут быть кем угодно. И хотеть они могут чего угодно, главное, чего хочет их босс — Майкл.

Мэтью сидел очень тихо и не прекращал запускать и вытаскивать раскрытую ладонь в свои курчавые волосы.

Художник рассматривал окружающие их деревья через мелкую сетку окна. Света нечаянно читала его мысли. "Очень интересно. Очень интересно, чем все это закончится. Давно я ждал, что что-то подобное должно приключиться. Слишком камерная иначе выходит жизнь. Но происходит ли сейчас то, о чем я думал или это лишь обманка, пытающаяся выдать себя за что-то грандиозное? Понимают ли люди, задействованные в происходящем, то, что делают или это опять лишь писямерство и обыкновенная склока не поделивших чего-то мужчин?"

Тем временем. Группа, названная Майклом "тыловой", подъехала к зданию, где обитали русские, Чип с семьей и еще пара работников. В этой части лагеря это был не единственный дом, но он первый попался минивэну на пути, поэтому именно его решила осмотреть "тыловая" группа. Осторожно выгрузившись из машины, они цепочкой обошли периметр здания. В близлежащих кустах на первый взгляд никого не было. В одном из окон на втором этаже горел свет и звучала музыка.

Группа зашла с четырех дверей, ведущих с улицы. Осторожно они проникли внутрь.

— Кухня — чисто.

— Компьютерная комната — чисто.

— Холл — чисто. Работает телевизор.

— Гараж — чисто.

Дом был небольшой и бойцы снова встретились в холле. Теперь им нужно было разделить. Часть должна была обшарить апартаменты Чипа, другие — верхний этаж.

Молча каждая группа двинулась в своем направлении. Двое остались в холле.

Снизу послышался звук распахиваемой двери. Затем еще одной и тут прогремел взрыв. Стоявшие в холле тут же вскинули винтовки и взяли на прицел лестницу ведущую снизу. Оттуда валил густой темно серый дым и крики о помощи.

Три человека, только приступивших к осмотру верхних комнат, тоже повернулись на шум. Как раз в этот момент с потолка упала огромная сетка вентилятора и из образовавшегося люка головой вниз высунулся Пирс. В каждой руке он сжимал по Десерт Иглу и напоминал Леона из одноименного фильма.

Три человека упали замертво, даже не успев понять, в чем дело. Но, к сожалению, сходство с мастером убийств на этом кончалось и Пирс с трудом начал спускаться с потолка на пол. Двое оставшихся в холле сорвали с пояса гранаты и кинули их на звук пистолетных

выстрелов. Случилось два взрыва. Высокий, крепкий, кудрявый, довольный Пирс умер сразу.

Глава 26. Александр. Окончание дневника

Ну вот. Совсем что-то невероятное происходит. Когда я начал этот дневник, я хотел поделиться лишь историей о Свете и теорией о Ботах и Личностях. А тут, ребята, совсем хана приключилась. Нас мобилизуют. Мне по большому секрету сказали, что надо решать, буду ли я защищать интересы Личностей, считаю ли я себя одним из них. Я ответил, что, мол, какая разница, кем я себя считаю, если у них есть Света, которая как рентгеновский аппарат может просветить все мои подлые мысли и помыслы. Их это не очень вдохновило... решай, говорят, сам. Мы определились для себя и только поэтому ставим тебя перед выбором, иначе даже спрашивать бы не стали.

Ну, что мне оставалось. Дали какое-то оружие буквально десять минут назад. Сказали, что сейчас у каждого есть свободных полчаса, чтобы подготовиться к операции, видимо, имели ввиду сходить в туалет по большому, пока не поздно. Ваньке тоже сказали, что надвигается армия неприятеля и надо проявить свои лучшие качества в эту ответственную минуту. Сказали, что у них есть для него важное задание. Вот уж не знаю, чем все это кончится, но чувствую, что это лето будет действительно "лучшим летом в моей жизни". А что я хотел, сам искал лекарство от скуки, не знал, чему жизнь посвятить. Вот теперь зато не на что жаловаться. Пойду воевать. Страшно, конечно, если по чесноку-то, мало того, что убить могут, так ведь и самому никого не охота кончить. Я, в общем-то, парень не запаренный на всяких таких штуках, но боязно. (ПОДЧИСТИТЬ ЭТОТ МОМЕНТ, УБРАТЬ СЛЮНИ).

Все, Ваня вышел из душа, моя очередь. Некогда. Надеюсь, что еще вернусь к записям. Как же страшно. Ооооооочень страшно!!! Может, да ну это все?

К моменту, когда боевые действия происходили в реальном времени, в лептопе Александра это была последняя запись. Сделав ее, он, как и обещал, принял душ и покакал, именно в этой нерациональной последовательности. Затем он надел джинсы, чистую футболку, положил в один карман все деньги и банковские чеки, в другой — заграничный паспорт и обратные билеты в Россию. В небольшой рюкзак он запихнул лептоп, цифровой фотоаппарат, пару чистых трусов. Затем закрыл его и поставил в самый угол стенового шкафа. Пистолет он заткнул за пояс. Через некоторое время, когда уже начало темнеть, к ним в дом стали прибывать люди. Среди хорошо знакомых Александру там были Стью, Дерелл, Пирс и Род-рыбак. Всего же набралось человек двадцать.

Все спустились в подвальный этаж, в комнаты Чипа. Его самого не было, но говорили, что он вот-вот вернется.

Род вышел на середину комнаты, внимательно осмотрел собравшихся и начал.

— Каждый из нас проделал свой путь к этому дню. К этому событию. Но все мы знали, что рано или поздно наше противостояние должно принять такой вид. Никто не хотел этого, никто не приближал этого и никто не провоцировал наших врагов. Но буквально несколько дней назад, когда у нас в лагере оказалась чудесная девушка Света, прибывшая сюда чтобы помочь нам, сама того не зная — то всем стало ясно. Пора! Теперь! Настало время! Сегодня начнется то, что послужит отправной точкой всей будущей истории человечества. Нашего человечества. В которой не будет глупостей, нелепостей, войн и горя. Где каждый будет

счастлив. Цель кажется далекой и недостижимой, но каждый из нас верит в нее. Верит в себя и в окружающих его соратников. Братья мои, да не дрогнет рука наша, да не прогнется воля наша, да будет все так, как мы мечтали. Сегодняшняя победа позволит взойти нам на маленькую ступеньку, но с нее мы сможем дотянуться до цели.

Александр понимал не все, о чем говорил Род, но от его интонации и от его выражения лица, по коже бегали бешеные мурашки.

— Я буду руководить этой группой. Наша задача не пропустить врага по дороге выше. Они не должны пройти дальше этого дома. И, конечно же, они вообще не должны будут никуда пройти после встречи с нами. Для большей эффективности действий решено организовать две засады. Во-первых, мы заминируем дом и оставим здесь человека, который из своего надежного укрытия сможет проследить за действиями врага и если надо, вмешаться в их планы. Остальные же займут позиции снаружи и когда неприятель окажется внутри дома и подорвется на наших ловушках, мы начнем действовать.

Александр пытался сформулировать в голове вопрос: "зачем оставлять в заминированном доме своего человека, если в последствии, собираешься его штурмовать", но от напряжения во рту пересохло, губы слиплись, и грамматика чужого языка никак не хотела подчиняться его воле.

Перед тем как покинуть комнату, он прикинул, где должны случиться предполагаемые взрывы и решил, что место в углу стенного шкафа вполне безопасно для его ноутбука и фотоаппарата.

Уже через двадцать минут он устроился рядом со Стью в кустах метрах в ста пятидесяти от дома.

— Как оно, Стью? — спросил он парня.

— Все хорошо, Александр, все хорошо. Сейчас мы покажем им.

Стью перехватил свой автомат в одну руку, а вторую тщательно вытер о шорты, потом проделал то же самое с другой рукой. Облизал ссохшиеся губы языком и дернул головой, закидывая желтый волнистый локон подальше от глаз.

— Стью, а тебе это действительно надо? — спросил Александр.

— Я верю в то, что делаю. И поверил еще совсем маленьким мальчишкой, когда второй раз приехал сюда.

— Боишься?

— Немного, а ты?

— Я? Совсем нет. Я русский, сам понимаешь.

— Да, вы, ребята, храбрые.

— Ходим с голыми руками на медведя. А по старинной русской традиции, чем круче человек, тем более экзотичным способом он должен его победить. Я вот, помнится, открутил ему оба уха.

— Да ну? — в голос рассмеялся Стью и тут же захлопнул себе рот ладонью.

Они замолчали, но Стью продолжал улыбаться.

Александр хмыкнул и осмотрелся по сторонам. Неподалеку от них среди деревьев и кустарников сидели остальные. Сосредоточенные взгляды, выразительно-ответственно ходящий вверх-вниз кадык. Все ждут.

— Александр, а где тебе больше нравится, в России или тут? — спросил Стью.

— Трудно сказать. Понимаешь ли, у вас здесь так весело и так много захватывающих дух вещей, — он посмотрел на сжимаемое в руках оружие, — что я уже даже не знаю, где мне

больше нравится. Понимаешь, в России все проще. Всякого, так сказать, экстрима хватает, но я не участвовал в чересчур безбашенных предприятиях.

— То, чем мы занимаемся сейчас, по-моему, чрезвычайно круто!

Александр внимательно посмотрел на американца и не смог понять, то ли он шутил, то ли говорил абсолютно серьезно, потому что вид у него был очень восторженный.

— Да. Знал бы я, что до этого дойдет, занялся бы в девяностых годах рэкетом или чем-нибудь подобным. Был бы сейчас богат с головы до пят. И не важно, что тогда мне было всего лет десять.

Стью улыбнулся, но тут же спрятал улыбку, будто бы решив, что это совсем не шутка.

Они снова замолчали. Ожидание томило. Пирс остался в доме поджидать врагов. Хотя смысла в этом Александр до сих пор не видел.

В других концах лагеря были спрятаны такие же ударные группы, как и у них. Остальные русские были отправлены смотреть за детьми, которые находились сейчас в дальнем кемпинге. Художник был на каком-то спецзадании. Александр не знал, в чем оно заключается.

Смеркалось. На верхушках деревьев начали кричать древесные жабы. От их гомона не было покоя. Кроме того, Александр побаивался обитающих тут змей и медведей. Но если вторые сейчас ему не казались чем-то непобедимым, ведь у него было оружие, то от ползучих гадов оно вряд ли могло спасти.

За такими заботами он почти забыл, ради чего сидит тут. Голова его прислонилась к стволу и работающие второй месяц без выходных глаза автоматически закрылись.

Глава 27. Сонное Царство. Водка на Родине

— И еще одна причина, почему я не поверил в вашу чертову теорию про Ботов и Личностей.

Была у меня одна история. Работал я как-то у себя в городе и после работы должен был ехать к себе на дачу. Но в тот вечер у нас был корпоративчик, небольшой такой, просто общая пьянка за счет фирмы. И как-то так получилось, что все очень быстро напились и стали расползаться по углам и по домам. Я думаю, столько же еще выпивки, столько еды. Надо спасать. И давай бутербродики с колбаской и сырком в пакетик пихать, водочки бутылочку в сумочку. Короче, загрузился я этим добром под завязку и отчалил с вечеринки, потому что ехать мне надо было за город. Да и вообще, не любитель я массовых низкоинтеллектуальных пьянок.

Добрел я, короче, до железнодорожного вокзала и сел на электричку. В нужном мне направлении она была, кажется, последней. Ну я засел в нее, значит, откупорил баночки взятого с вечеринки пива, хотя тогда уже я больше по наркотикам зависал. Еду, короче, еду... конца моему путешествию не видно... и решил я прикорнуть, поспать немножко. Просыпаюсь я через какое-то время. Смотрю в окно. Там темнота. Где едем — непонятно. Смотрю вокруг — народу уже очень мало. Можно сказать, никого нет вокруг, кроме старичка доходяги в самом углу вагона. Ну я поднимаюсь, иду к нему, где, спрашиваю, едем, а он, пьяненький во всю. Глазенки на меня поднимает, а что его спрашивают понять не может.

В итоге я услышал объявление машиниста, где мы едем. Оказалось, что нужную мне станцию я проехал остановки эдак на три. Что делать? Выскочил. Погода нифига не лето. Холодно. Электричек назад до утра не будет. Короче — отстой какой-то. Что делать? Я решил идти домой. Выбрал одно из двух направлений и пошел пешком по шпалам. Иду себе иду, что-то напеваю под нос, вдруг, по соседним путям едет товарняк мне на встречу и слепит прожектором в лицо. В луч этого прожектора попадает человек, идущий впереди меня. Ну я тут же смекнул, что неплохо было бы его догнать, а то черт знает сколько мне еще километров прошлепать придется. Догнал я его. Куда, говорю, идешь. А он называет в ответ такую станцию, до которой от моей еще шлепать и шлепать. Ну, думаю, не повезло парню. Пошли мы с ним вместе. Я бутылку водки достал, бутерброды, угостил его. Он остолбенел аж от такого подгона. Короче говоря, дошел я до дома совершенно без проблем. А он пошел дальше, но перед тем, как проститься, я ему сказал, что мол я-то ладно, мне повезло. И бутылка у меня была с собой и бутерброды, и дом ближе, так что мне повезло, а ему — нет. На что он ответил нет, брат, это мне повезло... у тебя все это было, а я совсем налегке шел и встретить тебя была большая удача с моей стороны.

Глава 28. Все те, кто был в лагере Джонни когда, наконец, началось крошево. Продолжение

Род шепнул что-то, но Александр не расслышал. Все уже минуты три как были на ногах. Сначала подъехал минивэн, из него выгрузились вражеские бойцы, аккуратно они обошли дом со всех сторон, потом вошли внутрь. Затем, как и было запланировано, прозвучали взрывы, потом выстрелы, а потом... потом рвануло еще то ли раз, то ли два, но в одно время. Это смутило всех.

Александр не знал, как держать оружие, а посмотреть как это делают окружающие не очень-то удавалось, слишком уж темно было вокруг.

Род знаком показал, что надо проверить гараж. Александр и Стью были к нему ближе всех.

Стью кивнул Роду, затем русскому. Сделав несколько шагов они спинами прижались к стене возле входа в гараж. Стью достал из кармана шортов фонарик, потом отсчитал от пяти до нуля, как это делают на телевидении перед включение в эфир. Когда он согнул последний палец, они с Александром влетели внутрь. Луч света резко прыгал с предмета на предмет, а Александр не выстрелил в старый автомат для продажи газировки лишь потому, что забыл снять с предохранителя пистолет. Осмотрев гараж изнутри и никого не обнаружив, оба парня прикрыли глаза на секунду, пытаясь совладать с нервами. Их одежда была насквозь мокрая от пота, будто бы в ней они покорили три Эвереста подряд на цирковом велосипеде, где одно колесо в десять раз больше другого, и при этом без конца обсуждали необходимость пилы при всякого рода ректальных процедурах.

В это время, внутри дома раздались выстрелы. Александр и Стью метнулись к двери. Но еще глянув в окно, они поняли, что спешить некуда. В подвальный этаж по перилам сползал незнакомый им человек. Глаза его закатывались, а изо рта шла кровь.

Они вошли внутрь. Род стоял в холле и размахивал руками, на эти жесты реагировали окружающие его люди. Они тут же начинали суетиться и обшаривать разные углы дома.

— Сюда, — крикнули со второго этажа.

— У меня трупы, — тут же крикнули с этажа Чипа.

И там, и сям уцелевшие участки когда-то белых стен были покрыты черным слоем горевшей краски и темно бордовыми пятнами крови. На полу валялись раскуроченные тела. Кто-то узнал Пирса, по опаленной голове, прилепленной к какому-то нелепому, вывернутому наизнанку туловищу.

Александр хотел зайти в свою комнату, проверить как там его вещи, но только он увидел состояние коридора, ведущего туда, он сразу же отвернулся и побледнел. Стью, поднявшийся за ним, взглянул на это место, сразу под открытым люком потолка. Его вывернуло тут же и прямо себе на сандали.

— Тыловая группа, ответьте! Что за черт! — слышался хрипящий шепот в рации валяющийся на полу в холе.

— Нас ждали! — заорал Майкл. — КТО-ТО ПРЕДУПРЕДИЛ. КТО-ТО ОПРОСТОВОЛОСИЛСЯ! КОГО-ТО РАСКУСИЛИ!

Майкл кинул безумный взгляд на Олега. Тот прижался к стене и крепче сжал пистолет.

— Босс, мы видели то, о чем доложили вам. Решение принимали вы, а не мы с Гарри.

— Ах ты подлая трусливая сука! — стоящие рядом с Майклом бойцы в испуге отшатнулись от него в стороны.

Олег затрясся. Медленно начал поднимать пистолет.

— Босс, я ничего не делал.

— Ты, сука, всех сдал! ВСЕ!

Майкл сделал решительный шаг в его сторону, схватил за руку, пытающуюся поднять оружие хотя бы в горизонтальное положение, вывернул ее так, что пистолет упал на ковер. Сильно отклонившись назад Майкл ударил Олега головой прямо в переносицу. Тут же отпустил его руку и с размаху влепил кулаком по челюсти, затем в живот и снова в лицо.

— Я ТЕБЯ КОНЧУ! ТРУСЛИВЫЙ ПЕС!

Олег прикрывался руками и кричал:

— Ребята, спасите. Помогите, парни, уберите его, — голос мужчины дрожал и ломался на каждом втором слоге.

— Бот поганый! — последний раз выругался Майкл и три раза выстрелил в грудь Олега из кольта.

Тот сильно сморщился и рухнул на пол. Пока его кровь вытекала на волю, такую долгожданную за тридцать с лишним лет, он пытался загнать ее обратно — шмыгал носом и как можно чаще сглатывал, но уже через десять секунд движения Олега стали медленными, дыхание заменилось свистом и еще через десять секунд он перестал дышать.

Все стояли молча. Майкл, казалось, даже не заметил совершенного поступка.

Он тер лицо ладонями, в одной из которых по-прежнему сжимал пистолет. Ствол испачкал правую щеку смазкой и от этого мужчина совсем стал похож на обезумевшего злодея из боевиков с Сильвестром Сталоне.

— Гарри, — закричал он в микрофон, — найди мне их! Найди детей, вожатых! НАЙДИ ДЕВУШКУ! НЕ СМЕЙ ПРОВАЛИТЬ ЗАДАНИЕ! У НИХ ВЕЗДЕ ЗАСАДЫ! РАСКРО ИХ, НАЙДИТЕ! УБЕЙТЕ ВСЕХ! НО СНАЧАЛА ДОПРОСИТЕ! ИЛИ ЛУЧШЕ СКАЖ МНЕ, Я САМ ПОГОВОРЮ С ЭТИМИ УБЛЮДКАМИ!

Окончив сеанс связи, он еще несколько раз потер лицо, добавив этим еще пару грязных разводов к уже имеющимся, потом опустил руки и выдохнул весь воздух из легких.

— Ребята, не паникуем. Все будет хорошо, — наконец, успокоился он. — Мы разберемся с ними и достигнем то, о чем мечтали последние годы. Я уверен в нашем успехе.

Фидейл, Эрл, Блейк и Дает, облаченные в синие футболки kitchen staff (персонал кухни) и черные штаны, похожие на советские рейтузы, пробирались к минивэнам. Подкравшись к первому, они присели на землю и стали всматриваться в окружающую их черную субстанцию, называемую тьмой. Они не знали, есть ли кто-нибудь внутри, прибора ночного видения у них не оказалось, точнее, он у них был, но его забрал Шерман, так как его миссия была приоритетнее.

У них был пластид. Эрл умел им пользоваться. Он осторожно прикрепил к днищу автомобиля взрывчатку и знаком руки показал остальным, что можно двигаться к следующей машине.

Инна по-прежнему сидела в салоне минивэна. Мужчина лишь сейчас немножко успокоился, до этого он нетерпеливо крутил головой, пытаясь разглядеть что-то за окнами.

Инне показалось, что он чего-то ждет. Один раз он даже пробормотал что-то несвязно себе под нос, но тут же бросил взгляд на девушку и заткнулся. Оружие у него ходило из руки в руку, окончательно показывая, что он чрезвычайно нервничает. Но с момента их прибытия в лагерь прошло уже больше часа. Мужчина потихоньку успокаивался и, наконец, начал затихать. Скорее всего, он просто вымотался. Пару раз он откладывал пистолет на соседнее кресло и сильно сжимал голову ладонями. Инне казалось, что у него раскалывается череп от нервной боли и, сжимая голову, он пытается раздавить эту боль внутри.

Ее собственный сценарий до сих пор пробуксовывал на сцене побега. Вариантов было много, но часть из них либо просто не хотела случаться (это варианты, где ее спасает супермен, черепашки нинзя, принц на белом коне, Шрек и отставной майор ЦРУ в исполнении ее знакомого Дмитрия Певцова, причем были варианты, где они делают это как независимо друг от друга, так и все сообща), либо она боялась приступить к их осуществлению (расклады, когда ее охранник теряет сознание от вида ее обнаженной груди или лодыжки, когда она вырубает его, метнув свой кроссовок прямо ему в лоб и так далее).

Неожиданно Инна почувствовало шлепок по дну машины. Он был очень тихим и мягким, но она все равно его почувствовала. Не то чтобы услышала или унюхала или как-то еще... просто почувствовала.

Мужчина продолжал сидеть тихо. Его глаза даже слегка прикрылись. Изображение мира поступало в мозг через узенькую щелочку между веками. Но это продолжалось лишь несколько секунд. Потом голова дернулась, сопротивляясь влиянию коварного морфея, и веки широко распахнулись, выставя напоказ испуганные и недоумевающие глазюки.

— Эх, — громко произнесла Инна, — спас бы меня отсюда кто-нибудь, — она посмотрела на мужчину и, улыбнувшись пошире, спросила, — да?

— Что ты говоришь, я не понимаю.

— А я не понимаю, что ты мне говоришь на своем языке, — с каждым словом она повышала голос на полтона.

— Ты же нормально говорила на английском! Какого черта ты из себя сейчас тут выделываешь?

— What da fuck youre talking about? — Инна уже почти кричала.

— Эй, что за истерики ты мне устраиваешь?

— А какого черта вы держите меня в этом минивэне? Зачем похитили меня в Нью Йорке? Зачем посадили ОДНОГО человека охранять меня.

— Заткнись, сука!

— Ах так! ХОРОШО, Я ЗАТКНУСЬ! — и она замолчала, как раз в тот момент, когда мужчина приподнялся и написал в глазах намерение ее ударить.

Фидейл прислонил палец к губам и покрутил корпусом, чтобы все члены команды могли это заметить. Затем он сложил пальцы в кулак, выставив наружу лишь большой и жестом показал на минивэн, к которому они только что прилепили взрывчатку.

Все переглянулись.

Блейк подобрался к самой двери. Еще одним жестом он показал, чтобы все заняли позиции для штурма. Никто не спорил, все отчетливо слышали речь девушки и понимали, чего она хотела этим добиться.

Когда все были готовы, он аккуратно постучал в дверь машины.

Ничего не произошло. Тогда он прижался к щелке между корпусом и дверью и громким

шепотом протолкнул в нее слова:

— Открой дверь, хана нам, сматываться надо.

Блейк и остальные почувствовали как машина слегка пошатнулась из-за изменения центра тяжести, колебание было почти неуловимое, но прислонившись к корпусу и внимательно вслушиваясь и вчувствуясь в происходящее его все же можно было уловить.

Инна так вжалась в сиденье, будто она хотела спиной проломить кузов автомобиля и выпасть из него наружу. Ее охранник скорчившись стоял у двери и всматривался в окно. Дуло пистолета он прижимал к стеклу, толи собираясь стрелять, толи силясь этим кого-то испугать. Некоторое время он так и простоял.

— Кто это? — спросил он в дверь.

Ответа не последовало и тогда он потянулся к рации.

Инна не знала, что ей делать. Как помочь непонятно откуда взявшимся людям. Да и стоит ли им помогать, не попасть бы как маленький Бильбо Бэггинс из огня да в полымя.

Блейк не ответил на раздавшийся из салона вопрос. Он боялся обнаружить себя. Кроме того, он чувствовал, что мужчина не откроет дверь и, наверное, уже связывается со своими по рации или телефону. Эх, если бы знать в какой части минивэна сидит девушка, тогда можно было бы и огонь открыть.

Маленький камушек приземлился около него, Блейк посмотрел по сторонам. Это Эрл привлекал его внимание. Он залег под соседней машиной и его было совсем не видно. Но сейчас он едва заметно покачивал стволом винтовки. Блейк помахал в ответ.

Убедившись, что его заметили, Эрл показал жестом, чтобы Блейк отошел подальше. Тот послушался.

Эрл выпустил короткую вертикальную очередь прямо в боковую дверь минивэна. Потом еще одну горизонтальную в кабину. Внутри закричала женщина. Блейк и Фидейл метнулись к машине, разбили прикладами по окну и через них открыли двери — одну в салон, другую в кабину.

В салоне корчился мужчина. Одной рукой он зажимал рану где-то в области солнечного сплетения, а второй пытался поднять с кресла пистолет. В другом конце, подтянув колени к самому подбородку, сидела симпатичная девушка и в абсолютном ужасе смотрела на происходящее.

Блейк схватил пистолет с кресла, сунул его за пояс и они вместе с Фидейлом схватили раненого мужчину под руки и выволокли наружу.

— Скорее, выходите, у нас мало времени, — крикнули они девушке. — Сейчас на выстрелы сбегутся его товарищи.

Инна так и сделала.

К ней подскочил Дает, взял за руку и потянул в сторону домика kitchen staffa. Эрл семенил рядом с ними в полуприсядке, прикрывая телом и винтовкой от возможных неприятностей. Следом тащили раненого врага, он потерял сознание и не оказывал ни помощи, ни сопротивления.

Когда все они оказались метрах в двухстах пятидесяти от машин, слышались голоса приближающиеся со стороны столовой и домиков-близнецов. Эрл не задумываясь активировал детонаторы и три автомобиля начали играть в огненную чехарду.

— Кто вы? — спросил Дает.

— Перина Надорожку, — ответила девушка, — телеведущая из Москвы.

— А случайно не вас должны были встретить наши люди некоторое количество дней тому назад в Нью Йорке?

— Возможно, но вышло так, что меня похитили вот эти кадры, которые сейчас устроили тут непонятно что.

— Да уж.

Дает и Инна почти добрались до домика, Блейк, Фидейл и раненый отставали, Эрл прикрывал их, но пока обходился без стрельбы. Он просто всматривался в пляшущие вокруг пожара силуэты людей. Их было не мало, как он в тайне надеялся.

Несколько силуэтов собрались в кучку, потом двинулись в сторону Эрла.

— Засекли, — пробурчал он в пол голоса.

Дает обернулся на товарища и сказал Инне:

— В доме вас ждет Гай. Спрячьтесь там в подвале или где-нибудь еще. Блейк даст вам пистолет вашего бывшего охранника, пришло время поменяться местами. Мы постараемся расправиться с делами побыстрее и зайти к вам.

К дому добрались и Блейк с Фидейлом. Затолкав внутрь раненого, они вручили Инне пистолет и вернулись наружу, к товарищам. Эрл уже давал очереди в направлении приближающихся людей. Поняв, что все серьезно, те прятались за стволами деревьев, лежащими для красоты камнями и прочими преградами, ведя ответный огонь.

Эрл залег ближе всех к месту взрыва около декоративной клумбы, огороженной бревнами, посреди которой лежал огромный валун. Блейк перевернул стол на веранде дома и обосновался за ним. Фидейл спустился ниже и укрылся за небольшой лестницей. Дает был между клумбой и верандой — за маленьким сарайчиком с принадлежностями для тенниса. Два корта были в пятидесяти метрах от него.

Конечно, если бы "повара" знали об экипировке своих противников, возможно они и не приняли бы бой. Но в тот момент для них было все просто, как учебник математики за пятый класс. Бежать было некуда и незачем, то событие, к которому они устремляли свою жизнь в последние годы, настало. Необходимо было решить некоторые вопросы. Поэтому Эрл и его ребята не жалели пуль.

В темноте им показалось, что во время перебежки от дерева к дереву, кто-то из их мишеней упал. Это было правдой.

К сожалению, они не видели и не знали, что с другой стороны, за теннисными кортами их обходит снайпер. Только они успели положить еще двух человек, а Дает высунуться не вовремя из-за угла и получить ранение в плечо, как мужчина с винтовкой и оптическим прицелом, вкуче с прибором ночного наблюдения, присел на одно колено и прижал оружие к плечу. Эрл был у него как на ладони. Взяв чуть повыше шеи, снайпер нажал на курок.

Дает выругался и сполз по стенке сарайчика, оставляя на ней кровавый след, прямо на траву. Блейк сглотнули комок в горле.

Следующим на очереди у снайпера был Фидейл, укрывающийся под лестницей ведущей на веранду. Прицелившись, снайпер нажал на спуск, но в этот момент Фидейл резко дернулся в сторону, собираясь совершить маневр, направленный на смену его местоположения на боевой карте этой ночи. Эрловскую клумбу они потеряли и теперь за ней прятались враги и им было очень удобно всаживать в деревяшку над головой Фидейла пулю за пулей. Он решил укрыться получше. И это спасло его друга Блейка, косвенным

образом, но все же. Фидейл не умер сразу, как непременно случилось бы, попади пуля в голову, но она угодила ему между ребер и пробило легкое. Каким-то образом он понял, чья это пуля. Толи по неуловимому свисту, толи по едва заметной вспышке, но когда он упал на землю, оказавшись прямо под полом веранды, как раз в том месте, где воевал Блейк, он собрал все силы и крикнул:

— Блейк! Снайпер за кортами.

Тут же его добила вторая пуля вылетевшая как раз со стороны этих самых теннисных кортов.

Блейк чуть повернул перевернутый стол, чтобы эффективнее укрываться за ним. Бросил взгляд на Даета — дела у того были плохи. Потеряв прикрытие со стороны клумбы, он уже не мог вести огонь, кроме того, приблизившиеся враги держали углы его укрытия на мушке, а рана парализовала его движения. Блейк дал очередь по клумбе и крикнул:

— Дает, держись, брат!

Дает встал на четвереньки и медленно пополз в сторону веранды. Снайпер выстрелил в него как в лося — по передним лопаткам, перебивая обе ноги, только в данном случае это были руки. Дает упал на траву и его вырвало кровью.

Блейк был в ужасе. У него остался только Гай и русская девушка. Высовываться из-за стола было опасно и находиться за ним тоже — пули то и дело пробивали его насквозь, проходя в сантиметрах от тела.

Он выставил ствол винтовки наружу из укрытия и не глядя выпустил весь магазин, сразу же после этого он метнулся в дом. Пуля снайпера оцарапала ему шею, когда он захлопывал за собой дверь.

— Гай, это я, Блейк! Где вы!

— Майкл, это Гарри, у нас взорвали машины!

— Что! Какого черта происходит? Как это могло случиться?

— Мы не ожидали, что они могут перехватить инициативу.

— Ну так верните себе эту гребанную инициативу обратно! Перебейте их всех к чертям собачим!

Через десять минут Гарри доложил:

— Мы разбили их. Один человек укрылся в доме, кажется, с ним там еще наша русская девка и ее охранник.

— Ну так убейте их. Девку лучше живой оставить. Хотя, если будет возможность, берите всех живыми. Я бы с удовольствием поговорил с ними. Доложишь через 5 минут!

— Есть, сэр!

Блейк, Гай, Инна и раненый мужчина сидели на полу в дальней комнате домика поваров.

— Уходите через заднюю дверь, там стоит твоя машина, Гай. Уезжайте!

— Нет, я тебя не оставлю.

— Спаси девушку.

— Давайте поедem все вместе! Незачем кому-то тут оставаться! — предложила Инна.

— Не можем, это наша битва, — молодое лицо Блейка преисполнилось странным чувством. Инне показалось, что чувством глупости.

— Времени нет раздумывать! Гай, ты едешь с ней. Я остаюсь.

— Нет, Блейк, мой друг! Я тебя не оставляю. И не спорь, мой брат, я останусь с тобой.

— Давайте сюда ключи! — крикнула Инна.

Гай замолчал, порылся в кармане и протянул девушке колечко с ключом и брелком автосигнализации.

— Я вам безумно благодарна, но я не хочу умереть в этом доме, я поползла к машине, кто хочет — за мной.

Инна действительно встала на четвереньки и поползла в сторону двери.

Мужчины несколько секунд разглядывали ее задницу, только разбившая стекло пуля привела их в себя.

— Гай, езжай с ней!

— Нет, пускай уж едет одна, а мы как-нибудь тут с тобой продержимся. Может наши помогут.

— Ну что? — в дверях Инна обернулась.

— Поверни на дороге направо и гони в ближайший город, по указателям сориентируешься.

— Спасибо.

Она открыла дверь, выходящую в задний дворик и бросилась к машине. Сзади слышались выстрелы, разбивались стекла в окнах, а она щелкнула сигнализацией, уселась за руль, завела машину и напрямик направилась на дорогу. Потом повернула налево и понеслась, как она думала, прочь от бойни. Но асфальтированная дорога перешла в грунтовку, грунтовка повела машину в горку и вот перед ней появился длинный двухэтажный домик на опушке спускающегося с холма леса, а прямо на дороге перед ней стоял черный человек с автоматом.

Инна медленно притормозила и выругалась русским матом.

Дерелл подошел к машине и не спуская с девушки прицела открыл дверцу.

— Выходите. Чтобы я видел ваши руки.

Инна вылезла наружу, высоко подняв руки.

— Кто вы? — спросил Дерелл.

— Русская телеведущая, очень уставшая от всего телеведущая. А вы кто?

Из кустов рядом с дорогой выскочил парень.

— Дерелл, я знаю ее, я знаю! Опустить оружие, — крикнул он. — Вы же Перина Надорожку, да?

— Да. Это я, не знаю уже, к счастью или к сожалению.

— Дерелл, эта та самая ведущая, которую мы должны были встретить в Нью Йорке, но ее похитили и мы встретили Свету.

— Это точно она?

— Точно, точно! Я ее кучу раз в телевизоре видел. Там она, правда, куда симпатичнее была.

— Эй, мальчик, язык попридержи! — оскалилась Инна.

— Спокойно, девочка, у кого пушка, тот и главный, — улыбнулся Александр. — Да нет, Перина, не обижайтесь, я шучу. Пытаюсь, так сказать, разрядить обстановку.

— У меня на глазах сейчас кучу народу поубивали, мне не до шуток.

— Да у нас тут тоже не курорт. Ужас куда мы вляпались, правда?

Девушка кивнула.

— О чем вы там?

— Пытаемся поднять друг другу настроение.

К ним подошел Род. Его ввели в курс дела.

— Дерелл, езжай с девушкой наверх, к нашим, спрячь ее как следует, если получится, покажи ее Джонни, — сказал Род.

Из-за поворота по грунтовой дороге приближался минивэн. Белый.

— Бегите! — крикнула Инна и первой метнулась в лес на обочине. — Это они!

Род и Дерелл тут же вскинули оружие и так и застыли. Они не знали, на чем прибыли враги и если бы они открывали огонь по первой же встречной не знакомой им машине, то Инна была бы мертва уже минуты три как.

Александр кинулся за девушкой. Нагнал ее за деревом:

— Ты уверена?

— Они, наверное, за мной проследили. Мне, видимо, сказали ехать направо, а я спутала и свернула налево, вместо того, чтобы приехать в город, опять оказалась в этом чертовом месте.

Минивэн не снижал скорость, но боковая дверь открылась и оттуда высунулся человек с автоматом и тут же открыл огонь по стоящим на дороге людям.

Дерелл успел выпустить очередь, перед тем как плюхнуться замертво.

Род-рыбак выстрелил в водителя и прыгнул в сторону с дороги. Только не в ту сторону, где был лес, а в другую — на покрытое ровным газончиком поле.

Тело водителя упало на руль, минивэн повело и на скорости шестьдесят миль в час он врезался в стоящую на дороге машину Гая. Минивэн накренился и упал на правый бок. Через несколько секунд из салона начали вылезать люди. Дверь находилась с левого боку, поэтому авария им не препятствовала.

Джона, первого оказавшегося на земле бойца Род положил без проблем. Где-то сзади, со стороны дома бежали на помощь товарищи.

Когда следующий противник полез наружу, Род нажал на спуск, но вместо выстрела прозвучал щелчок. Обойма кончилась.

Враг же не стал повторять ошибку предшественника и спрыгивать на землю, он выстрелил, высунувшись лишь наполовину из машины. Длинной очередью накрыл Рода, когда тот менял магазины.

Александр пробирался с Инной через кусты и деревья, ничегошеньки не было видно, но они упорно двигались вверх, подгоняемые запахом абсурда.

— Что здесь происходит? — спросила Инна.

— Можно уже не говорить по-английски, я вроде как твой земляк.

— Да, точно, — она позволила себе улыбнуться. — Так что тут происходит?

— А ты совсем не в курсе?

— Ну... мой главный похититель кое-что мне рассказал, но это чистой воды паранойя.

— Ммм... возможно ты просто Бот?

— Кто?

— Мда. Понятно.

И Александр начал вкратце рассказывать все то, о чем он слышал за последние недели, то есть все то, что у него было записано в дневнике.

Ланни отправился разведать обстановку. Этой ночью он охранял детишек. Вместе с ним это делали русские и еще несколько человек. Где-то рядом был маленький домик, в котором должны были быть Художник, Шерман, Мэтью и Света. Чуть дальше в сторону вершины холма находилось, так сказать, секретное убежище Джонни. Сейчас он там был с Дэном и кем-то еще из приближенных.

Ланни поправил висящую на спине винтовку М16 модификации А2 и осмотрелся по сторонам. Прибор ночного видения помогал ему различать хотя бы очертания предметов в кромешной тьме, типичной для Северной Каролины ночи.

Присев около дерева, он достал сигарету и прикурил ее. Огонек он закрывал ладошками, чтобы никто не заметил. Ланни раздумывал о происходящем. Действительно ли это был тот момент, в который все должно решиться или такой вид противостояния слишком примитивен? Удастся ли потом решить все вопросы с полицией да и вообще, совершить мировой переворот. Тем ли они занимаются? А лучше спросить, тем ли ОН занимается? Сюда ли он стремился.

Сзади кто-то схватил его за шею, прикрыв ладонями рот. Тут же кто-то другой стал стягивать с его плеча винтовку. Через три секунды шеей он почувствовал дуло пистолета.

— Молчать, а то глотку порвем и бросим истекать кровью. Будет очень мучительная смерть. Понял?

Ланни попытался кивнуть. Что еще оставалось делать?

— Где девчонка? Где сканер?

"Будем играть в банальные игры", — подумал про себя Ланни и пожал плечами.

Дулом ему надавили на горло.

— Майкл, — заговорил кто-то в рацию. — Мы взяли одного. Ждем тебя.

— Отлично. Где вы?

— Мда, — сказала Инна, цепляясь за дерево. — Ну и устроили они тут. Выбор, не выбор. Еще и меня хотели в это вписать. Нету у меня никаких талантов и способностей, но этого и не надо, чтобы понять, что идиоты они тут все. Личности, Боты... что они кому хотят доказать? К чему идут? Ужас. А вы то что? Вписались в блудняк какой-то. Эх... как теперь нам всем вылезать отсюда.

Александр молчал.

— Ну давай, говори, кто у вас тут самый умный русский?

— Кроме меня?

Инна усмехнулась и сказала:

— Ага, кроме тебя.

— Ну есть тут один. Художником себя называет. Станный парень, но что-то в нем есть.

— И где он?

— Где-то наверху, со специальным отрядом охраняет кого-то. Вроде как Свету, но мне лично не докладывали.

— Надо делать отсюда. И чем быстрее, тем лучше. У тебя как, психика не очень пострадала?

— Да пока непонятно.

— Тогда води меня к своему Художнику.

Они молча карабкались через кусты и ветки.

- Инна...
- Ну?
- А можно спросить?
- Ага.
- Красивой ведущей программ на музыкальном телевидении круто быть?
- Нормально для девочки.
- А зарабатываешь много?
- Мои основные доходы — не с канала.
- Жизнь удалась?
- Что? — Инна звонко рассмеялась, потому опомнилась и заткнула рот выпачканной в древесной коре и земле ладонью. — Еще автограф у меня попроси, поклонник, блин.
- Надо больно. Это у меня в России будут автограф просить, за то что я спас шку...
- Но! Но!
- То есть, спас тело любимицы подростков.
- Так-то лучше, но я, вроде, и зрелым мужчинам нравлюсь, — девушка потрепала его по голове.
- Руки мыть надо, а не мне об волосы вытирать!

В дверь постучали. Без всякого шифра, аля, два коротких три длинных, просто постучали.

— Мэтью, это Джонни и Дэн, откройте нам дверь.

Художник подметил, что голос босса звучит тревожно, но тут же поправил себя: "как же ему еще звучать, когда тут такие дела имеют место быть".

Мэтью, осторожно ступая, подошел к двери. В руке он сжимал пистолет. Художник и Шерман тоже насторожились.

Мэтью спрятался за стенкой и ключом на вытянутой руке начал открывать замок. Один оборот... второй... снаружи кто-то слегка толкнул дверь и она начала проворачиваться внутрь домика.

Внутри домика висела темнота. У дальней стены горела светодиодная лампа на трех батарейках, а окна были плотно закрыты ставнями в целях конспирации.

Сразу понять кто стоит на пороге не так-то просто. Мэтью с пистолетом наготове расплостался по стене возле двери. Шерман и Художник разбежались по темным углам, Света тоже отошла от лампы.

— Ребята, у нас проблема, — произнес Джонни, делая шаг внутрь, — но ради всего святого, не пристрелите сейчас меня и тех, кто идет следом.

А следом действительно вошли люди. Первые двое держали на мушке Джонни, следующие три бойца сразу заметили Художника, Шермана и Мэтью и взяли их во внимание. Затем вошли еще два человека, толкая дулами здоровяка Дэна.

Бойцы сразу же справедливо засуетились и занервничали, ведь вопрос стоял об их жизнях, а не каких-то мелочах, вроде опоздания на самолет или размолвке с любимым человеком, где можно позволить осадить себя мыслью: "так, спокойно, не нервничай, это всего лишь...".

- Бросить, бросить оружие!
- Живо!
- Сейчас же на пол!

— Домик окружен, вам не выбраться, без фокусов.

Художник продолжал держать нацеленный на врагов автомат.

— Ребята, не глупите, — бормотал Джонни. В полумраке помещения его лицо светилось неестественной белизной.

Толи именно слова босса подействовали на Мэтью, толи просто к нему ближе всех стояли вооруженные бойцы, но он сперва опустил пистолет, а потом кинул его на пол.

Следом, фыркая и посапывая, разоружился Шерман.

Художник сидел в своем углу прямо на полу и спокойно наблюдал картину. Оружие он пока не опустил, но подумывал, что, видимо, придется это сделать.

Сильно вдохнув воздух, он заметил, что теперь пахло человеческим страхом, а несколько минут назад, до того как в дверь постучали, пахло сухой древесиной, лесом, Светкиными едва слышными духами и особый запах добавлял свет от лампы — запах уюта. И случилась же такая неприятность, что все это было испорчено.

— Эй ты, в углу! — крикнул кто-то.

— Только без фокусов, спокойно, — шептал Джонни.

Художник с досадой оторвался от воспоминаний о десятиминутном прошлом, еще раз осмотрел помещение. Света взглянула на него и грустно улыбнулась, ему показалось, что она правильно поняла его печаль.

Небрежно опустив автомат на пол, он пихнул его ногой подальше от себя.

— Все чисто, заходите, — сказал один из вооруженных людей в открытую дверь.

В домик вошел Гарри, а сразу за ним и Майкл. Он быстро осмотрелся, скользнул взглядом по Художнику и Шерману, даже не обернувшись на Мэтью, подошел к Свете.

— Вот это да. Нашел! У нее прямо на лице написано, правда, Гарри?

Гарри тоже подошел к девушке. Внимательно всмотрелся в ее лицо и кивнул.

— Да, босс.

— Господи, кого я спрашиваю! — Майкл закинул голову и звонко рассмеялся, когда успокоился, сказал, — Джонни, Джонни, тут ты меня бесспорно обскакал. Моя русская ни на что не способна. Баба, конечно, красивая, но для нашего дела мало применима.

Он осторожно взял Свету за руку повыше локтя, посмотрел ей прямо в глаза и спросил:

— Ну что, дорогая ты моя, поможешь мне чуть-чуть?

Светино лицо было очень напряжено. Только что она печально, но мило улыбалась Художнику, захваченная его порывом, а теперь, то ли просто испугавшись, то ли наткнувшись внутри головы Майкла на что-то чудовищно неприятное, она морщилась, как от подмерзшей и подгнившей картофелины.

— Видишь что-нибудь? — Инна стояла, прижавшись спиной к дереву.

— Нет, даже дороги не вижу.

— Неужели так трудно фонари повесить? Разве дети умрут оттого, что в девственном лесу будет гореть фонарь?

— Каком еще девственном, ты чего, — рассмеялся усталый Александр, — мы тут розетки на деревьях находили, прямо на деревьях, розетки! Представляешь!

— Елки-палки, ты же в Америке, мальчик мой.

— Судя по голосу, ты запыхалась.

Инна даже не ответила.

— Ладно, давай передохнем. За нами вряд ли кто-то увязался. По крайней мере я ничегс

не слышу и не вижу никаких вспышек света.

— Ты хоть представляешь, где мы находимся?

Александр ответил без раздумий:

— Конечно. Подъем еще не кончился, значит мы еще не дошли до Лакрос филдз.

— Как мне все это надоело!

— Так! Товарищ телеведущая, не раскисать! А то придет злой мишка и скушает вас.

— Саш...

— Что?

— А тут же медведи водятся, да?

— Да.

— И прямо вот так по лесу ходят?

— Ну мы не видели, а в прошлом году, говорят, они прямо из мусорных контейнеров кушали по ночам.

— Да... говорила мне мама не ходить ночью с незнакомыми людьми по незнакомым местам, но вот уж никогда я не думала, что это связано с медведями. А кто тут еще живет?

— Белки, змеи...

— Змеи?

— Ну да.

— Какие?

— Да успокойся ты, никто тебя не тронет. Если наступишь случайно на кого-нибудь, посылай ко мне, я все терки перетру.

Девушка засмеялась и они двинулись дальше.

Пробираясь через кусты, Александр раздумывал о замысловатых путях и судьбах людей. Подумать только, где, с кем и почему ты можешь оказаться в определенный момент своей жизни. Вот если взять две точки, например, он год назад и он сейчас, то сразу и не представить, каким таким способом из своей уютной квартирки в Нижнем Новгороде он попал в темный американский лес с оружием в руках да еще и вместе с перепуганной не на шутку популярной телеведущей.

— Инна...

— А?

— Что ты делала год назад?

— В смысле?

— Ну я вот сидел дома или пьянствовал где-нибудь. Но так или иначе у меня были каникулы и я был в своем Нижнем Новгороде. А ты?

— Я? Не помню. Я прошлым летом работала и отдыхала. Ездила в Португалию на освещение одного музыкального события, потом была в Москве, потом ездила на ГОА, отдыхала там.

— А ты думала, что через год окажешься в американском лесу с каким-то пареньком из Нижнего Новгорода и вы вместе будете убегать от убийц?

— Честно говоря, нет.

— Вон, видишь, какая жизнь штука веселая.

— Да понятно это все, тоже мне, открыл Америку.

— Америку, — повторил Александр и улыбнулся.

Инна издала смешок.

— А вот когда живешь день за днем, то все эти жизненные метаморфозы кажутся в

порядке вещей. Ну скучно стало, ну решил поехать в Штаты, ну прилетел сюда, ну начал работать, ну оказалось, что тут замесы нереальные, ну напали на нас, ну воюем вот теперь. По психике, конечно, удар, но ничего, живы пока. С тобой даже познакомился.

— На большее не рассчитывай.

— А почему это?

Вместо ответа Инна сказала:

— Кажется наклон стал поменьше. Может, пришли уже?

Александр осмотрелся по сторонам. Ему действительно показалось, что где-то вдалеке, слева, тьма между деревьями имеет желтоватый оттенок.

— Или у меня от такой темноты пятна перед глазами плавают или там, — он махнул рукой налево, — что-то есть.

— У тебя зрительные галлюцинации бывали?

— Нет вроде.

— Значит пошли туда.

В этот же момент, как раз с той стороны, куда они собрались, прозвучал выстрел. За ним еще один и еще.

— Ты уверена, что нам стоит идти?

— Смотря, кто победит в перестрелке. Ваши-то, вроде, не до конца чокнутые, людей первыми не убивают. Хотя я бы и им лучше на глаза не попадалась бы.

— Может назад?

— У меня какое-то интуитивное чувство, что лучше нам, все-таки, вперед идти.

Глава 29. Такого поворота не ожидал никто

Художника скрепили наручниками с Шерманом, Мэтью с Дэном, а Свету с Джонни. Под прицелами их вели по полю для игры в Лакрос. Слышались выстрелы, все кроме Художника и Светы, не знакомых с расположением укрытий, понимали, что детей и охраняющий их персонал нашли. Смогут ли они отбиться или всех ждут реки крови и слез? Ни Шерман, ни Мэтью с Дэном, ни Джонни не позволяли себе ответить на этот сакраментальный вопрос.

Они перешли поле и стали подниматься по грунтовой, размытой дождями дорожке. Их уверенно вел один из бойцов, освещая фонарем пространство перед собой.

— Майкл, Майкл, — позвал Джонни, — что ты делаешь?

Майкл обернулся и чуть замедлил шаг.

— Джонни, ты расстроен? Обеспокоен? Удручен? Что такое, друг мой?

— Майкл, ты с ума-то не сходил бы. Я понимаю. Я все понимаю. Но вспомни, как мы все это начинали? Разве мы ставили целью убивать людей, не соответствующих нашим представлениям?

— Девушка, — Майкл обратился к Свете, — вот прочитай сейчас его мысли, и сама увидишь, какой он подлец.

Света послушалась. Все ее привычки и принципы остались, если не в далеком прошлом, то по крайней мере в Нью Йорке или в уже вчерашнем дне.

Мысли Джонни заставили ее остановиться, а он, идущий рядом, не заметил этого и браслет наручников больно вонзились ей в запястье, дополняя и без того ужасную картину физической болью.

Джонни был почти достойным человеком, он не врал себе. Внутри он согласился с мыслью Майкла. Он и сам, будь у него сейчас такая возможность, избавился бы от соперника, всех его прихвостней, а потом, потом очистил бы мир от всех Ботов, которых смог бы найти с помощью девушки-сканера, девушки Светы. Но при этом, он честно веровал в то, что сделает добро, что очистит мир от мусора и паразитов, он гнуса, плесени, грибка. Как угодно. С детства он не терпел всю эту дубовую обыденность, все эти всем угодные радости, дни благодарения, рождество и так далее. Против самих праздников он ничего не имел, с удовольствием получал подарки, но от поведения людей в эти дни ему хотелось кричать. Не любил он фальшь, даже искреннюю фальшь, потому что вырастала она из искренней тупости, а тупость он не любил даже больше фальши. С последним явлением, кстати, он потом подружился, точнее, заставил работать на себя, что принесло ему немало пользы. Еще он ненавидел моду и духовную дешевизну, а однажды прочитанное им высказывание Ницше было ему как чек для наркомана, он повторял его про себя снова и снова, когда чувствовал душевный дискомфорт. "Вокруг избирателей новых ценностей вращается мир — незримо вращается он. Но вокруг комедиантов вращается народ и слава — таков порядок мира", — гласило оно.

И конечно же, всю свою жизнь он мечтал, чтобы его ценности стали новыми общественными ценностями. Видимо, того же хотел и Майкл. На этом они спелись много лет назад, это он сейчас и воплощал в жизнь.

Кто-то сильно ткнул Свету дулом в спину.

— Не останавливаться.

Движение возобновилось.

— Ну как? Вижу, что понравилось, — сказал Майкл Свете.

— А раньше вы к нему в голову не залезали?

Света молчала.

— Или, может, ему удавалось скрывать свои помыслы, — продолжал мужчина, — или, может быть, вы были с ними знакомы и даже разделяли их. О! Тогда я принял хищного волка за трусливую овечку и ошибся. Извините великодушно.

Художник мысленно прыснул от протертой метафоры.

— А ко мне в голову можешь не залезать. Мои идеи известны моим людям, а ваше мнение меня мало интересует.

Но второй раз Света не послушалась и влезла к Майклу.

Там была просто вакханалия какая-то, чувство дичайшей эйфории охватило все его мысли. Они кружились и вились вокруг друг друга, как огромное количество змеев уроборосов, сцепившихся своими кольцами друг с другом. Света осторожно взяла одного из них своими невидимыми пальцами и потянула вверх — за ним потянулись все остальные. Теперь это было похоже на вертикально висящую цепочку, одну из тех, которыми крепят заглушку для ванны к решетке страховочного отверстия.

— Майкл! Но это же глупо! Это же не имеет никакого смысла! Это же ребячество! — воскликнула Света.

Мужчина скинул с лица улыбку и внимательно посмотрел в лицо Свете, потом на своих бойцов, затем снова улыбнулся.

— Ну давай, — кинул он ей и отвернулся.

— Что давай?

Майкл резко остановился и поднял правую руку, давая знак остановиться остальным.

— Я слушаю.

— Что ты хочешь услышать? — Света очень нервничала и от этого ее русский акцент стал резать слух даже Художнику. — Это я бы хотела услышать логическое объяснение того, что ты собираешься сделать. В том, чего желает Джонни кроме жестокости есть еще и какая-то утопическая идея, в саму по себе, в нее я могу поверить, но чего хочешь ты! Уничтожить все Личности! Зачем тебе это? Ты хочешь остаться в мире серости и глупости? Я видела, куда ты дел идеалы своей молодости, они лежат у тебя на самом дне, но что ты выбрал сейчас? Хочешь упиваться собой? Думаешь, у тебя получится управлять ими? Думаешь, не найдется какого-нибудь фанатичного глупца, который пустит тебе пулю в грудь? На это не нужно много мозгов и философского склада ума. Неужели ты не понимаешь.

Она окинула взглядом его бойцов. Ни один мускул на их лицах не дрогнул.

— А они знают, что ты считаешь их Ботами? — спросила Света.

Майкл кивнул.

— Им все равно, они даже не пытаются вникнуть в то, что ты сейчас говоришь. У них свое видение этого мира, в нем наши с тобой слова не больше, чем звук. У них есть своя главная ценность. И они его получают, выполняя мои приказы. И чем дальше я с ними зайду, тем больше этого идеала они будут иметь на своих банковских счетах. Хотя в дальнейшем, нам и банки-то не очень будут нужны. И деньги тоже. Они не к чему, когда ты всемогущ.

Художник подумал, что Света могла бы написать хорошее сочинение на тему "как я провела лето и не свихнулась", да что там говорить, он сам мог бы нарисовать целый

триптих на эту тему.

Гарри подошел к Майклу и встал у него за спиной, сложив руки на груди.

Джонни выглядел очень изумленным.

— Надо признать, тут ты меня удивил, дружище. Я думал, что ты все же преследуешь ту же цель, что и я, только другими методами.

Майкл покачал головой.

— Но когда ты передумал? Когда взял новый курс?

— Джонни, Джонни, наши цели одинаковы. И ты и я хотим стать королями. Богами. Вершить свою мораль, управлять судьбами, наставлять их. Но только я решил, что устранить два процента население, во-первых, проще, во-вторых гуманнее, чем проделывать это с остальными девяносто восемью.

Свободной рукой Художник потер глаза и зевнул. Он чувствовал что-то внутри себя. Чувствовал, как он приближается к чему-то очень большому, теплему и светлому. "Смерть?" — мелькнуло у него в голове, но ответа не последовало. Так или иначе, страха и опасений оно не вызывало, наоборот, ему хотелось как можно быстрее приблизиться к нему. Он был уверен, что стремился туда уже давно, а точнее, это "что-то" стремилось к нему. Поэтому он, еще раз зевнув, перенес тяжесть тела с ноги на ногу и продолжил разглядывать происходящее в благоговейном предвкушении.

— Ладно, идемте дальше, мы почти у цели. Там и покончим со всем, — на этих словах Майкл отвернулся от Джонни и Светы и, как в дешевом боевике наткнулся на смотрящий ему в лицо пистолет.

— Не стоит тянуть! Можно покончить со всем и тут, — сказал смотрящий на него в упор Гарри.

— Это еще что такое? — Майкл выражал недоумение всеми членами своего тела.

— Ответь мне, Майкл, а за кого ты принимаешь меня? За Личность или может быть я для тебя всего лишь Бот? После того, что я тут только что услышал, я и не знаю, что лучше. Быть живым Ботом или мертвой преданной Личностью.

— Гарри, брось дурить. Ты моя правая рука. О чем ты говоришь.

— Эй, девчонка, ответь лучше ты. Ты сторона нейтральная, ты все равно в дерьмище по шею, тебе врать незачем. Кем он меня считает? Мне насрать, кто я на самом деле, мне важно, кем меня считает этот прохвост.

Света безразлично залезла в голову Майкла еще раз. И только оно хотела открыть рот и произнести "Личность" и посмотреть какая реакция за этим последует, но один из бойцов, стоящий позади огромного Гарри, поднял свою винтовку до уровня глаз, несколько секунд постоял так и выстрелил.

Гарри рухнул как большой мешок с картошкой, Света увидела, как что-то темно-красного цвета вытекает у него из затылка прямо на землю.

— Святая какашка! — выругался Майкл, тут же вытащил свой пистолет из-за пояса и всадил в мертвое тело Гарри целую обойму.

Света зажмурилась.

Джонни перебирал в голове оставшиеся возможности их спасения. Судя по тому, что звуки перестрелки прекратились несколько минут назад, конфликт там был исчерпан, только совсем не понятно было, с какой стороны. Если люди Майкла убили всех защитников детей во главе с Эриком и Ланни, то понятно, почему сейчас там затишье. Массовая казнь состоится, когда их маленький отряд прибудет на место. Да и не был уверен Джонни, что

это будет именно расстрел, скорее всего, их сожгут заживо в домиках.

Но была надежда, что вторжение, хотя бы на том участке фронта, провалилось и Эрик, Ланни и остальные уже обдумывают дальнейший план действий.

Вообще, у Джонни было очень мало информации о том, какие из его сил еще были боеспособны. Он, например, не знал, что из всего персонала кухни на тот момент в живых оставался только лишь Шерман, находящийся рядом с ним.

Так же Джонни не знал, что отряд Рода-рыбака разбит. В живых остался только русский Александр, ведущий лесом девушку телеведущую.

— Ну если больше никто не хочет направить мне дуло в лоб, то я предложил бы продолжить наш путь, — сказал Майкл и в этот момент опять послышались выстрелы. Уже гораздо ближе, чем в прошлый раз. Они, действительно, уже почти пришли.

"Четыре одиночных", — считал про себя Художник, — "пауза, взрыв, крики".

— Быстрее, — занервничал Майкл, — мне это не нравится.

Их боевой отряд вместе с пленными побежал вперед.

Миновав крутой поворот, они цепочкой двинулись по узкой тропинке и через пять минут были на большой поляне. Напротив них стояли три деревянных домика, внутри двух из них горел свет, он проливался наружу через настежь открытые входные двери перед каждой из которых лежало человеческое тело.

В третьем домике свет не горел и дверь не была открыта, зато один из его углов был раскурочен.

— Осторожно, — бросил Майкл. — Проверить, чьи это тела, осмотреть помещения.

Трое бойцов отделились от отряда и, пригнувшись к земле, побежали выполнять приказ.

Сначала они осмотрели убитых у дверей, оба были их коллеги, около темного домика они нашли еще два тела одетых в тот же камуфляж, что и они сами, а за раскуроченным углом они нашли раненого бойца.

— Босс, тут один наш, он ранен.

Когда их подвели поближе, Света без колебаний залезла к нему в голову, ей было очень интересно, что же тут произошло. Возможно, им еще удастся спастись.

Восстанавливать произошедшее она начала с того момента, когда раненый мужчина, будучи еще вполне здоровым, подкрался сзади к высокому и худому чернокожему. "Молчать, а то глотку порвем и бросим истекать кровью. Будет очень мучительная смерть. Понял?" — сказал он и приставил дуло к шее.

Света узнала Ланни в чернокожем мужчине.

Они пытались узнать от него, где находятся дети, вожатые, а главное, она — девушка-сканер. Но Ланни молчал. Тогда они сильно избили его. Чужими глазами Света видела изуродованное, опухшее от ударов лицо и у нее выступили слезы. Ланни так ничего и не сказал, тогда они застрелили его, нанеся предварительно несколько ударов ножом.

На эти домики они наткнулись случайно. Их охраняли. После небольшой перестрелки мужчина вместе с другими бойцами заняли эту поляну. Все защитники были убиты или серьезно ранены.

Те, кто прятались, в домиках были безоружны. Света заметила среди них несколько русских. Из трех домиков всех переместили в два и выставили часовых. В третий сложили трупы. Раненый мужчина собственноручно затащил туда два тела, одним из которых был Ваня.

Дальше он подошел к своим товарищам, и они завели пустой разговор. Время у них было. Они ждали отряд Майкла. Света пропустила скучное ожидание.

Раненый заметил неладное, только когда на землю повалился второй часовой. Окинув взглядом поляну, он крикнул "снайпер" и вместе с недавними собеседниками кинулся искать укрытие. Лишь ему удалось спрятаться за углом дома, остальные не прожили и минуты после его крика.

Прислонясь спиной к деревянным доскам, он пытался успокоить дыхание и продумать свои действия. Но тут раздался легкий хлопок, похожий на звук, издаваемый человеком, когда он плюется бумажным комочком через самодельную трубочку, только было это в десять раз громче и с металлическим оттенком.

"Подствольник", — подумал он за мгновение до взрыва. Осколком ему пробило грудь, и он потерял сознание.

— Босс, мы посмотрели за домиками, там еще трое наших, все мертвы.

— Никого живого?

— Нет.

— А в домиках смотрели?

— Первые два пустые. Там только вещи раскиданы, кто-то уходил оттуда в спешке.

— Хорошо, проверьте последний дом.

Один из бойцов распахнул дверь и отскочил за стенку. Второй, с фонариком и автоматом, ринулся внутрь.

— Ничего себе! Здесь куча трупов.

Первый боец тоже юркнул внутрь и тут же раздались несколько приглушенных выстрелов. Майкл и оставшиеся с ним бойцы дернулись в сторону дома и в этот же момент Мэтью и Дэн кинулись на ближайшего к ним охранника и ударили его в шею скованными вместе руками, тот повалился на землю. Остальные заметили это, но для того, чтобы сменить вектор движения и вскинуть оружие, бойцам нужны были две секунды, но пленники им их не дали. Джонни сильно дернул за собой Свету, но успел ударить одного в промежность. Шерман продемонстрировал невероятную для человека такого сложения скорость и тоже кинулся на одного из бойцов, Художник последовал за ним как воздушный змей на веревочке, которой в этот раз служила мощная рука Шермана.

Началась самая настоящая потасовка, описать ход которой можно только с помощью пошагового режима, применяемого в некоторых компьютерных играх.

Рассмотрим группу из четырех человек: стоящий с оружием боец, Мэтью, Дэн и боец, которого они только что повалили на землю.

В свой ход Мэтью вырвал у поваленного на землю бойца автомат.

Стоящий с оружием боец открыл огонь по Мэтью и Дэну.

Безоружный Дэн прикрыл своей широкой грудью Мэтью.

Поваленный на землю боец пропустил ход.

В следующий ход Мэтью, прикрытый падающим телом Дэна, выпустил очередь по бойцу, стоящему с оружием.

Боец, стоящий с оружием, упал замертво.

Дэн умер.

Поваленный на землю боец пропустил ход.

Рассмотрим следующую группу: Шерман, добивающий правой рукой еще одного

лежащего бойца, боец, которого добивает Шерман, Художник, который лежит рядом с этим бойцом и не может ничего поделаться, потому что скован с Шерманом наручниками, Майкл, стоящий неподалеку.

Шерман методично бьет лежащего бойца по, уже и без того расквашенному, лицу.

Художник просто лежит. В этот момент ему мерещится злая аналогия между вытаскиванием детишками футболок друг у друга из-за пояса и этой бойней.

Боец абсолютно без сознания.

Майкл целится в Шермана и выпускает пять пуль ему в спину. Одна проходит насквозь и добивает лежащего без сознания бойца.

Последняя группа людей, нуждающихся в рассмотрении, это Джонни и прикованная к нему Света, боец, которого только что ударили в промежность и еще один боец, отстоящий от них на четыре метра.

В свой ход Джонни хватает бойца, который только что получил в промежность, за руку и прикрывает себя и Свету его телом.

Света подчиняется и терпит сильную боль в запястье.

Отстоящий на четыре метра боец стреляет и попадает в своего товарища, прямо как в банальных боевиках про суперагентов и балбесоподобных злодеев, прошедшая насквозь пуля больше никого не задевает.

В следующий ход Джонни выхватывает у бойца, которым он прикрылся, оружие и стреляет в бойца, отстоящего от них на четыре метра — убивает его.

Света бездействует, закрыв свободной рукой лицо.

В следующий миг снова представим себя волшебниками, сфотографируем момент и рассмотрим его поподробнее, другими словами, остановим время.

Мэтью стоит с автоматом в правой руке, а его левую руку тянет к земле труп Дэна. Он целится в Майкла.

Художник лежит на боку, уткнувшись в Шермана.

Джонни держит на мушке Майкла, а Майкл целится в прячущуюся за спиной Джонни Свету.

Как ни странно, если позволить времени вернуться в русло и течь дальше своим ходом, то первые несколько секунд мы не заметим отличий от стоп кадра. Все действующие лица замерли и смотрели друг на друга.

Первым вспомнил как двигаться Джонни, он вытянул правую руку так, чтобы Света вышла из-за его спины и оказалась перед ним. Правой же рукой он обхватил ее за шею и притянул к себе.

— Майкл, я думаю, тебе она нужна больше, чем мне.

Майкл сплюнул себе под ноги.

— Мы победили, Майкл, бросай оружие, — сказал Мэтью.

В домике позади них послышалось шуршание. Все присутствующие напряглись.

Из двери медленно вышел мужчина. Он был одет в темно-зеленый камуфляж. Его лицо было покрыто несколькими полосками краски. Правую ногу он чуть-чуть подволакивал, а в руках держал снайперскую винтовку с накрученным на дуло глушителем.

— Если хоть одна живая душа дернется, сразу пристрелю.

Майкл и Джонни невольно переглянулись.

— Боб?

Художник приподнял голову с земли и попытался повнимательней рассмотреть

мужчину. Он действительно был похож на кого-то, с кем он недавно виделся.

— Откуда ты тут? — спросил Майкл.

— Приехал вас проведать, друзья мои старинные. А вы тут беспредельничаете. Я все понимаю, идеология идеологией, но вы вообще понимаете, что и зачем делаете? У вас как-то слова расходятся с делом. Не те слова, которые о том, что дескать всех замочить, оставить только избранных, а те, которые о самосознании. Определение Личности помните? Вы сейчас на себя посмотрите. Что и зачем вы делаете, можете ответить? Заигрались вы совсем.

Все молчали.

Боб посмотрел на Художника.

— А ты, я смотрю, нашел дорогу. Ну и как тебе? Это то, что ты искал? То, о чем меня спрашивал? Доволен всем или жалобы есть?

Художник тут же вспомнил разговор, из которого он и узнал об этом лагере и обо всем, во что теперь был впутан по самую макушку.

— Да нормально все, только странно как-то.

— Вот-вот, — кивнул Боб и рассмеялся, — странно.

Древесные жабы кричали невыносимо громко. Света даже не слышала собственных мыслей от этого шума. Тут на нее как раз обратил внимание Боб.

— А это кто?

— Сканер, — ответил Майкл.

— Она сканер? — Боб ожидаемо удивился. — И как же вы это поняли?

— Она читает чужие мысли, — пояснил Джонни.

— И мои может прочитает?

— Может.

— Ну-ка, — Боб наклонил голову чуть вперед, показывая, что готов к контакту.

Света глубоко вздохнула и полезла в очередные чужие мысли. Но что-то ей мешало. Она еще раз вздохнула, попробовала сосредоточиться и снова направилась в голову Боба. Но там будто стена стояла. Будто бы она была радиоактивной частичкой, а череп Боба был из свинца.

Боб улыбался.

— Что такое, Света? — спросил Джонни.

Девушка молчала.

— Ребят, вы ошиблись, — заметил Боб.

— Это невозможно, — вскрикнул Майкл.

— Абсолютно невозможно, — поддержал старого товарища Джонни. — Она рассказывала мне такие вещи, которые нельзя узнать другим путем. Тут не может быть ошибки. Она пересказывала мне целые биографии.

— Стоп, стоп! Друзья мои, я не сказал, что она не умеет читать мысли. Этот дар у нее не отнимешь. Со мной, конечно, у нее такой фокус не пройдет. Но все ваши головы она видит, как на ладони. Другое дело, что она не сканер.

— Что это значит?

— А то и значит, Джон, что эта девушка просто читает мысли. Она не способна разделять людей на Боты и Личности, — Боб осекся, — говоря вашим языком. А если попробовать выразиться точнее, то она не видит настоящей сути вещей.

Художник осторожно сменил положение тела из лежачего на сидячее.

— Извините меня, — начал он, — а что вы думает обо всех этих теориях, которые

сегодня вышли в открытое и кровавое противостояние?

— Не важно, что думаю я. Важно, что я сделаю со всей вашей компанией.

— Поймите, поймите, — замахал свободной рукой Художник. — Но причем здесь я и Света?

— А кто вас разберет. Я — точно не собираюсь во всем этом копаться. Поэтому, мужчины, дружно бросаем оружие.

Никто не торопился выполнить приказ.

Боб держал винтовку очень свободно, на уровне пояса. Ни один из присутствующих не заметил, как он нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок выстрела.

Но Джонни и Майкл связали этот звук с винтовкой Боба лишь через две секунды, но было уже поздно дергаться, кроме того, они боялись свести прицелы друг с друга.

Мэтью простоял еще несколько секунд, потом выпустил из рук оружие и повалился сверху на Дэна.

— Стойте, стойте! — опять замахал рукой Художник. — Поймите меня правильно. Не то чтобы я был чем-то слишком обеспокоен, например, своей жизнью, просто мне не хотелось бы умирать по ошибке. Кроме того, мне тут кое-что подумалось и, если никто не против, я бы хотел высказать это вам.

Боб пробежал взглядом по мужчинам и Свете.

— Если кто дернется, убью сразу, — сквозь зубы сказал он, а потому улыбаясь добавил, — ладно, давай, выкладывай свои мыслишки.

Художник сглотнул слюну и задумался на пару секунд. "Кажется, это не то, чего я ждал. Значит надо подождать еще чуть-чуть. Буду тянуть время, вот-вот что-то должно случиться".

— Ну вроде я понял, что тут к чему, — начал он. — Я имею в виду мир целиком. Модель его предстала мне во вполне законченном виде. Даже парочка метафор пришло в голову по этому поводу. Итак, приступим.

В воздухе вокруг говорящего заиграла ритмичная композиция английской группы "The Prodigy". Собравшиеся переглянулись, но решили не отвлекаться на такие мелочи, как звучащая из ниоткуда музыка.

— Что меня всегда смущало в вашей теории о Ботах и Личностях? Да то, что вы представляли шесть миллиардов людей, живущих на Земле, абсолютно ненужными никому существам. Приравнивали их чуть ли не к животным. А при этом, я знаю кучу достойных и интересных людей, которые, может быть, не блещут возвышенными и глубокими рассуждениями, но зато счастливы и имеют свою правду и свой взгляд на происходящее. При этом каждый из них профессионал в том деле, которое выбрал в жизни и в этом вопросе заткнет за пояс, вас, теоретиков бытия.

— Тоже мне, удивил, — фыркнул Джонни. — Ну и пусть заткнет. Кому нужны его умения в сталеварении или сборке двигателя, он просто робот, автомат, который выполняет требуемую от него работу. Мне не обязательно разбираться в двигателе внутреннего сгорания, чтобы ездить на автомобиле.

— Знаю, знаю. Но не перебивайте. Я не к тому. Просто в этой своей жизни мои знакомые очень счастливы. Им нравится то, чем они занимаются, пусть даже они собирают пресловутые двигатели внутреннего сгорания или сочиняют популярную и простенькую музыку или еще что-то. Я, например, пишу картины. Просто картины и, хотя и пытаюсь отразить там свое видение вещей, но за результат не ручаюсь. По крайней мере, людям нравится. Однако, вы скажете, что нравятся они Ботам, а они не люди, — Художник

позволил себе сухую улыбку. — Короче говоря... признаюсь, что и ваши взгляды мне не чужды и я, так же, как и вы, не находил смысла в большинстве видов общечеловеческой деятельности. Но сегодня я его увидел.

— Любопытно.

— Крайне. Что же, попробуем начать с метафоры. Представьте *perpetuum mobile* — вечный двигатель. Представьте его в виде такой штуки, которая продается в магазинах. Знаете, их можно поставить на стол или на полку. К перекладине подвешены соприкасающиеся шарики на металлических стержнях. Понимаете? И вот когда крайний шарик отводишь в сторону, а потом отпускаешь, он ударяется в соседа, тот передает импульс своему соседу и так далее, пока не дойдет до крайнего с другой стороны, тогда он отскакивает на угол, равный углу, на который отвели первый и после этого повторяется весь цикл только в противоположную сторону. Ну в магазинах, конечно, продается не сам двигатель, а лишь его модель, которая на бесконечную работу не способна. Но мы можем представить себе эту штуку такой, какой она должна быть.

Вечный двигатель — это абсолютно замкнутая система, в которой нет потери энергии. Она не приходит, не уходит никуда. И все действия, которые этот двигатель совершает, он совершает только внутри себя и для себя. Понимаете, да?

— Ну и что? — спросил Боб, улыбаясь.

— А то, что наш мир и есть такая вот штуковина.

— Либо такая, либо чуточку измененная, но я сейчас все поясню.

— Будь любезен.

— Хватит делать пустые замечания, я способен сам все изложить в доступном монологе, прерывать разрешаю только вопросами по существу. Во-первых, поясню про вечный двигатель, точнее, почему наш мир мне кажется именно таким. Да все просто. Потому что все, что делают, создают люди в нашем обществе, служит лишь сырьем... или как это лучше сказать, предметами, предназначенными для использования другими людьми, которые в свою очередь создают другие предметы... блага, назовем это блага, так вот, они в свою очередь создают эти блага для других. Ну, например, испек пекарь хлеб. Его съел режиссер фильма и работник завода автомобилей. Режиссер после этого снял фильм, работник — сделал машину. Пекарь посмотрел фильм, отдохнул после своей работы, на которую добирался на автомобиле, сделанном рабочим, который съел его хлеб. Режиссер тоже ездит на такой машине, а рабочий тоже смотрит фильм режиссера. В итоге каждый из них производит что-то для двух других и потребляет то, что те два других производят. Безотходное производство, направленное и предназначенное лишь для употребления его результатов другими участниками процесса. Понятно дело, что в мире все не ограничивается такими простыми связями и там все гораздо сложнее, но суть такова. Все делают что-то для других и взамен получают что-то от этих других. Все идет внутрь общества, внутрь мира. Мы словно раскручиваемся по спирали или, наоборот, закручиваемся. Хотя и то, и другое недостаточно точно. Если раскручиваемся, то непонятно куда... может быть, в бессмысленную бесконечность, а если закручиваемся... то в итоге придем к точке, которая будет концом... что может означать смерть, либо насильственную, либо логическую... тогда... тогда! Точно! — Художник переменился в лице. — Так оно и есть. Мы закручиваемся по спирали! И ждет нас точка.

— Обрадовал.

— Молчать, — крикнул парень, — сейчас не об этом. Есть еще один вариант вечного

двигателя и выхода из спиралевидного развития нашего мира. Помните те бьющиеся друг о друга шарики? Представим, что при каждом соприкосновении от них отделяется мельчайшая молекула. Хотя бы и атом. И вот атомы скапливаются внизу, на площадке над которой и бьются эти шарики. И скапливаясь, в итоге образуется некая насыпь, которая дает рождение некому существу или явлению, которое выведет этот двигатель из замкнутой системы. Куда выведет и зачем? Не знаю, надеюсь туда, где будет больше смысла. Позволит, так сказать, сделать виток в другую сторону и, может быть, начать новую спираль, но уже с гораздо большим диаметром начальной дуги и новой конечной точкой. А может быть, это будет не еще одна спираль, а прямая или кривая. Но мне не известно, что это будет. Но вряд ли хуже, чем точка-тупик.

— Наркотики — вред, — хихикнул Боб.

— Давно не употребляю, — оборвал Художник. — Закончить позвольте метафорой из России. Метафоричный смысл этой истории я понял только сегодня. Так вот, как-то я шел из университета на почту. Заплатить за телефон надо было. И вот подошел я к двери. Смеркалось. Я потянулся к ручке, чтобы открыть дверь. Но моя рука лишь скользнула по ней, по нормальной "Т"-образной дверной ручке. Стержень, в конце которого набалдашник гораздо большего диаметра, нежели стержень. Я снова тяну руку и берусь за ручку... но на ощупь она как буква "I", длинная, но толстая, как один сплошной набалдашник. Смотрю, а там на тот тоненький стержень, который предшествует набалдашнику в букве "Т", намотана веревка. Много ее там намотано. От души, как говорится. А кончик веревки свешивается вниз и там петелька сделана. Большая петелька. Я за нее схватил, потянул и дверь открылась.

Все молчали и переглядывались, лишь Боб по-прежнему улыбался.

— И вот мир наш, это ручка. А веревка, которой она обмотана — это наша цивилизация. Прогресс — это материал из которого сделана веревка. Научные знания — ну... можно сравнить открытие о расщеплении ядра со знанием того, из какого материала ручка сделана — вещь интересная, но мало полезная. Понимаете, обкручивать ручки и вешать на конце петельку можно сколь угодно долго, суть от этого не поменяется. И цель тоже.

— А что цель? — на этот раз вопрос задал Джонни.

— Видимо, открыть дверь.

— Но ведь можно открыть и за петельку?

— Только неизвестно, сколько же нужно этой веревки намотать, чтобы, дернув за петельку, дверь открылась, а веревка не порвалась.

— Но все же это возможно?

— Ну да... только скорее инопланетяне прилетят к нам и все расскажут, чем мы таким образом до всего домотаемся.

Опять воцарилось молчание, лишь древесным жабам этой ночью было наплевать на судьбу мира, а может быть, наоборот, они как раз и обсуждали эту тему. Только вряд ли они могли слышать друг друга. Слишком сильно каждая из них пыталась высказать свое мнение.

— Легче стало? — спросил Боб.

Художник скорчил гримасу.

— Кхм, — подал голос Майкл, — я не совсем понял. К чему это все? Для расширения кругозора?

— Можно я займу еще одну минутку? — спросил Художник. Он чувствовал, что осталось протянуть совсем недолго. Кроме того, у него действительно имелась еще одна

мыслишка, по этому поводу.

— Давай, давай.

— Последняя на сегодня метафора: наш мир — это фабрика. Или завод. Не важно. Все люди, которые тут живут — работники завода. Они выполняют свои обязанности и все. Не важно какие это обязанности. Не важно, какую должность занимает тот или иной человек. Разница, безусловно, существует, но суть не очень-то меняется. Кроме рабочих, труд которых направлен непосредственно на производство продукции, есть еще и другие отделы. Например, столовая. Там работают повара. Они кормят работников завода. Еще есть... профком.

— Что?

— Я не знаю, как это называется у вас. Ну что-то типа представительства рабочего комитета. Там люди заботятся о том, чтобы права рабочих соблюдались. По-русски это профсоюз.

— Мы зовем это профсоюз, — перевел Джонни.

— Спасибо, так вот, в этом профсоюзе тоже работают люди. Они следят за соблюдением прав рабочих. Допустим, есть еще один отдел, ответственный за развлечение и просвещение рабочих. Допустим, все эти рабочие, живут в большом доме с множеством комнат. Мы зовем это общежитие. Это здание находится на территории завода. Следовательно, кроме завода, рабочие ничего и не видят в жизни. То есть завод — это и есть их мир. Мир, в котором протекает их жизнь. И чтобы они не скучали, в свободное время им устраивают разные развлечения. Такие же рабочие, живущие с ними по соседству, только работающие в отделе развлечений. Они и устраивают всякие праздники, организуют спортивные состязания. Пишут смешные стишки. Рассказы. А рабочие читают их, участвуют в соревнованиях и так далее.

Для того, чтобы рабочие работали лучше и выпускали больше продукции, работали эффективнее и все такое, есть люди, которые занимаются просвещением, образованием рабочих. Но эти люди тоже такие же рабочие, как и все остальные. Все они живут в одном большом доме. Все работают на одном заводе. И ничего не входит на их территорию из вне и ничего во вне не выходит.

— А что же производит это завод? И куда потом эта продукция девается?

— Ну а тут уже привычные нам два варианта. Либо завод производит что-то, необходимое для жизни своих рабочих. Например, на заводе много отделов. И где-то делается камень, чтобы построить еще один дом, где будут жить дети рабочих, где-то производится одежда и так далее. Либо, завод выпускает какую-то продукцию, которая внутри завода абсолютно не нужна, но зато внешний мир, тот, который за территорией завода, в ней очень нуждается. И начальной целью завода и было выпуск этой продукции, а потом лишь появились другие отделы, поддерживающие его автономную работоспособность. Понимаете?

— Допустим, — кивнул Майкл. — А что же выпускает наш завод? В смысле, наш мир?

— Хороший вопрос. Но боюсь, что мы пока слишком далеко от ответа на него. Мне кажется наш мир, наш завод, так увлекся поддержанием собственной жизнедеятельности, так увлекся приготовлением вкусной еды для собственных рабочих, так увлекся их просвещением и образованием, организацией праздников для них, написанием веселых стишков и рассказиков, он даже выстроил небольшую телебашню, вещающую на весь завод, и создал несколько телевизионных каналов разной направленности. Короче говоря, за всеми

этими занятиями, будь то создание или потребление благ, все, от руководства завод до самого последнего его служащего позабыли о выпуске той самой продукции. И, конечно же, они давным-давно позабыли, что же за продукцию они выпускают. Но это не потому, что у них плохо с памятью. Просто об этом никто не вспоминал несколько тысяч лет. А если кому-нибудь и приходила в голову мысль, что о чем-то окружающие позабыли и он, мучимый ею, долгие годы пытался вспомнить, а в конце концов вспоминал, то призыв этого человека все равно оставался безответным. Наоборот, его журили и упрекали тем, что он занимается совершенно бесполезным делом. Что ему пора бы уже образумиться и заняться нужным для завода делом, а именно — созданием каких-нибудь благ.

Художник мыслил на ходу и с каждым словом все это так захватывало его, что он уже совершенно забыл, где он находится, зачем и почему. Наконец-то, он отчетливо осознал то, что всегда пытался осознать. Наконец-то он смог впитать в себя этот параллелепипед, который совсем недавно был для него слишком большим. Наконец-то он почувствовал, что дождался. Несколько минут назад, когда он только начал свой изредка прерываемый вопросами монолог, пришло то событие, которого он так ждал всю жизнь. Но это была еще не кульминация. Это было только начало.

Боб перестал улыбаться. "Шустрый парень", — пробормотал он себе под нос. Он глубоко вздохнул, замаскировав под этим легкий разворот винтовки. Теперь она смотрела как раз на Свету и Джонни. Как только он сделал это, глаза девушки расширились и заблестели, Бобу показалось, что она поняла, что он замышляет. "Неужели смогла прочесть? Меня?"

В этот момент холодное дуло надавило ему на затылок. Позади стоял Александр и в вытянутой руке сжимал свой пистолет. За спиной, держась за его плечо, стояла Инна.

— Ну что, земляки, полетим на Родину?

Света широко улыбнулась:

— Наручнички бы снять, а то ручка у меня болит очень сильно. Плакать хочется аж.

Художник слегка насторожился. Несмотря на приятный поворот, внутри он не чувствовал, что это конец.

Инна отпустила плечо Александр и подобрала с земли автомат.

— Майкл, мой дорогой, — обратилась она к своему главному злодею, — если не хочешь, чтобы я спустила на тебя свою дикую злость. Если хочешь еще побыть мужчиной, если вообще хочешь еще побыть, то будь добр, освободи от наручников наших друзей.

Майкл еще раз пробежался взглядом по присутствующим, затем медленно начал движение в сторону Художника.

— Оружие брось.

— И все остальные тоже, — добавил Александр.

Некоторое время спустя, все русские стояли рядом друг с другом, а их американские знакомые были заперты в одном из домов со скованными руками. Причем, тремя наручниками они были скованы каждый друг с другом.

— Ну что, мальчики, домой?

— Только сначала зайдем к нам в домик, там у меня ноутбук и прочие вещички.

— Да, выбраться из страны будет не так-то просто. Вляпались мы в такую резню.

— Тсс, — Инна приложила палец к губам. — Слышите?

Справа сверху по диагонали приближался шум вертолета. Через несколько секунд уже

можно было заметить луч его прожектора.

"Вот оно!", — подумал Художник совсем о другом и, потеряв сознание, упал на землю.

Эпилог.

Столб, столб, столб, столб, столб, шестой, седьмой, восьмой... остановка. В вагон заходят люди. Двое мужчин садятся на пустую скамейку напротив него. Оба высокого роста и чем-то похожи друг на друга. Одеты тоже очень похоже. Только Сергей не может понять, во что. Их одежда расплывается у него перед глазами, сфокусировать взгляд он может только на их лицах. Высокий лоб, большие губы, длинный нос. У одного и второго.

— Ну вообще, это наш с тобой рекорд, да? — обратился один из них к другому.

— Безусловно. Так быстро нам еще это не удавалось.

— А абсолютный рекорд сколько?

— Семнадцать лет.

— Ну я вот тоже помню, что около того, запомнил только, семнадцать или шестнадцать.

— Семнадцать.

— Ну в пятерку наш результат войдет, да?

— Двадцать два?

— Ему же двадцать два? — мужчина кивнул в сторону Сергея.

— Да, — кивнул второй.

Сергей оторвал взгляд от пробегающих за окном пейзажей, все равно он знал их наизусть, и уставился на своих попутчиков.

— Если не в пятерку, то в десятку точно.

— Мы молодцы.

— Однозначно.

— Поздравляем, — хором сказали мужчины и протянули Сергею свои крупные руки.

— С чем? — скривился Сергей.

— С освобождением отсюда.

— То есть все, мне можно выйти?

— Да. Ну если ты не хочешь остаться здесь, отдохнуть чуток, набраться сил.

— А что там, вне этого всего?

— Придешь — увидишь.

— И мне дадут все ответы?

— Да сам все поймешь, не дурак.

— Но если что, мы тебе поможем.

— Тогда пойдемте скорее! — Сергей улыбался и вытирал потеющие ладошки о джинсы.

— Одна формальность.

— Какая?

— Тебя надо избавиться от этого тела, чтобы не мешало.

— Как?

— Как тебе хочется. Можно сигануть откуда-нибудь

— Яда выпить.

— Пулю в лоб.

- Или две.
- Выбирай.

— Эй! Ты чего! Тебя ранили?

Художник открыл глаза. Над ним склонились Александр и Инна. Совсем близко шумел полицейский вертолет.

— Сань, — попросил Художник.

— А?

— Дай пистолет на секунду.

— Тебе зачем?

— Ну будь другом, дай, а?

Больше книг на сайте - Knigolub.net